В этом номере

НАУКА И РЕЛИГИЯ

9 • 1978

Портрет Л. Н. Толстого работы Н. Н. Ге.

Внизу: Письменный стол Л. Н. Толстого в Ясной Поляне. В течение всей многолетней жизни в яснополянском доме Толстой работал за этим столом, некогда принадлежавшим его отцу. Здесь он написал большинство своих произведений, в том числе «Войну и мир» и «Анну Каренину».

Глыба зеленого стекла, стоящая на письменном столе писателя в яснополянском доме. Она была подарена Толстому служащими и рабочими Дятьковского хрустального завода в год отлучения Толстого от церкви (1901 г.). На глыбе монограмма и золотом надпись: «Вы разделили участь многих великих людей, идущих впереди своего века, глубокочтимый Лев Николаевич! И раньше их жгли на кострах, гноили в тюрьмах и ссылке. Пусть отлучают Вас как хотят и от чего хотят фарисеи «первосвященники». Русские люди всегда будут гордиться, считая Вас своим великим, дорогим, любимым».

Фото Ф. Гуртовника

Письменный стол в кабинете писателя в хамовническом доме. Именно за этим столом с «решетной» изображен Толстой на портрете Н. Н. Ге. За этим столом в феврале 1901 года Толстой написал свой «Ответ синоду».

НАУКА И РЕЛИГИЯ 9·78

НА НАШИХ ОБЛОЖКАХ

28 августа 1828 года в Ясной Поляне, что в пятнадцати километрах южнее Тулы, родился Лев Николаевич Толстой. Он прожил долгую жизнь, и, поверхностно прочитанная, она выглядит вполне благополучной. В расцвете таланта Толстой не был убит на дуэли, как Пушкин или Лермонтов, он не был так тяжко болен и так унижен долгами, как это часто случалось с Достоевским; по причинам личной неустроенности не скитался по заграницу, как Тургенев, и по причинам политическим не провел там полжизни, как Герцен. Из своих 82 лет — возраст в русской литературе редкостный — больше пятидесяти он прожил там же, где родился, — в Ясной Поляне. Да 19 зим в Москве, в собственном доме в Хамовниках.

Но это была очень трудная жизнь, потому что всю ее Толстой посвятил поискам истины и добра. И это посвящение было столь истинным и искренним, что действительно потребовало от него всей жизни. Великий писатель почти пожертвовал художественным творчеством ради публицистической, проповеднической деятельности, когда пришел к убеждению, что в ней его долг и призвание. Богатый барин, он тачал сапоги, выходил пахать и косить с мужиками, в Москве работал с пильщиками дров, потому что твердо верил: человек обязан вести трудовую жизнь и не гнушаться любой работой. Он отказался от собственности на все литературные произведения, написанные после 1881 года, он изводил всех своих домашних, страдая от несоответствия своей жизни и тягостной жизни народной. И ночью 1910 года, по тропинке, протоптанной через сад к хозяйственным постройкам, он ушел из Яснополянского дома, скинув с себя ставший для него совсем уже непосильным груз так называемой вполне благополучной — с житейской точки зрения — жизни.

История этой жизни, этих духовных исканий Толстого — не есть ли это главное произведение, главный роман, написанный великим писателем? И эта жизнь не плод фантазии художника, она реальна, как реальны яснополянские постройки и угодья, как реален окрашенный охрой и медянкой дом Толстого в Хамовническом переулке.

И как должны быть счастливы мы, имея возможность видеть эти бережно охраняемые леса, парки и дома. Мы сознаем, что эти застывшие (так было!) интерьеры, эти письменные столы, кресла, подсвечники, портреты и скульптуры, словно затаившие следы некогда протекшей среди них жизни, — все это подлинные драгоценности нашей культуры, ибо они приобщают нас к той человеческой жизни, любые свидетельства о которой для нас бесценны.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
«ЗНАНИЕ»
Год издания двадцатый

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

ВСЕ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

Забота о советском человеке, о наиболее полном удовлетворении его жизненных и духовных потребностей — главное направление деятельности Коммунистической партии. Новым важным свидетельством заботы нашей партии о реальном благе советских людей стали материалы прошедшего в июле этого года Пленума ЦК КПСС, посвященного дальнейшему развитию сельского хозяйства нашей страны.

Говоря о том, что вопросы дальнейшего развития сельского хозяйства страны партия рассматривает на историческом рубеже — в год начала седьмого десятилетия Великого Октября, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев в докладе на Пленуме отметил: «...Победа социалистической революции в России одновременно положила начало освобождению от угнетения, политического бесправия и темноты самого многочисленного трудового класса планеты — крестьянства». Весь путь развития советской деревни — убедительное доказательство того, что только социализм ведет к правильному и справедливому решению крестьянского вопроса, к подлинному расцвету многомиллионных масс людей, живущих в деревне, к их духовному освобождению, в том числе и от иллюзорных, религиозных представлений и суеверий.

Веками, тысячелетиями крестьянин был обречен самими условиями своей жизни, духовным угнетением и тяжкой эксплуатацией оставаться бесправным, темным, необразованным, погруженным в религиозное мировоззрение и различные суеверия, в мистику. Все прогрессивное с трудом пробивало себе дорогу в деревне. Этому мешали не только несознательность задавленных эксплуататорами масс, но и многовековой груз реакционных традиций и, конечно же, церковь. Казалось, ничто и никогда не сможет разрушить извечный консерватизм сельских жителей, их боязнь нового, особенно в мировоззрении. Однако построение развитого социалистического общества привело к этому поистине историческому перевороту.

О том, какой невообразимо гигантский путь за короткий срок проделала наша деревня в своем социальном и духовном развитии, ярко свидетельствуют данные, приведенные в докладе товарища Л. И. Брежнева, указавшего, что «рост благосостояния, культуры и быта сельского населения — одна из примечательных черт нашего времени». Вот только один пример этого:

«Среди председателей колхозов — 93,5 процента, а среди директоров совхозов — 98,3 процента специалистов с высшим и средним образованием. В сельском хозяйстве сегодня работают более 1 миллиона 600 тысяч специалистов, а численность механизаторов увеличилась до 4 миллионов 225 тысяч. Теперь каждый пятый работник в сельском хозяйстве — механизатор. Технический прогресс привел к появлению на селе большого количества и других категорий образованных, квалифицированных работников».

И если вдуматься, то впечатляющие успехи сельских тружеников Советской страны за последние годы в материальном производстве, в развитии культуры, в изменении духовного облика не только имеют глубочайший социальный смысл, знаменуют собой победу марксистско-ленинского учения по аграрному вопросу, но и свидетельствуют также о торжестве материалистического мировоззрения. Сегодняшний крестьянин уже никак не связывает свою хозяйственную деятельность с религиозными иллюзиями. Да и сам наш девиз — «Все для блага человека!» — глубоко атеистичен по своей сути, так как в корне опровергает религиозные установления. Религия всегда заботилась не о реальном благе человека здесь, на земле, а о подчинении его поведения, помыслов, стремлений — всей жизни загробному воздаянию, чтобы соблюдением религиозных требований вымолить себе у бога «райскую жизнь» после смерти.

Важное значение для развития сельского хозяйства и всего социалистического строительства имеет тот факт, что Коммунистическая партия, отмечая достижения в сельском хозяйстве, сосредоточила внимание на еще не решенных его проблемах, в первую очередь — на повышении продуктивности сельскохозяйственного производства, а также на укреплении экономики колхозов и совхозов, усилении их материальной базы, значительном росте уровня жизни, улучшении культурного обслуживания жителей села. Сама по себе эта конкретная, основанная на глубочайшем анализе реального положения вещей программа дальнейшего развития сельского хозяйства являет собой яркий пример марксистско-ленинского подхода к действительности, материалистического решения сложнейших проблем.

Вспомним, что никогда раньше крестьянин не был уверен в том, как реально будут (да и будут ли) расти его урожаи или продуктивность животноводства. Во всем этом он полагался главным образом на волю божью, от которой, по его убеждению, зависело все это, а значит, и его благополучие. А сегодня, в условиях со-

циализма все ведение сельского хозяйства становится на твердую научную основу. На Пленуме ЦК КПСС по-деловому обсуждалось, что и как именно нужно делать, чтобы росли урожаи зерновых, производство мяса, молока, фруктов, овощей.

Характерный для всех решаемых Коммунистической партией вопросов комплексный подход выразился и в том, что на июльском Пленуме ЦК КПСС производственные проблемы нашего сельского хозяйства рассматривались в тесной взаимосвязи с задачами развития научной базы этой отрасли. И тут тоже ярко проявился диалектико-материалистический подход к природе, к управлению на благо человека теми ее процессами, которые всего несколько десятилетий назад казались большинству людей просто непостижимыми, таинственными, сверхъестественными.

«Новому этапу борьбы за подъем сельского хозяйства,— отмечалось в докладе товарища Л. И. Брежнева,— должны соответствовать и более высокий уровень партийного руководства, более совершенные методы работы в массах». Это предполагает в первую очередь усиление организаторской и воспитательной деятельности со стороны партийных организаций, всех коммунистов. От их настойчивости, целеустремленности, умения сплотить, организовать и воодушевить сельских тружеников в большой мере зависит осуществление намеченной Пленумом программы дальнейшего развития нашего сельского хозяйства.

Немалая роль в этом важном деле принадлежит пропагандистам научных знаний. Они накопили уже немалый опыт того, как способствовать претворению в жизнь решений Коммунистической партии, мобилизовать массы на их осуществление, распространять передовой опыт, бороться со всем, что здесь мешает. Однако следует сказать, что далеко не все еще наши пропагандисты, даже те из них, кто сам живет и трудится на селе, достаточно хорошо знают происходящие тут экономические и социальные процессы, не всегда могут компетентно и убедительно судить и говорить о них.

Особенно это относится к пропагандистам научного атеизма, среди которых еще встречаются люди, работающие, к сожалению, по старинке — без учета образованности, производственной деятельности, современного миропонимания, жизненной позиции большинства сельских жителей. До сих пор в сельской местности можно услышать абстрактную лекцию по атеистической тематике, оторванную от реальной жизни и конкретных задач данного населенного пункта, производственной бригады, колхоза, совхоза. Более того, имеются случаи, когда атеистическое воспитание, особенно сельской молодежи, ведется в отрыве от всего комплекса коммунистического воспитания.

Такие факты, даже единичные, в современных условиях мешают практике воспитания нового человека. Их надо изживать, добиваться того, чтобы наша идеологическая работа стала более конкретной и живой, была ближе и понятнее людям, действенно мобилизовала их на решение задач, поставленных партией, способствовала формированию активной жизненной позиции и твердых диалектико-материалистических убеждений.

Проблемы эти имеют немаловажное значение и для претворения в жизнь решений июльского Пленума ЦК КПСС. На нем указывалось, в частности, что для закрепления на селе механизаторских кадров все большее значение приобретают «условия труда и быта, удовлетворение духовных потребностей людей». «Не только производство, — говорил в своем докладе товарищ Л. И. Брежнев,—но и отношения между людьми, их быт, культура, психология, сознание являются предметом постоянного внимания партии. Одна из важнейших задач сегодня состоит в соединении сельскохозяйственного производства с культурой, понимаемой в самом широком смысле слова как культура труда, быта, человеческих отношений».

Сегодня это — один из главных путей пропаганды наших идеалов, коммунистического воспитания трудящихся, одной из составных частей которого является атеистическое воспитание. Очень важно пропагандистам атеизма на селе все это глубоко осознать и осмыслить, уметь органически увязывать утверждение материалистического мировоззрения с решением задач современной аграрной политики партии. Следует постоянно помнить: пропагандисты научного атеизма призваны не только преодолевать религиозное миропонимание и утверждать материалистический взгляд на мир, но и методами партийного убеждения и коммунистического воспитания вооружать советских людей глубоким пониманием задач, поставленных партией, мобилизовывать массы на их конкретное решение, направленное на высочайшую гуманную цель — на строительство коммунизма, на благо человека.

В Постановлении Пленума ЦК КПСС выражается твердая уверенность, «что колхозники, рабочие совхозов, механизаторы, специалисты, ученые, руководители хозяйств, работники промышленности, все труженики города и села единодушно одобрят решения настоящего Пленума ЦК КПСС и своим самоотверженным трудом обеспечат их успешное выполнение, что позволит ускорить решение главной задачи партии — значительное повышение благосостояния советского народа». Как видим, Коммунистическая партия вновь, еще и еще раз подтверждает и реально подкрепляет свой основной курс: «Все — для человека!» И это находит широкий отклик в сердцах и делах советских людей.

В НОГУ СО ВРЕМЕНЕМ

Л. ШЕПЕТИС,
секретарь ЦК Компартии Литвы

В СВОЕЙ повседневной работе партийные организации республики опираются на широкую программу, разработанную XXV съездом КПСС, которая предусматривает дальнейший подъем **«материального и культурного уровня жизни народа на основе динамичного и пропорционального развития общественного производства и повышения его эффективности, ускорения научно-технического прогресса, роста производительности труда, всемерного улучшения качества работы во всех звеньях народного хозяйства»**. Но наше продвижение вперед невозможно без повседневной воспитательной работы, которая в свою очередь постоянно развивается и совершенствуется. Как отмечал в Отчетном докладе XXV съезду КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, главная задача идеологической работы заключается в повышении ее эффективности. А путь — «это — комплексный подход к постановке всего дела воспитания, то есть обеспечение тесного единства идейно-политического, трудового и нравственного воспитания с учетом особенностей различных групп трудящихся».

Говоря о коммунистическом воспитании, о формировании активной жизненной позиции людей, мы не можем не учитывать огромного воспитательного значения различных праздников и обрядов, являющихся составной частью социалистической культуры, советского образа жизни.

У нас в республике существует целый ряд обрядов и традиций, имеющих давнюю историю и до сего времени не потерявших своего значения. Люди создавали их, чтобы как-то отметить различные события своей жизни. Одни праздники, например, были связаны с окончанием сельскохозяйственных работ, другие — по большей части семейно-бытовые — крепили семью. В то же время мы не можем забывать и о том, что в течение многих веков их использовала для своих целей католическая церковь, которая оказывала, да и по сей день в ряде случаев старается оказывать свое влияние на определенную часть населения. Сейчас мы знаем, например, немало случаев, когда некоторые люди не могут, скажем, отделить народные традиции от религиозных, причем последние даже рассматриваются порой как показатель национальной принадлежности. Подобному неправильному пониманию в немалой степени способствуют утверждения богословов, что между религией и народными традициями существует прямая связь. Более того, деятели церкви выдвигают и такой тезис, что многие восточноевропейские народы, в том числе литовцы, получили от церкви национальную культуру.

Никто не отрицает, что религия на протяжении многих веков оказывала влияние на быт, нравы и культуру народов. Но влияние это было как раз таким, что оно тормозило социальный и культурный прогресс. Религия никогда не была творцом духовной культуры. Можно привести достаточно примеров, когда во многих праздниках и обрядах преобладали не только безрелигиозные, но и антирелигиозные идеи. Поэтому в своей идеологической деятельности мы уделяем самое серьезное внимание прогрессивным традициям прошлого, стараемся полностью отделить народное от религиозного. А одновременно ведем большую работу по совершенствованию новых традиций и обрядов, которые сформировались и продолжают формироваться в процессе социалистического строительства. Такой подход нашел, в частности, свое отражение в совместном постановлении ЦК Компартии Литвы и Совета Министров Литовской ССР от 4 мая 1963 года «О мерах по улучшению составления актов гражданского состояния в республике». Тогда же был создан общественный республиканский Совет народных традиций при Министерстве культуры, призванный координировать работу различных учреждений, ведомств и общественных организаций по развитию гражданской обрядности. А постановление от 16 октября 1974 года «О мерах по дальнейшему улучшению осуществления гражданских обрядов в республике» уже обязало партийные, советские, общественные организации, руководителей предприятий, учреждений, колхозов и совхозов уделять ей постоянное внимание, считать важным разделом идеологической работы.

Сейчас можно с уверенностью сказать, что здесь достигнуты определенные успехи. В частности, у нас в республике все люди, независимо от своего отношения к религии и церкви, с большим воодушевлением и подъемом отмечают революционные и государственные праздники: Первомай, 7 Ноября, День Победы, День памяти основателя Коммунистической партии и Советского государства В. И. Ленина, Международный женский день, День Конституции, День Советской Армии, 21 июля — День восстановления Советской власти в Литве и т. д. Прекрасной традицией стали проводимые во многих населенных пунктах праздники песни и танца, фестивали дружбы народов. Большой интерес у трудящихся, особенно у молодежи, вызывают дни науки, культуры, искусства, музыкальные фестивали, празднование весны, дни поэзии, декады и дни культуры братских советских республик...

В. Вильнюсском дворце бракосочетания: золотая свадьба Эмилии Шюлите-Бирене и Антанаса Биры, жителей Канады, гостивших в республике.

Еще одна новая семья: медсестра Л. Павлова и электрик И. Азарков.

В торжественной обстановке проходит обряд имянаречения в колхозе «Пазjeрис» Паневежского района.

Сформировались и продолжают развиваться трудовые праздники. Особенно любим трудящимися Литвы Праздник урожая, который посвящается окончанию полевых работ, когда подводятся итоги коллективных трудовых достижений. Новая социалистическая жизнь определила новые трудовые праздники и обычаи, воспевающие красоту труда советского человека. Ежегодно отмечаются у нас и дни профессий, когда мы чествуем победителей социалистического соревнования, передовиков труда. И часто это делается непосредственно в цехе, на ферме, в бригаде. Популярны и любимы в народе конкурсы профессий — ткачей, мелиораторов, пахарей, кузнецов и т. п., среди которых есть и всесоюзные лауреаты.

С полным правом к новым традициям можно отнести и проводы на заслуженный отдых ветеранов труда — рабочих, колхозников, представителей интеллигенции, славно поработавших на благо Родины, которых правительство республики награждает медалью «Ветеран труда». Такие праздники помогают воспитывать молодежь, прививать ей уважение к труду, к своей профессии, к общественной деятельности.

Мы приветствуем появление у нас целого ряда сугубо детских и молодежных традиций и обрядов. Здесь прежде всего следует, наверное, отметить праздник первоклассников — «Первый звонок». Хорошей традицией стали торжественный прием в октябрята, пионеры, в комсомол, вручение паспорта, проводы молодых людей в Советскую Армию. Как правило, эти церемонии проводятся у мемориалов, памятников, они очень волнующи, в них участвуют ветераны войны и труда, представители общественности.

Хочу сказать несколько слов о бытовых и семейных праздниках и обрядах, которым издавна придавалось в Литве особое значение.

Возьмем, к примеру, обряд похорон. Почему тут сильно влияние церкви, думаю, пояснять не надо. Поэтому мы стараемся вести осторожную, кропотливую работу. Трудностей, конечно, много, но главное, на мой взгляд, уже сделано. Так, в городах Вильнюсе, Паневежисе, Клайпеде, а также в районных центрах специально спроектированы и построены помещения, в которых размещаются бюро ритуальных услуг. А сам обряд, сохранив в своей традиционной части ритуальные действия, связанные с проявлением уважения к умершему, подчеркивает мысль, совершенно чуждую религиозному мировоззрению: «Все остается живым».

Есть у нас и обычай поминать осенью усопших. Этот обряд проводится чаще всего в последнюю

В совхозе «Гедрайчай» Молетского района организуются торжественные проводы механизаторов на уборку урожая.

Первый секретарь Панемунского райкома комсомола (г. Каунас) Г. Раудонис вручает новый комсомольский билет прядильщице объединения «Дробе» Н. Бараускайте.

Одна ткачиха, как правило, обслуживает 18 станков. Но Клавдия Ковалева, которая вот уже 26 лет работает на фабрике «Гульбе», обслуживает 27. На снимке — ветерана труда К. Ковалеву поздравляют товарищи по работе.

Фото ЭЛЬТА.

субботу октября или в первую субботу ноября. В Игналинском районе, в Дукштасе, на кладбище наряду с извечно существующим местом поминовения, центральным крестом, появилось другое — у памятника героической партизанки Марите Мельникайте. Здесь проходит обычно траурный митинг, звучит реквием. Такой ритуал мы стремимся проводить в День поминовения и на других кладбищах. А весной проводим недели благоустройства кладбищ. Это очень добрая традиция, поскольку вопрос о состоянии мест захоронения — это, по сути дела, вопрос об уважении к памяти людей, живших до нас.

Теперь о других наших праздниках и обрядах. Социалистический строй, советский образ жизни коренным образом изменили и содержание семейных праздников, которые раньше большей частью были проникнуты религиозным содержанием. Это особенно хорошо видно на примере деревни, где в настоящее время происходят глубокие, можно сказать, революционные преобразования. Дело в том, что в литовском селе, да и вообще во всей нашей стране с каждым годом приобретают все больший размах специализация и концентрация сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции.

Этот процесс не мог не повлиять и на образ жизни, мышление, мировоззрение бывших хуторян. Ныне они вышли на широкий путь общественного, социалистического производства и, познав силу дружбы братских народов, стали настоящими коллективистами и интернационалистами, которым чужда мораль мелкого собственника. Наши сельские жители все реже оглядываются на прошлое, все меньше прислушиваются к голосу ксендзов. Вот почему претерпели изменения семейные обряды, вот почему они стали приобретать новую форму и новое содержание.

Возьмем, к примеру, гражданскую регистрацию брака и наречение имени новорожденному. Правда, здесь нам пришлось столкнуться с немалыми трудностями. Как известно, в буржуазной Литве гражданской метрикации не было. Даже употреблявшийся до 1963 года термин «крестины» отражал религиозное начало. Институт литовского языка и литературы Академии наук Литовской ССР предложил другой термин — «вардинос» (его можно перевести как «именины»). При создании церемониала гражданского обряда имянаречения мы опирались не только на традиционно обрядовое действие, но и использовали элементы, почерпну-

тые из поэтического творчества народа. В 1969 году церемониал именин уже был опубликован в сборнике «Гражданские обряды». Сейчас наша работа направлена на то, чтобы распространить накопленный опыт на все районы республики.

Сложился и новый, соответствующий нашему образу жизни, церемониал бракосочетания. Явление это настолько примечательное, что о нем следует сказать особо. Среди прочих достопримечательностей в Вильнюсе гостю обязательно покажут Дворец бракосочетания (проект архитектора Г. Баравикаса) — на мой взгляд, один из лучших в стране. Без преувеличения можно сказать, что свадьба — самое важное торжество в жизни человека. Причем очень большое значение придается внешнему оформлению, то есть непосредственно регистрации брака. Так как гражданской регистрации в Литве не существовало, то эти функции брала на себя церковь: поэтому при заключении брака принимались во внимание как религиозные, так и национальные различия. Все желающие создать семью должны были венчаться в костеле. Однако католическое духовенство противилось браку между людьми различных конфессий.

После восстановления в Литве Советской власти впервые в истории литовского народа был принят Кодекс о браке, семье и опеке, введена гражданская регистрация брака. Нашими первыми помощниками и пропагандистами в этом деле стали комсомольцы. На комсомольских свадьбах молодоженов поздравляли представители трудового коллектива, создание семьи отмечала вся первичная комсомольская организация. Правда, сначала здесь избегали какой-либо обрядовой атрибутики. Но элементы истинно народного характера в конце концов закономерно пробились на свадебные торжества. Со временем в республике появились Дворцы бракосочетаний. И сейчас во многих городах и селах Литвы построены красивые здания для свадебных торжеств, а в Каунасе молодые расписываются в бывшей ратуше.

Примерно лет 10 назад наши загсы и Дворцы бракосочетания организовали чествование «серебряных» и «золотых» юбиляров, проявив тем самым уважение к супругам, сумевшим дружно прожить жизнь. Мне кажется, что по эмоциональному накалу этот праздник ничуть не уступает молодежным свадьбам. И мы видим, что рожденный уже в наши дни, он по своей эмоциональной силе превосходит многие традиционные.

Безусловно, несмотря на огромные успехи, которые достигнуты в республике в деле становления и пропаганды новых гражданских обрядов, у нас есть и свои нерешенные проблемы. Впрочем, это вполне естественно: ведь создание традиций — дело не одного дня. И только жизнь показывает, насколько эффективна наша работа. Мы же должны постоянно трудиться на этом благородном поприще. Поэтому основная забота партийных организаций, работников культуры — повседневное внимание к этим вопросам, потому что прогрессивные традиции и обряды одухотворяют людей, делают их жизнь содержательнее, способствуют формированию высоких моральных качеств советского человека.

г. Вильнюс

ПОДХОД ВСЕСТОРОННИЙ, ТВОРЧЕСКИЙ

С. НИКИШОВ, председатель научно-методического совета по пропаганде научного атеизма при Правлении общества «Знание» РСФСР, доктор философских наук

Роль лекции, ее главное назначение — быть действенным фактором формирования научного мировоззрения. Особенно возрастает эта роль в современных условиях, что предъявляет, несомненно, более высокие, по сравнению с прошлым, требования как к лектору, так и к качеству публичных выступлений. Еще в постановлении ЦК КПСС «О работе в Московском высшем техническом училище имени Н. Э. Баумана и Саратовском государственном университете имени Н. Г. Чернышевского по повышению идейно-теоретического уровня преподавания общественных наук» отмечалось, что лекции определяют «содержание и идейно-политическую направленность всего учебного процесса». Но разве это положение относится только к вузу? Конечно же, и к лекциям, читаемым в народных университетах, в постоянно действующих лекториях, да и в любой другой аудитории.

Содержание лекции, ее качество, а следовательно, и эффективность определяются, как указывал В. И. Ленин, «всецело и исключительно **составом лекторов**». Недаром постановлением ЦК КПСС «О состоянии и мерах улучшения лекционной пропаганды» рекомендуется из всего большого круга вопросов, которыми занимается общество «Знание», сосредоточить особое внимание на развитии и укреплении научных основ лекционной работы, а также на системе подготовки и повышения квалификации лекторов. Вместе с тем ЦК КПСС предложил обществу «Знание» всемерно развивать общественные начала в работе, поднимать ответственность научно-методических советов и секций за содержание и тематику лекционной пропаганды.

Исходя из принципиальных

установок партии, организации общества «Знание», их научно-методические советы и секции постоянно анализируют практику своей лекционной пропаганды, вскрывают имеющиеся недостатки и упущения и, наметив пути их устранения, разрабатывают конкретные долговременные планы мероприятий. В частности, активно включились в эту работу и научно-методические советы и секции по пропаганде научного атеизма при правлениях организаций общества «Знание» РСФСР.

Атеистическая пропаганда, конечно, имеет свою, конкретную проблематику. Но если брать шире, тема ее — жизнь. И уже поэтому пропаганда атеизма не может быть оторвана от экономических, идеологических, нравственных и других проблем, а атеистическое воспитание — от всего комплекса проблем воспитания человека коммунистического общества, то есть оно должно осуществляться в единстве с идейно-политическим, трудовым и нравственным воспитанием населения. Опыт показывает, что пропаганда атеистических знаний как составной части коммунистического воспитания оказывается тем более действенной, чем теснее ее связь с политикой партии, с трудом народа. Атеистические мероприятия вызывают тем больший интерес, чем полнее и глубже раскрываются в них коммунистические нравственные идеалы. И наоборот, чем уже тематика проводимого мероприятия, чем дальше оно от основных направлений коммунистического воспитания, чем меньше в нем позитивный воспитательный заряд, тем меньший интерес оно вызывает и тем менее значимым оказывается. Вот почему главное место в нашей лекционной работе отводится сегодня пропаганде марксистско-ленинской теории, политики партии, ее документов, Конституции СССР и конституций союзных республик, актуальных проблем научного коммунизма.

Однако вести пропаганду атеизма в таком широком плане можно лишь в самом тесном содружестве со всеми заинтересованными организациями и учреждениями. Практически неограниченные возможности для атеистического воспитания открывают, например, памятники истории и культуры нашей Родины, тем более что они есть во всех областях, краях и республиках страны. Чтобы полнее использовать памятники истории и культуры для пропаганды политических и научных знаний, для коммунистического воспитания трудящихся, ознакомления советских граждан и зарубежных туристов с достопримечательностями нашей Родины, Правление общества «Знание» РСФСР стремится координировать свою деятельность с Обществом охраны памятников, Министерством культуры РСФСР, Центральным советом по туризму.

Так, совместно со Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры были проведены республиканский семинар в Новгороде («Памятники истории и культуры в атеистическом воспитании»), зональная научно-практическая конференция в Суздале («Пропаганда памятников культуры и ее роль в коммунистическом воспитании»), а также ряд других мероприятий. Это, несомненно, способствует комплексному подходу к решению поставленных задач. Однако практика включения культурного наследия прошлого в систему коммунистического воспитания еще недостаточно продумана в мировоззренческом аспекте. В частности, следует отметить, что и на конференциях, и в издаваемых пособиях больше говорится и пишется о том, что надо пропагандировать, и мало показывается, как это нужно делать.

Трудно переоценить участие в пропаганде атеизма медицинских работников. Правление общества «Знание» РСФСР совместно с Домом санитарного просвещения РСФСР и областными организациями Общества подготовили и провели республиканскую, а также несколько зональных и областных научно-практических конференций на тему «О повышении роли медицинских работников в атеистическом воспитании». Аналогичные конференции состоялись в городах Перми, Петрозаводске, Оренбурге и Кургане, что дало возможность врачам и другим специалистам, выступающим с лекциями перед трудящимися, обменяться опытом, рассказать о специфике своей работы, высказать соответствующие пожелания об улучшении ее организации и содержания. И как результат — в ряде краев и областей Российской Федерации заметно оживилась деятельность медицинских работников в атеистическом воспитании населения: расширилась тематика лекций, разнообразнее стали формы и методы работы (устные журналы, вечера вопросов и ответов, выпуски специальных бюллетеней и т. д.), полнее раскрывается мировоззренческое, атеистическое осмысление достижений медицинской науки и практики. Более подготовленными стали кадры лекторов по медико-атеистической тематике. Правда, количество лекций по этой тематике все еще недостаточно, да и их качество нередко вызывает нарекания. К тому же не всегда учитываются в них интересы и запросы слушателей. Стремясь устранить эти и другие недостатки, НМС по пропаганде научного атеизма разрабатывают сейчас единую примерную тематику и методические рекомендации, которые могли бы повысить эффективность и качество медико-атеистической пропаганды.

Обязательной принадлежностью любого религиозного культа, сильным средством воздействия на верующих являются религиозные обряды. И как показывает практика, преодолеть религиозную обрядность огульным отрицанием нельзя. Нужна серьезная, настойчивая работа по разработке и внедрению новых, социалистических праздников и обрядов. Эту задачу можно решить лишь комплексно. Не случайно в республиканской научно-практической конференции «Советские праздники и обряды, их место и роль в системе коммунистического воспитания», состоявшейся в начале нынешнего года в Краснодаре, принимали участие ученые и практики, пропагандисты и лекторы, партийные и советские работники, сотрудники органов юстиции, коммунального хозяйства и т. д. Такое коллективное, всестороннее рассмотрение всех сторон и аспектов проблемы единодушно было признано правильным и продуктивным.

Следует отметить, что комплексный подход к постановке

всего дела воспитания осуществляют многие НМС по пропаганде атеизма и, в частности, совет при правлении Липецкой областной организации общества «Знание» (председатель — заслуженный работник культуры РСФСР В. Е. Евдокимов). Там все шире входят в практику совместные заседания НМС по пропаганде научного атеизма, внешней политики СССР и вопросов международной жизни, медицинских, педагогических, правовых знаний, марксистско-ленинской теории и других.

Большое внимание уделяют в Липецке перспективному планированию работы. Перспективные планы по научно-атеистической пропаганде составляют районные и городские организации общества «Знание», советы Педагогического общества, школы, дворцы и дома культуры, клубы, библиотеки, лечебные учреждения. Вводятся даже специальные разделы в планы социального развития трудовых коллективов промышленности, транспорта, строительства, сферы обслуживания, колхозов и совхозов.

Трудности и сложности этой работы состоят в том, чтобы атеистические мероприятия не просто чередовались или становились рядом с мероприятиями по идейно-политическому, трудовому и нравственному воспитанию трудящихся, а сливались бы с ними органически по содержанию и общей направленности в единый процесс коммунистического воспитания.

Заслуживает одобрения работа липецких товарищей по подготовке лекторов-атеистов. Их здесь готовят на специальных факультетах университета марксизма-ленинизма и университета лектора, отделения районных школ лектора, в школах молодого лектора педагогических институтов, в школах лекторов крупных предприятий, таких, скажем, как Новолипецкий металлургический и Липецкий тракторный заводы, металлургический завод «Свободный сокол» и других. По особой программе с учетом производственной деятельности и профессиональных интересов готовятся лекторы-атеисты на семинарах методических объединений лечебных учреждений.

В настоящее время в области трудятся 812 лекторов-атеистов, для которых уже несколько лет работают областной и районные постоянно действующие семинары, кустовые семинары молодых лекторов. Для лекторов-атеистов систематически проводятся консультации в первичных организациях общества «Знание».

Серьезную помощь кадрам пропагандистов оказывает НМС по пропаганде атеизма при правлении Ставропольской краевой организации общества «Знание» (председатель совета — доктор философских наук, профессор А. В. Авксентьев). Совет вместе с лекторской группой крайкома КПСС систематически издает развернутые планы и программы для городских и районных постоянно действующих семинаров лекторов, народных университетов, школ пропагандистов научного атеизма и организаторов научно-атеистической работы. НМС подготовил и разослал в помощь лекторам-атеистам методические разработки на темы: «Актуальные проблемы атеистического воспитания в свете решений XXV съезда КПСС», «XXV съезд КПСС о единстве идейно-политического, трудового и нравственного воспитания», «О единстве интернационального и атеистического воспитания», «Великий Октябрь и духовное освобождение личности» и другие.

Целеустремленно работает и совет по атеизму в городе Угличе Ярославской области, где председатель — ветеран войны и труда А. М. Лобашков. Совет оказывает действенную помощь семьям, школам, трудовым коллективам. Только за 1977 год в Угличе и районе было прочитано 512 лекций по атеистической тематике, проведено много других интересных мероприятий. Совет проявляет постоянную заботу о воспитании новых кадров пропагандистов, привлекая, в частности, наиболее способных учащихся педагогического училища. Выступления молодых лекторов тщательно готовятся, предварительно рецензируются. Только в прошлом году было прорецензировано 136 таких лекций.

Угличские атеисты широко используют и средства массовой информации — районную газету «Авангард», местное радиовещание. Популяризируются среди населения города и района журнал «Наука и религия» и другие атеистические издания.

Опытные пропагандисты научного атеизма ведут работу среди населения не только по узкоатеистической тематике. Например, в плане клуба атеизма при Доме учителя в том же Угличе, наряду с лекциями на такие темы, как «Конституция СССР о свободе совести», «Медицина и религия», вечерами вопросов и ответов на научно-атеистические темы, проводятся мероприятия, которые, на первый взгляд, не имеют прямой связи с пропагандой атеизма: «День рождения комсомола», «90 лет со дня рождения А. С. Макаренко» и т. д. Однако, хотя атеистическая тема и не присутствует здесь прямо, но мировоззренчески-атеистические акценты непременно делаются, что оказывает должное воздействие на слушателей.

Успех проводимых клубом мероприятий в значительной степени объясняется тщательным подбором лекторов, докладчиков, интересных собеседников, которым есть что вспомнить, есть о чем рассказать. К числу таких интересных людей, энтузиастов пропаганды научного атеизма относится и сам Александр Михайлович Лобашков.

Приведенные примеры, а перечень их можно продолжить, показывают, что пропагандисты научного атеизма организаций общества «Знание» РСФСР находятся в постоянном творческом поиске, новый импульс которому дало постановление ЦК КПСС «О состоянии и мерах улучшения лекционной пропаганды», поставившее перед обществом «Знание» трудную и ответственную задачу — добиться, чтобы каждая организация стала творческим коллективом, способным на высоком уровне вести пропаганду политических и научных знаний, постоянно учитывая возрастающий уровень образованности, информированности и культуры советских людей.

☆

МЫТАРСТВА РАЗУМА НА ПУТЯХ ВЕРЫ

Памяти Л. А. Филиппова.

Игорь ВИНОГРАДОВ

Исполняется 150 лет со дня рождения Льва Николаевича ТОЛСТОГО, великого русского писателя, творчество которого явилось, по характеристике Ленина, шагом вперед в художественном развитии всего человечества.

Но Толстой вошел в историю духовной жизни нашей эпохи не только как великий художник, но и как своеобразный мыслитель, создатель религиозно-нравственного учения, известного под именем «толстовства». Это учение, отразившее кричащие социальные противоречия русской действительности, характерные для ее пореформенной поры и периода подготовки революции 1905 года, несло в себе страстный протест против социальной несправедливости, против эксплуатации и политического насилия, против лжи и обмана народных масс церковью и самодержавием.

Однако в поисках путей преодоления общественного зла Толстой не сумел выйти на верную дорогу и, обратившись к религии, предложил ошибочную, утопическую программу, основанную на иллюзорных религиозных предпосылках. Благодаря колоссальному художественному и нравственному авторитету Толстого, эта его программа постоянно используется разного рода религиозными проповедниками и до сих пор остается предметом современной идеологической борьбы.

К некоторым из этих проблем мировоззрения и творчества Толстого, не утратившим своего значения в современной идейной борьбе, мы и обращаемся в публикуемых статьях. Материалы в связи со 150-летием со дня рождения Л. Толстого будут печататься и в последующих номерах журнала.

...Жизнь без объяснения ее значения и смысла и без вытекающего из него неизменного руководства есть жалкое существование.

Из письма Л. Н. Толстого С. Л. Толстому и Т. Л. Сухотиной 1 ноября 1910 г., Астапово

1 «НА ВЕРШИНЕ ЖИЗНИ»

В октябре 1863 года, через год после женитьбы на Софье Андреевне Берс, Л. Н. Толстой писал своему давнему и близкому другу А. А. Толстой:

«...Кто я теперь и что я, вы, верно, спросите себя... Я никогда не чувствовал свои умственные и даже все нравственные силы столько свободными и способными к работе. Я теперь писатель в с е м и силами своей души, и пишу и обдумываю, как я еще никогда не писал и не обдумывал. Я счастливый и спокойный муж и отец, не имеющий ни перед кем тайны и никакого желания, кроме того, чтобы все шло по-прежнему...»

Судьба исполнила, казалось, это желание Толстого: минул год, два, пять, десять, и не только «все шло по-прежнему», но ощущение счастья и полноты жизни становилось все сильнее. Через 15 лет он чувствовал себя, по его же собственному определению, на «вершине жизни», и «со всех сторон» было у него то, что «считается совершенным счастьем».

«У меня была, — писал он позднее, вспоминая эти годы, — добрая, любящая и любимая жена, хорошие дети, большое имение, которое без труда с моей стороны росло и увеличивалось. Я был уважаем близкими и знакомыми, больше чем когда-нибудь прежде был восхваляем чужими и мог считать, что я имею известность, без особенного самообольщения. При этом я... пользовался силой и духовной и телесной, какую я редко встречал в своих сверстниках: телесно я мог

работать на покосах, не отставая от мужиков; умственно я мог работать по восьми—десяти часов подряд, не испытывая от такого напряжения никаких последствий...»

И вот на этой-то «вершине жизни», в самом расцвете сил (ему не было еще и пятидесяти), он, благополучный отец семейства, богач и аристократ, знаменитый писатель, обладавший всем, что «считается совершенным счастьем», впадает вдруг в состояние, о котором в «Анне Карениной», вобравшей в себя через судьбу Левина пережитое в эти годы самим Толстым, рассказано так:

«И, счастливый семьянин, здоровый человек, Левин был несколько раз так близок к самоубийству, что спрятал шнурок, чтобы не повеситься на нем, и боялся ходить с ружьем, чтобы не застрелиться...»

И это — не художественное преувеличение, не «домысел». Точно так же, почти в тех же выражениях описал Толстой случившееся с ним в эти годы и в своей «Исповеди»:

«Я всеми силами стремился прочь от жизни. Мысль о самоубийстве пришла мне так же естественно, как прежде приходили мысли об улучшении жизни... И вот тогда я, счастливый человек, вынес из своей комнаты шнурок, где я каждый вечер бывал один раздеваясь, чтобы не повеситься на перекладине между шкапами, и перестал ходить с ружьем на охоту, чтобы не соблазниться слишком легким способом избавления себя от жизни...»

Что же произошло? Почему счастливый, славный, богатый человек, достигший, казалось бы, всего, о чем только можно мечтать, впадает вдруг в такое отчаяние, и вся эта благополучная, славная, счастливая жизнь становится ему уже не в жизнь, и даже приходится прибегать к «хитростям против себя», чтобы не расстаться с нею «слишком поспешно»?

Сам Толстой, рассказывая об этом в «Исповеди», склонен объяснять происшедшее с ним прежде всего тем, что именно в эти годы, достигнув «вершины жизни», он вдруг ясно увидел перед собою бездонную пропасть неизбежно предстоящей ему впереди смерти и впервые ужаснулся неразрешимости и невыносимости тех вопросов, которые она ставит перед человеческим сознанием.

Это не вполне точно. Не вполне точно, во-первых, потому, что состояние ужаса и отвращения к жизни, пережитое Толстым, никак нельзя свести только к переживаниям, связанным с неожиданным «обнаружением» неизбежно ожидающей его смерти. Здесь, в этом состоянии, сошлось, сконцентрировалось и отозвалось одновременно очень многое: и все более поднимавшееся в Толстом острое недовольство своим «барством», чувство нравственной недостойности своего «нетрудового» существования, и резкое неприятие окружавшей его действительности, основанной на социальной несправедливости, полной лжи и обманов, насилия и жестокости, и жажда цельного и ясного мировоззрения, способного дать ощущение верно найденного пути жизни, — словом, все то, что впоследствии сделало Толстого таким страстным обличителем российского социально-политического строя, превратило его в глашатая надежд, исканий и стремлений широчайших народных масс. Да и «загадка смерти» отнюдь не впервые его поразила в эти годы, как это склонен изображать он сам в «Исповеди», где дело представлено таким образом, будто бы никогда раньше он на эту тему и не задумывался. Это тоже не так — мысль о трагической конечности человеческого существования с юных лет тревожила воображение Толстого, и в его романах и повестях, дневниках и письмах мы находим тому множество самых разнообразных и весьма красноречивых свидетельств.

Но действительно, все эти сложные и острые чувства, недовольство собою, ощущение социально-нравственной неподлинности окружающего мира и т. п.— все это, выразившееся, несомненно, в пережитом им в эти годы состоянии, приняло теперь форму и вылилось именно в те самые вопросы о смерти, о которых говорит Толстой в «Исповеди». И вся несравнимость его прежних чувств и мыслей по этому поводу с тем, что довелось ему передумать и перечувствовать теперь, состояла в том, что действительно только теперь факт неизбежно предстоящего ему «полного уничтожения», превращения в «ничто» впервые раскрылся вдруг перед ним во всем его к о н с т и т у ц и о н н о м для человеческого сознания значении: в невозможности о б о й т и его, сбросить со счета при выдвижении перед собой любых целей, в которых можно было бы видеть с м ы с л человеческого существования.

Правда, произошло это тоже не сразу, и на первых порах, как рассказывает Толстой в «Исповеди», эта начавшаяся в нем работа сознания проявляла себя лишь какими-то странными «минутами недоумения», словно бы «остановками жизни», которые временами вдруг настигали его, заставляя теряться и впадать в уныние. Они повторялись всегда в одной и той же форме — «как будто я не знал, как мне жить, что мне делать» — и выражались всегда одними и теми же вопросами: «Зачем? Ну, а потом?»

«Среди моих мыслей о хозяйстве, которые очень занимали меня в то время, — вспоминает Толстой, — мне вдруг приходил в голову вопрос: «Ну хорошо, будет у тебя 6000 десятин в Самарской губернии, 300 голов лошадей, а потом?..» «И я совершенно опешивал и не знал, что думать дальше. Или, начиная думать о том, как я воспитаю детей, я говорил себе: «Зачем?» Или, рассуждая о том, как народ может достигнуть благосостояния, я вдруг говорил себе: «А мне что за дело?» Или, думая о той славе, которую приобретут мне мои сочинения, я говорил себе: «Ну хорошо, ты будешь славнее Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера, всех писателей в мире, ну и что ж?..» И я ничего и ничего не мог ответить...»

Впрочем, поначалу минуты эти проходили, а вызванные ими вопросы казались настолько «простыми», «детскими», «глупыми» и, в сущности, «никчемными», что он старался не придавать им серьезного значения. Однако чем дальше, тем все чаще настигали его эти «остановки жизни», все неотвязнее становились эти вопросы, и чем больше Толстой о них думал, тем яснее и яснее проступал перед ним совсем не «детский» и «не простой» их смысл. Ибо, задавая себе все эти бесчисленные «Зачем?», «Ну, а потом?», Толстой всякий раз обнаруживал, что, для того чтобы ответить на них удовлетворительно (то есть признать те или иные свои стремления, желания, цели, выдвигаемые в качестве ответа на эти «зачем?», разумными, не бессмысленными), ему непременно нужно было как-то о п р а в д а т ь эти цели и стремления перед лицом своего грядущего исчезновения — найти в них такой смысл, который н е п е р е ч е р к и в а л с я б ы предстоящей смертью. И именно так в конце концов он и сформулировал для себя тот главный вопрос, к которому настойчиво толкали его все чаще случавшиеся с ним «остановки жизни», — вопрос, в форму которого и вылились в конце концов все эти «глупые» его «Зачем?» и «Ну, а потом?».

«Есть ли в моей жизни т а к о й с м ы с л, который не уничтожался бы неизбежно предстоящей мне смертью!» [1]

Вот этот-то вопрос и стал для него в конце концов, как он говорит, «вопросом жизни». Он понял и почувствовал, что, не разрешив его, он просто не может что-либо делать, чем-либо заниматься — н е м о ж е т ж и т ь. И тогда со всей страстностью своей натуры, со всем присущим ему упорством он принялся искать ответ на этот замучивший его вопрос, разрешение которого сделалось условием его жизни.

Но, как он пишет,— «ничего не нашел». Сколько ни билась его мысль в поисках нужного ей ответа, всякий раз призрак всепоглощающей бездны смерти, обрывающей все, неумолимо стоял перед нею — прикованная им, завороженная им, она всякий раз убеждалась в своем бессилии, ибо всякий раз выходило только одно: «Жизнь есть бессмыслица», «какая-то кем-то сыгранная надо мною глупая и злая шутка». Толстой обратился к опытным, точным наукам, надеясь найти в них ответ на замучивший его вопрос, но они дали ему множество «точных ответов» о чем угодно — «о химическом составе звезд», «о происхождении видов и человека», «о формах бесконечно малых атомов» и т. п., но только не о том, о чем он спрашивал. Он стал перечитывать философов, искать ответа в «умозрительном человеческом знании», но и Сократ, и Шопенгауэр, и Соломон, и Будда лишь убедили его, что он вполне сходится в своих выводах «с выводами сильнейших умов человечества»: «то самое, что приводило меня в отчаяние — бессмыслица жизни, — есть единственное несомненное знание, доступное человеку». Он стал присматриваться к тому, как находят выход из этого отчаянного положения окружающие его люди, и увидел, что одни просто не видят вопроса, представшего ему во всей его грозной неотвратимости, живут, как трава растет; другие — осознают бессмыслицу жизни, но принимают жизнь такою, какая она есть, и стремятся только получить от нее как можно больше наслаждения; третьи, большинство, видя зло и бессмысленность жизни, просто тянут ее, зная вперед, что ничего из нее выйти не может, и лишь немногие «сильные и последовательные люди», поняв глупую шутку, сыгранную над ними, находят в себе мужество прекратить ее и уйти из жизни... Но он не мог уже жить бездумно, как первые, не мог принять и выход «эпикурейства». И он понял, что ему уготована участь просто тянуть и тянуть

[1] Здесь и далее разрядка в цитатах всюду моя. — А в т о р.

бессмысленно лямку жизни, как большинству, если он не решится наконец на «выход силы и энергии»...

«Я не мог, — пишет Толстой, — придать никакого разумного смысла ни одному поступку, ни всей моей жизни. Меня только удивляло то, как мог я не понимать этого в самом начале...»

И, «поняв это» теперь, Толстой пришел к горькому и страшному итогу:

«Можно жить только, покуда пьян жизнью; а как протрезвишься, то нельзя не видеть, что все это — только обман, и глупый обман!..» «Жизнь, — пишет он, — мне опостылела — какая-то непреодолимая сила влекла меня к тому, чтобы как-нибудь избавиться от нее...»

Так, заглянув с вершины своей жизни в пропасть смерти, Толстой перешагнул черту, из-за которой он уже не мог вернуться обратно в жизнь, каким-то образом не «перешагнув» через эту бездонную пропасть.

Так вступил он в тот новый период своей жизни, который в литературе о Толстом именуется периодом его духовного кризиса.

2 «ЗЕРКАЛО» ПРОТИВОРЕЧИЙ И ПРОТИВОРЕЧИЯ «ЗЕРКАЛА»

Духовный кризис, в который оказался ввергнут Толстой и который начался непреодолимым отвращением к опостылевшей ему жизни, был не просто мучительным и долгим. Он перевернул весь его внутренний мир, определил собою всю его дальнейшую судьбу, а последним трагическим отблеском отозвался и в самом исходе его жизни — в тайном бегстве из дома темной осенней ночью 1910 года, в предсмертных днях и часах на маленькой железнодорожной станции Астапово, в самой его смерти. Главнейшим же итогом этих мучительных лет было создание Толстым первых основ того религиозно-философского учения, которое стало известно позднее под именем «толстовства» и дальнейшая разработка которого составила основное содержание всей второй половины его жизни. Отчаявшись найти ответ на замучивший его «вопрос жизни» в точных науках, в «умозрительном знании», в живом опыте окружающих его людей, Толстой обратился, как он рассказывает об этом и в «Исповеди», и во многих других своих религиозно-философских трактатах, к религиозной вере. И именно в ней, как ему казалось, и нашел возможность ответа на свой вопрос. Ему казалось, что именно в созданном им учении он сумел реализовать эту возможность — сумел создать стройное, последовательное, внутреннее непротиворечивое учение, неопровержимо уясняющее действительный и единственно возможный «разумный смысл» человеческого существования, ясно и просто указывающее людям единственно верный «путь жизни».

Но — так ему все-таки лишь казалось. На самом деле, как об этом писал в свое время Ленин и как это пришлось признать даже многим из тех, кому было близко направление исканий Толстого, он создал учение, не только не свободное от внутренних противоречий, но поражающее поистине к р и ч а щ и м и противоречиями.

В этих противоречиях учение Толстого — при всей его индивидуальной характерности и своеобразии — отнюдь не было, да и не могло быть, конечно, выражением и продуктом одного только личного его опыта. Рожденное в конкретных социально-исторических условиях, оно не могло не запечатлеть в себе черты своей эпохи, не могло не вступить в перекличку с характерными для нее идеологическими и общественно-психологическими тенденциями достаточно широкой социальной значимости.

И именно с этой точки зрения и подошел, как известно, к анализу «толстовщины» В. И. Ленин. В своих статьях о Толстом он поставил во главу угла тот существеннейший факт, что «кричащие противоречия» его творчества — это «не противоречия его только личной мысли, а отражение тех в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли психологию различных классов и различных слоев русского общества в пореформенную, но дореволюционную эпоху»[2]. Определив миросозерцание Толстого как выражение силы и слабости «тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России», Ленин увидел в кричащих противоречиях учения и творчества Толстого «зеркало русской революции»[3], и именно в этом его значении — как зеркало русской революции, показательное отраженными в нем объективными социальными противоречиями эпохи,— и стало творчество и мировоззрение Толстого предметом его анализа.

Но нужно ли объяснять, что противоречия в учении Толстого только потому и смогли стать для Ленина «зеркалом» объективных противоречий эпохи, что в его учении они выступали как противоречия и самой м ы с л и Толстого? И когда Ленин, обращаясь к учению Толстого, акцентировал свое внимание прежде всего на отразившихся в нем о б ъ е к т и в н ы х противоречиях эпохи, это совсем не означало, что он не считал учение Толстого и в н у т р е н н е, с у б ъ е к т и в н о противоречивым. Напротив, он не раз выступал и против тех интерпретаторов творчества Толстого, которые создавали легенду о редкостной внутренней стройности и последовательности религиозно-нравственного учения Толстого. Так, например, когда небезызвестный В. Базаров заявил в «Нашей заре», что Толстой, «пройдя через все ступени типичного для современных образованных людей разложения, сумел найти синтез» и в этом его «главная сила», Ленин специально подчеркнул, что это «неправда», что «именно синтеза ни в философских основах своего миросозерцания, ни в своем общественно-политическом учении Толстой не сумел, вернее: не мог найти»[4].

«Кричащие противоречия» в учении Толстого — это не только зеркало объективных противоречий эпохи. Это и противоречия самого «зеркала», противоречия самой мысли Толстого.

И вот эти-то противоречия — имманентные противоречия самой мысли Толстого — тоже в высшей степени характерны и показательны. И они характерны и показательны опять-таки именно тем, что и они тоже не могут быть сведены в своем значении к противоречиям лишь личной логики Толстого. В ленинских словах о том, что «синтеза» в своем учении Толстой не просто не сумел, но и «не мог найти», это «н е м о г» отнюдь не случайно. И — вполне справедливо. Ибо противоречия, к которым пришел Толстой, никак нельзя объяснить лишь тем, что он просто не сумел свести «концы с концами» в силу той или иной недостаточности его личных интеллектуальных возможностей — просто потому, что мысль его не отличалась необходимой строгостью и последовательностью. Напротив, Толстой был как раз очень последовательным — нередко даже слишком п р я м о л и н е й н о последовательным в развитии своих отправных посылок. И если при несомненной и очевидной этой своей последовательности мысль его приходила все-таки к столь же несомненным и очевидным (хотя и не сознаваемым самим Толстым) логическим противоречиям с самой собой, то это происходило прежде всего потому, что это были противоречия, к которым Толстой в известном смысле действительно н е м о г не прийти. Иначе говоря, в возникновении этих имманентных логических противоречий внутри самой мысли Толстого тоже была своя определенная и неизбежная о б ъ е к т и в н а я л о г и к а.

И вот эта-то логика тоже в высшей степени интересна и поучительна. Она интересна и поучительна для всякого, кто, пытаясь ответить на те сложные и действительно жизненно важные вопросы о «разумном смысле» человеческого существования, которые мучили Толстого, захотел бы присмотреться с этой точки зрения и к личному опыту человека такого масштаба, как Толстой, отдавшего так много сил разрешению этих вопросов, чтобы извлечь из этого опыта необходимые уроки.

Что же это за уроки?

Попробуем ответить на этот вопрос, хотя бы вкратце проследив основные вехи того пути, которым шел Толстой, вырабатывая и формулируя свои ответы на вставший перед ним «вопрос жизни».

3 «И Я ПОКОРИЛСЯ...»

Итак, вопрос, который едва не привел 50-летнего Толстого к самоубийству, был, как помним, следующий: «Есть ли в моей жизни такой смысл, который не уничтожался бы неизбежно предстоящей мне смертью?»

И вот на этот-то главный свой вопрос, разрешение которого он так долго и тщетно искал в «человеческом знании», Толстой и нашел, как ему казалось, нужный ему ответ в религиозной вере.

---

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 22.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 210, 206.
[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 91.

Почему же ему так казалось?

Приглядимся к формуле, которую дает сам Толстой, рассказывая о том, как совершился в нем этот переход к вере.

«...Я пришел ведь к вере потому, — пишет Толстой в «Исповеди», — что, помимо веры, я ничего, наверное ничего, не нашел, кроме погибели, поэтому откидывать эту веру нельзя было, и я покорился».

Не правда ли, здесь сразу же останавливает это — «и я покорился»? Оно звучит как-то несколько странно для человека, обретшего в вере желанное успокоение и избавление от мучений. В нем явно слышится что-то безрадостное, как бы подневольное.

Однако слово это не случайно у Толстого.

В самом деле, почему — покорился?

Потому, что принять веру в качестве исходного основания для разрешения важнейшего вопроса жизни, от которого зависела вся его судьба, было, как рассказывает об этом Толстой, совсем для него не просто. Принять веру — это значило для него принять «неразумное знание» — то самое, которое он давно уже откинул и которое «не мог не откинуть». «Это бог 1 и 3, это творение в 6 дней, дьяволы и ангелы и все то, чего я не могу, — пишет Толстой, — принять, пока я не сошел с ума». И потому-то пойти на это, согласившись с этим, поверив этому, ему и нельзя было — он мог этому только покориться.

Из этого нетрудно вывести предположение, что требования «ума», критерии «разумности» были, по-видимому, для Толстого достаточно существенны, если отказ от них воспринимался им как насилие над самим собой, как нечто, равное почти что сумасшествию.

И это действительно так. Толстой вступает в полосу духовного кризиса, обладая сознанием человека, воспитавшегося на традициях секулярной культуры своей эпохи, на характерных для нее просветительски-рационалистических и сциентистских установках. Он с не меньшим основанием, чем Достоевский, мог бы сказать о себе, что он — дитя своего века, века «неверия и сомнений». И не случайно позднее, в своей «Критике догматического богословия» он так часто говорит о неприемлемости религиозных обрядов, чудес, суеверий и т. п. именно для современного человека — человека, у которого стало уже как бы второй его природой, чем-то естественным и непереступаемым верить только опыту, достоверному знанию или логической убедительности «разумного усмотрения» («соблазн этот до такой степени очевиден... нам, образованным людям»; «внушение народу этих чуждых ему, отжитых и не имеющих уже никакого смысла для людей нашего времени формул...» и т. п.).

Вот почему в «Исповеди» Толстой заявляет, что принять религию с ее бессмысленными для разума атрибутами означало для него «насмеяться над тем», что было для него «святое»; вот почему он и говорит, что сделать это — значило бы «отречься от разума», а это «еще не возможнее», чем отказаться от жизни. И вот почему, кстати сказать, задавая свой «вопрос жизни», Толстой спрашивает именно о разумном смысле жизни, — постановка вопроса, прямо вытекавшая, как нетрудно понять, из требований сознания, верховным стремлением которого было понять мир в его рациональной структуре, а верховным мерилом — достоверность и убедительность «разумного усмотрения».

Почему я обращаю на это внимание читателя?

Потому, что с этих позиций Толстой не только начинал свой путь в веру. Он и весь этот путь — от первоначального акта принятия веры и кончая всеми деталями конкретной разработки своего учения — стремился проделать, оставаясь верным этой же первоначальной своей рационалистической установке: с позиций разума и только разума. Более того, настойчиво выдвигая и постоянно и торжественно провозглашая эту установку именно в качестве безусловного, методологически-обязательного, как сказали бы мы сейчас, исходного своего принципа. За годы своей долгой жизни он изменился во многом, но — не в этом, и вот почему апологетическая тема человеческого разума лейтмотивом проходит через все его творчество, начиная от юношеских дневников 1847 года, где он, 19-летний, объявляет разум «первенствующею способностью человека», до усиленно составлявшихся им в последние годы разного рода календарей, ежедневников и ежемесячников для чтения, книг для народа, сборников изречений и т. д., где он, подбирая и перелагая на свой лад соответствующие высказывания Руссо или Паскаля, Конфуция или Монтеня, Марка Аврелия или Спинозы, со всех сторон объясняет и обосновывает этот свой главный принцип жизнепонимания, и вот уже тот же, к примеру, Блез Паскаль, переиначенный в более «удобопонятного» для народа Власа Паскаля, с чисто толстовской рассудительностью и в типично толстовской проповеднической манере внушает своим читателям: «Все наше преимущество заключается в нашей способности разуметь. Одно только разумение возвышает нас над остальным миром. Будем же ценить и поддерживать наше разумение, и оно осветит нам всю нашу жизнь» («Мысли мудрых людей на каждый день»).

Для Толстого нет никаких сомнений в том, что «всякая проповедь, утверждающая что-либо противное разуму, есть обман, попытка устранения единственного данного богом человеку орудия познания» («Христианское учение»), ибо «все, что мы знаем в мире, мы знаем только потому, что это познаваемое нами сходится с законами этого разума, несомненно известными нам». Разум, говорит он, «это тот закон, по которому должны жить неизбежно разумные существа — люди» («О жизни»). Это — «единственный свет, который дан человеку для нахождения пути жизни» («К духовенству»).

Вот этот-то «свет», этот-то «закон» Толстой и избирает тем единственным своим «орудием», при помощи которого он пытается создать — и твердо верит, что действительно создает, — новую религию, соответствующую современному развитию человечества. Он пытается создать религию, очищенную от таинственности, основанную только на разуме, и недаром одно из центральных его сочинений, излагающих его миросозерцание, так и озаглавлено: «Царство божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание».

Конечно, это была только «заявка». Что до ее реализации, то в итоге Толстой создал учение, которое, как мы знаем, в фундаментальных своих основаниях было как раз глубоко мистично, опиралось на чисто иррационалистическую интуицию, но никак не на доказательные «усмотрения разума».

Однако в том-то и дело, что это был невольный, самим Толстым так до конца и не осознанный в его действительной природе итог — итог его попыток выстроить здание своего учения исключительно и только «разумной логикой». В том-то и дело, что заявка была именно такова — заявка на построение здания разумной веры. И именно с этой-то точки зрения попытка Толстого и ее результат и заключают в себе тот поучительный смысл, рассмотрение которого было принято нами с самого начала в качестве общей, хотя, конечно, и достаточно локальной темы этих заметок.

Посмотрим же, как пытался следовать Толстой им же самим установленному для себя «закону», что из этого у него получилось и почему у него получилось именно так, а не иначе.

4 «НЕОБХОДИМОСТЬ РАЗУМА»

Итак, принимая веру, Толстой ясно видел все то ее «неразумие», которое разум его принять не мог — он мог ему только покориться.

Но почему же в таком случае он все-таки покорился?

А вот по той же самой причине, по которой Толстой и пережил этот акт как акт насилия над собой, акт покорности. Тот же самый разум, верховное его божество и мерило, который всеми силами протестовал против бессмыслиц веры, — тот же самый разум заставил его все-таки и принять ее. Сознавая всю невозможность признать «неразумное знание» веры с ее нелепостями и чудесами, Толстой в то же самое время убедился, как он пишет, и в невозможности ее не принять, ибо только в ней одной он увидел удовлетворяющую требованиям разума же возможность ответить на вопрос о смысле жизни. Он увидел эту возможность в том, что она и только она, вводя понятие и образ бесконечного бога и вечной жизни, вводила в конечное человеческое существование тот элемент бесконечного, устанавливала ту неотторжимую его связь с бесконечным, установление которой и было необходимым логическим условием ответа на его вопрос.

В самом деле, — ведь о чем, собственно, спрашивал Толстой, задаваясь вопросом, есть ли в его жизни разумный смысл? Он и спрашивал как раз именно о том, есть ли в его конечном существовании некое начало и содержание, жизнь или действие которого не обрывались бы никогда и после смерти и бесконечное существование которого придавало бы тем самым, следовательно, разумный (неуничтожимый) смысл его конечной жизни. А что могли ответить ему на этот

вопрос «умозрительное знание» или «опытные науки»? Естественно, что Толстой находил в них тот единственный ответ, который только и может дать на этот вопрос человеческий разум, стремящийся удовлетворять требованиям достоверного (опытно или хотя бы чисто логически) знания: «Не знаю». И именно это в конце концов и понял Толстой — он понял, что «строго разумное знание, то знание, которое, как это сделал Декарт, начинает с полного сомнения во всем, откидывает всякое допущенное на веру знание и строит все вновь на законах разума и опыта — и не может дать иного ответа на вопрос жизни, как тот самый, который я и получил, — ответ неопределенный» («Исповедь»).

Не поняв это и обратившись в поисках ответа к вере, Толстой не мог, естественно, не заметить, что то, в чем отказывало ему строго достоверное разумное знание, как раз и предлагала ему религия. Она предлагала ему как раз такое отношение «конечного к бесконечному», установление которого и давало положительный ответ на его «вопрос жизни». Там, где строгое и честное «разумное знание», выслушав его вопрос — что выйдет неуничтожимого, бесконечного из моей «уничтожающейся жизни», — строго и честно признавая непознанность и необъятность бесконечного, отвечало: «Не знаю», — там религия, «неразумное знание», говорила: «соединение с бесконечным богом». «Вся неразумность веры, — пишет Толстой, — оставалась для меня та же, как и прежде». Но, продолжает он, «я не мог не признать», что «ответ веры» действительно придает конечному существованию «смысл бесконечного, — смысл не уничтожаемый страданиями, лишениями и смертью». Он по-прежнему понимал и отдавал себе отчет в том, что «понятия бесконечного бога, божественности души, связи дел людских с богом» и т. п. — «не выдерживают критики разума», что это понятия «недостоверные». Но в то же время он понимал и отдавал себе отчет и в том, что, принимая эти понятия, вводящие конечное человеческое существование в порядок бесконечного, рассматривающие конечное как временную форму существования бесконечного, он как раз и удовлетворяет той потребности разума, которая состоит в стремлении найти разумный порядок и смысл в бесконечном мире. Иными словами, он увидел и признал, как он пишет, разумную необходимость принять эти «неразумные понятия» для того, чтобы в итоге получить тот, отвечающий требованиям разума разумный смысл бытия и мира, который он искал и без которого жизнь его превращалась в бессмыслицу и нелепость, становилась невыносимой и невозможной.

И он — *покорился* этой разумной необходимости, этой потребности своего разума, — вот второй смысл этого неслучайного и неоднозначного слова в формуле Толстого. Глядя на чудеса, обряды и нелепости веры, он покорялся ей в том смысле, в каком покоряются чуждому, неправильному, *неразумному* — не соглашаясь и протестуя. Но он покорился ей в то же время и так, как подчиняются (покоряются) неотразимо убеждающей *разумной* логике, *разумной* необходимости.

Конечно, в этой логике рассуждений и размышлений Толстого, согласно которой выходило, что признать существование бога и поверить в него нужно именно потому, что без бога мир и жизнь человека превращаются в бессмыслицу, а это делает и саму жизнь невозможной, — в логике этой было некое изначальное, сразу же очевидное и неустранимое слабое место. И на него в свое время очень точно указал Плеханов — как раз в связи с анализом толстовского и некоторых других, сходных с толстовским, религиозных построений. «Из того, что я живу только тогда, когда верю в существование бога, — писал Плеханов, — еще не следует, что бог существует». «Нельзя доказывать бытие данного существа или предмета тем соображением, что если бы этого существа или предмета не было, то мне пришлось бы очень плохо». Ставрогин в «Бесах» у Достоевского выражал ту же мысль так: «Чтобы сделать соус из зайца, надо зайца, чтобы уверовать в бога, надо бога».

Понимал ли Толстой эту, как выражается Плеханов, «слабую сторону своего рассуждения»?

Да — понимал. В «Исповеди» он признает, что «понятие бога — не бог», и даже прямо заявляет, что «вполне был убежден в невозможности доказательства бытия божия (Кант доказал мне, и я вполне понял его, что доказать этого нельзя)».

Но он и не пытался *доказывать*, не изображал свое принятие веры как акт, идентичный акту «достоверного знания». Напротив, он четко разделил как раз сферу разумного знания и сферу веры: «религиозное понимание», говорил он, из всего того, что познаваемо человеком, выделяет то, что не подлежит определению, вера начинается там, где разум говорит — «не знаю». Иными словами, он вполне понимал, что с точки зрения кантовского «чистого разума» (который был идентичен для него логически и опытно достоверному знанию) вера есть не что иное, как некий «допуск», гипотетическая модель, но отнюдь не достоверное знание. Он настаивал только на том, что этот «допуск» — *необходим* и что это вполне *разумный* допуск, ибо без него мир и жизнь человека лишаются всякого разумно-целесообразного объяснения, теряют смысл, превращаются в полную противоречий нелепость. Он обосновывал, иначе говоря, необходимость веры тем же самым путем (и сам не раз подтверждал это), которым шел к вере и Кант в его «Критике практического разума»: бытие бога, или, как говорит Кант, необходимого существа, недоказуемое теоретически, становится постулатом «практического» (морального) «разума» человека — его практической потребности представлять мир как обладающий разумным моральным порядком и тем самым ориентироваться в нем. Вот почему Толстой так часто и повторял вслед Канту, что хотя «утверждения веры» и «не могут быть доказаны», однако они «не только не содержат в себе ничего противного разуму и несогласного со знаниями людей», но, напротив, как раз «разъясняют то, что в жизни без положений веры представляется неразумным и противоречивым» («Что такое религия и в чем сущность ее?»). Вера в существование бесконечного бога — такая же необходимость разума, такой же разумный «допуск», как и вера в то, что окружающие нас люди и предметы не есть представление нашего сознания, но обладают реальным бытием.

И потому Толстой и принял этот «допуск» даже вопреки сопротивлению, которое вызывали в нем «неразумные» представления, обряды и мифы, связанные с христианской религиозной традицией. Принял потому, что он давал ему возможность верить и исходить из того, что поскольку жизнь его, как и других людей, связана с разумной волей «пославшего» его в этот мир «необходимого существа», постольку она и не может не иметь разумного, неуничтожимого смертью значения и смысла — того смысла, без которого проснувшийся к осознанной, разумной жизни человек просто не может существовать.

Так совершилось второе — после первого, детского — «обращение» Толстого. Это был уже вполне сознательный, вполне свободный возврат «заблудшего» на путях безрелигиозности разума в лоно веры. И этот возврат совершился, как видим, действительно на основе и по законам некоего «разумного усмотрения» — «усмотрения», логическая неотразимость которого, при всей его гипотетичности, казалась Толстому несомненной и очевидной: если для придания делу жизни разумного смысла необходима гарантия бесконечности и неуничтожимости этого дела, то где же еще и взять эту гарантию, если не в вере в существование и волю бесконечного высшего разума, пославшего нас в этот мир?!

5 «РАЗУМНАЯ ВЕРА»

Конечно, акт этого «обращения» был еще только самым началом той работы, которую предстояло проделать Толстому, чтобы найти и определить разумный, связанный с разумной волей бога, смысл жизни. Это было, так сказать, только еще закладкой самого первого, начального фундамента, призванного гарантировать всего лишь то, что поиск разумного смысла жизни во всяком случае не бесперспективен, не обречен на провал, раз признается обеспечивающая его инстанция бога.

Однако Толстому казалось, что как раз эта-то первоначальная «закладка» и есть самый главный и трудный шаг, все же остальное — дело только терпения, настойчивости, разумной работы сознания. Да и как было сомневаться в успехе такой работы, если в качестве исходного и принималось как раз на веру то «допущение», что этот разумный смысл несомненно существует и что он гарантирован волей бога, пославшего человека в этот мир для свершения предназначенного ему дела жизни?..

И вот Толстой принимается за решение этой задачи. Он не замечает, что уже в самой постановке ее опять таится некое неустранимое и даже еще более коварное, чем исходная гипотетичность веры, противоречие. Напротив, работа над решением этой задачи тем более окрыляет и обнадеживает его, что при первых же своих шагах на этом пути он вдруг

открывает для себя возможность избавления от той тягчайшей ситуации, в которой он оказался, принимая веру, и которая заставляла его испытывать унизительное чувство «покорения» «неразумию». В какой-то момент, как рассказывает он в «Исповеди», он вдруг сознает, что принятие веры в существование бессмертного духовного начала отнюдь не находится ни в какой разумно-необходимой логической связи со всеми теми нелепостями традиционной религии, которым нужно было заставлять себя «покоряться», и вовсе не требует признания их. Наоборот, Толстой приходит к выводу, что в «учении веры» высшая разумная истина просто перепутана с множеством ложных представлений и бессмысленных суеверий, сложившихся в далекие исторические времена, когда люди были грубы и необразованны, и теперь удерживаемых в религии лишь корыстной ложью церковников, которые заинтересованы в сохранении власти над верующей толпою любой ценой. Толстой приходит к выводу, что, для того чтобы добраться до настоящего содержания веры, до ее «разумной истины», ее нужно как раз очистить от всей этой лжи и наносов, от суеверий и бессмыслиц.

И Толстой со свойственной ему энергией, с душевным подъемом принимается за эту работу. Он затевает громадный, многолетний труд, где шаг за шагом, самым тщательнейшим образом исследует все догматы и положения традиционной веры («Критика догматического богословия» — 1879—1884). Он пишет статьи и трактаты, где подводит итоги этой работы и излагает свою «очищенную» от лжи, суеверий и прочих «неразумных» наслоений веру («В чем моя вера?» — 1882—1884, «Царство божие внутри вас» — 1890—1893, «Так что же нам делать?» — 1882—1886, «О жизни» — 1887, «Христианское учение» — 1896, «Что такое религия и в чем сущность ее?» — 1904 и т. д.). Он заново переводит и «разумно» перетолковывает евангелические тексты («Соединение и перевод четырех евангелий» — 1880—1881, «Краткое изложение Евангелия» — 1885—1886), чтобы пропустить каждое евангелическое откровение через тот же суд «простого» и «ясного» «здравого смысла», что и любой богословский догмат.

«Основная истина, которую бог через пророков и апостолов благоволил открыть о себе церкви и которую церковь открывает нам, есть та, что бог один и три, три и один».

Но ведь «выражение этой истины таково, — замечает Толстой, — что я не то что не могу понять ее, но несомненно понимаю, что этого понять нельзя. Человек понимает умом. В уме человека нет более точных знаков, как те, которые относятся к числам. И вот первое, что бог благоволил открыть о себе людям, он выражает в числах: Я=3, и 3=1, и 1=3». «Да не может же быть, чтобы бог так отвечал людям, тем людям, которых он сотворил, которым он дал только разум, чтобы понимать его, не может же быть, чтобы он так отвечал!» «Где тот, такой слабый умом человек, который на вопрос ребенка не умел бы ответить ему так, чтобы ребенок понял его! Как же бог, открывая себя мне, будет говорить так, чтобы я не понял его!» Это — «не объяснение», это — —«только соединение слов, не дающих никакого понятия!..» («Критика догматического богословия»).

Толстой обращается к догмату искупления и снова обнаруживает ту же «бессмыслицу».

«Бог нашел средство заплатить самому себе за грех Адама, которого он сам сделал таким, каким он был». К тому же «если человек может спастись искуплением, таинствами, молитвой», то зачем ему делать «добрые дела»! («Царство божие внутри вас»).

Не лучшей участи удостаивается и догмат о благодати, передаваемой якобы при помощи всякого рода таинств, — одно из самых, как говорит Толстой, кощунственных учений, носящее в себе «ужасный зачаток безнравственности, который исказил нравственность поколений, исповедовавших это учение». Этот «обман о том, что человек всегда порочен и бессилен и стремления его к добру бесполезны, если он не усвоит себе благодати... под корень подсекает все, — говорит Толстой, — что есть лучшего в природе человека» («Критика догматического богословия»). А учение о рае и аде — что это такое, если не попытка купить веру «обещанием наград и угрозой наказаний» («В чем моя вера?»), — попытка, уничтожающая самое главное достоинство веры — ее чистоту, бескорыстие побудительного нравственного мотива?..

Так рушатся один за другим под беспощадными ударами толстовского «критического разума» догматы и установления традиционного богословия — учение о божественности Христа и догмат искупления, суеверие благодати и «кощунственный бред» таинства евхаристии, состоящей в «съедении бога», вера в божественную троицу и почитание икон и всяких «пальцев, платков и портков» святых, которые надо «чтить, целовать и класть на них копейки»...

Его «старый твердый ум» не обведешь, не склонишь к лукавству никакими заманками и соблазнами — он ясно видит и с такой же беспощадной ясностью выставляет на всеобщее обозрение всю абсурдность этих нелепых понятий и положений церковной веры. Это не понятия *истинной* веры, утверждает Толстой, ибо понятия истинной веры признают существование лишь того, что хотя и «не может быть определено разумом, как Бог, душа, добро», но «сознается» им. Здесь же на место таких понятий подставляются понятия «*слепого доверия*» к тому, что существует бог именно такой-то, один в трех лицах, что он тогда-то и так-то сотворил мир и тогда-то, через таких-то пророков, при таких-то знамениях, чудесах и прочих сверхъестественных событиях, якобы подтверждающих верность передачи, передал людям некое «откровение истины». Людям внушается, иными словами, что «надо верить не разуму, а чудесам, то есть тому, что противно разуму» («Христианское учение»). И действительно: «Для человека, в уме которого вложено, как священная истина, верование в сотворение из ничего мира 6000 лет тому назад, в потоп и ковчег Ноя... в троицу, в грехопадение Адама, в непорочное зачатие, в чудеса Христа и в искупительную для людей жертву его смерти, — для такого человека, — пишет Толстой, — требования разума *уже не обязательны*» («К духовенству»).

Но подлинная, настоящая вера, снова и снова повторяет Толстой, не может не быть разумна, ибо «разум дан человеку непосредственно от бога», и он один, а не предания, не чудеса и не традиционные суеверия «способен соединить людей». Вот почему истинная вера никогда не бывает и не может быть несогласной «с существующими знаниями», и свойством ее не может быть сверхъестественность и бессмысленность, как это думают и как выразил это отец церкви, сказав, «credo quia absurdum». Напротив, истинная религия и есть всегда не что иное как «*согласное с разумом и знаниями* человека» установление им такого «отношения к окружающей его бесконечной жизни, которое связывает его жизнь с этой бесконечностью и руководит его поступками» («Что такое религия и в чем сущность ее?»).

И вот именно такую — «настоящую», «истинную», «разумную» — веру и начинает строить — пытается начать строить — Толстой, расчистив для нее место из-под обломков суеверий и нелепиц традиционной церковной веры. Он пытается показать, что, приняв за исходную основу веру в существование высшего разумного первоисточника жизни мира, человеческий разум получает тем самым все необходимое, чтобы затем уже самому, своими собственными силами, без всяких «откровений» и «чудес» уяснить тот «разумный смысл» человеческой жизни, который она получает с принятием этой исходной «предпосылки», и выработать на этой основе твердое и ясное нравственное «руководство» для жизни.

В чем же состоит, по Толстому, эта разумная логика веры, раскрывающая перед человеком разумный смысл и путь жизни?

О, она очень проста, очевидна, доступна всякому непредубежденному, здравому взгляду, уверяет Толстой, и, не уставая, снова и снова, едва ли не в каждом очередном своем религиозном трактате, всячески выставляет и демонстрирует эту ее доступность и простоту.

Действительно, — разве не очевидно, например, то, что по самой своей природе наша жизнь всегда есть не что иное, как стремление к благу? Разве каждый из нас не для того живет, «чтобы ему было хорошо», и разве без этого желания мы можем представить себе жизнь?

Толстой начинает именно с этого — самого простого и всякому доступного наблюдения, как бы сразу демонстрируя тем самым и свое желание ни в чем не погрешить против здравого смысла, и свое полное согласие с «достоверными знаниями» современной науки. Ведь он не противоречит здесь, как видим, даже и материалистической традиции![5] И как бы вслед Чернышевскому Толстой готов даже и на такое определение: «Осуждают эгоизм. Но эгоизм — основной закон жизни. Дело только в том, что признать своим ego».

Но если это так, если сущность жизни — в стремлении че-

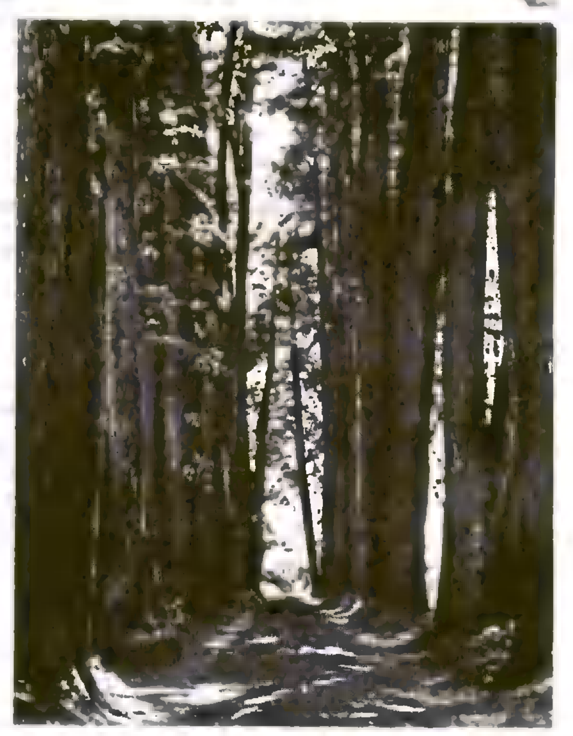
[5] Вспомним, например, теорию «разумного эгоизма» Чернышевского или известные формулы Маркса и Энгельса: «Индивиды всегда и при всех обстоятельствах исходили из себя»; «правильно понятый интерес составляет принцип всякой морали» (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 439; т. 2, стр. 252 и 382).

Продолжение на стр. 18

Уголок гостиной

Фото Луиджи Альбертини

СЕМЕЙНЫЕ ФОТОГРАФИИ ТОЛСТЫХ

Известная в свое время фотографическая фирма «Шерер, Набгольц и К°» начиная с 1885 года была первым и единственным на протяжении многих лет коллекционером снимков Л. Н. Толстого. И недаром С. А. Толстая выбрала именно эту фирму, владелец которой А. И. Мей был даже избран почетным членом Румянцевского музея.

Фото С. А. Толстой

Л. Н. Толстой с внучкой (Т. Сухотиной).

Аллея яснополянского парка.

Воспроизвести образ Толстого в эту пору было трудно. «Аскетизм» стал для него одним из главных условий нравственной жизни. Модное фотоателье, «господская забава», как впоследствии он называл фотографирование, позирование перед профессиональными фотографами — все это было ему неприятно. «Глаза судьи и мыслителя» строги, лицо напряженное, хмурое. Лишь фотоаппарат любителя из близких Л. Н. Толстого мог схватить живой взгляд, улыбку.

Софья Андреевна Толстая оставила более тысячи снимков. Снимала она с большим удовольствием. «Взяла фотографический аппарат и бегала всюду, снимая и внуков, и Льва Николаевича с сестрой, и лес, и купальную дорогу, и всю милую яснополянскую природу», — читаем в дневнике С. А. Толстой 1 сентября 1898 года. Фотоснимки ее нравились современникам. «Какая в самом деле великая мастерица графиня Софья Андреевна по части фотографии. Просто слюнки потекут, как посмотришь на ее новые снимки», — пишет Л. Н. Толстому В. В. Стасов в 1902 году.

На многих снимках Софьи Андреевны есть и она сама. Видимо, кто-нибудь из присутствующих помог ей сделать кадр в аллее яснополянского парка. А вот Лев Николаевич Толстой показывает своей любимой внучке Танечке Сухотиной на бабушкину фотокамеру. Той самой Танечке, которая в 1925 году вместе со своей матерью Татьяной Львовной Толстой-Сухотиной уедет в Италию. Там Татьяна Михайловна Сухотина вышла замуж за итальянского юриста и общественного деятеля Леонардо Альбертини. Старший из детей — Луиджи — «очень Толстой, одаренный литературными и художественными талантами», — писала бабушка Т. Л. Сухотина. Луиджи Альбертини стал профессиональным мастером фотографии и три года назад впервые посетил Ясную Поляну, чтобы воссоздать свой образ яснополянского дома. Он снимал те же самые места, которые 70 лет назад запечатлела на своих фотоснимках его прабабушка.

ловека к благу, то не ясно ли, продолжает свое рассуждение Толстой, что и разумный смысл она может получить только тогда, когда она будет направлена к благу, стремление к которому можно признать оправданным, не бессмысленным перед лицом грядущей смерти, — то есть разумным? А стремление к какому благу может быть признано именно таким — разумным, небессмысленным? «Сделайте простой расчет», — говорит Толстой, и вы увидите, что благом этим никак не может быть признано то благо, к которому, увы, по большей части и стремятся как раз люди, — благо личное, связанное с существованием человека как конечного, земного, телесного существа, с потребностями его частной, индивидуальной природы, его, как говорит Толстой, «животной личности». Сделайте расчет, как делают люди «мирские, когда они что-нибудь затевают: башню строят, или идут на войну, или завод строят», — и вы увидите, что трудиться имеет смысл только над тем, что может «иметь разумный конец», но что отдавать свою жизнь на построение своего мирского личного счастья — это и значит как раз «трудиться над тем, что... никогда не будет закончено» и все равно погибнет вместе с твоей смертью. А если это так, если все равно «смерть придет раньше, чем будет окончена башня твоего мирского счастья», то не лучше ли «и не класть свою душу в то, что погибает наверно, а поискать такого дела, которое не разрушилось бы неизбежною смертью»? («О жизни», «В чем моя вера?»).

Так «простой расчет» заставляет, говорит Толстой, искать какого-то другого, «высшего блага», стремление к которому не выглядело бы бессмысленным перед лицом смерти, но, напротив, придавало бы жизни разумный смысл. И на это-то «благо» и указывает нам то непосредственное наше чувство, которое так или иначе знают, говорит Толстой, все. Это чувство любви к другим, чувство радости от бескорыстного любовного служения людям, чувство, возникающее, когда мы жертвуем чем-то личным, своим ради других, отрекаемся от личного «блага» ради «блага» других. Удовлетворение этой духовной потребности дает, как замечает Толстой, высшую доступную человеку радость, и при ближайшем рассмотрении нетрудно увидеть, что радость эта возникает от свершения дела, значение, действие и смысл которого как раз и не уничтожаются с моей смертью.

Так не ясно ли, заключает Толстой, что и та деятельность, которая способна придать моей жизни «разумный смысл», может заключаться, следовательно, лишь в таком вот отречении от «личного блага», которое уничтожается со смертью, лишь в таком вот служении благу других, общему благу, благу человечества, ибо это благо не уничтожается с моим концом? Не ясно ли, что именно любовь — это и есть, следовательно, та «единственная разумная деятельность человека», которая способна дать ему истинное благо, ибо стоит только «человеку признать свою жизнь в стремлении к благу других», как сразу же «уничтожается обманчивая жажда наслаждений», а «праздная», «мучительная деятельность, направленная на наполнение бездонной бочки животной личности, заменяется согласной с законами разума деятельностью поддержания жизни других существ», неуничтожимой в своем значении деятельностью «установления» в человечестве «единения и любви» («О жизни», «Зачем я живу?»).

Таковы общие контуры той логики, на которой выстраивает Толстой свою «разумную веру». В тех или иных своих трактатах и в те или иные периоды своей жизни он с разных сторон характеризует и обосновывает эту свою веру, меняет смысловые акценты, варьирует аргументацию и т. п. Но в стержневом своем рисунке она остается неизменной — существо ее составляет именно та смысловая схема, которая в общих чертах набросана выше. Именно здесь видит Толстой истинное ядро того учения, которое проповедовал Христос, возвестивший людям, что лишь отречением от блага личного и стремлением к благу общему, любовным служением людям человек обретает царство божие. И именно из этой основы вырастают и все остальные «разделы» собственного, чрезвычайно подробно разработанного учения Толстого, которое он сам скромно называл, правда, всего лишь «очищенным» от церковных наслоений христианством.

Так, совершенно очевидна, например, та прямая внутренняя связь, которая существует между этой стержневой логикой толстовской «разумной веры» и чрезвычайно характерной для Толстого интерпретацией им христианства как теории активного общественного жизнестроения, как учения о путях устройства царства божия на земле. Толстой резко отвергал, как известно, такое понимание учения Христа, по которому Христос проповедовал якобы лишь личное спасение, но не касался вопросов общественной жизни на земле и вообще переносил разрешение всех «земных» стремлений и надежд человечества в будущий, загробный мир. Напротив, утверждает Толстой, христианство имеет совсем иной смысл, и те люди, которые не видят этого, просто не поняли Христа. Ибо «учитель сказал им: ваша жизнь в этом дворе дурная, живите лучше, и ваша жизнь будет хорошая, а они вообразили, что учитель осудил всю жизнь в этом дворе и обещал им другую, хорошую жизнь не в этом дворе, а где-то в другом месте. И они решили, — пишет Толстой, — что этот двор постоялый и что не стоит стараться жить в нем хорошо, а что надо только заботиться о том, как бы не прозевать ту обещанную хорошую жизнь в другом месте...»

Но «жизнь есть жизнь, и ею надо воспользоваться как можно лучше», настаивает Толстой. «Людям надо делать свое счастье самим здесь, на том дворе, на котором они сошлись», — вновь и вновь напоминает он «истинный смысл» учения Христа, и не нужно обладать особой проницательностью, чтобы понять, как тесно сплетен пафос всех этих напоминаний и призывов с пафосом того положения о «разумности» стремлений человека не к личному «благу», а к «благу» других, которое образует, как мы видели, центральное смысловое ядро «новой веры» Толстого.

Но точно так же из этого же ядра вырастают, как нетрудно понять, и все те конкретные программы общественного поведения, которые мы в таком изобилии находим у Толстого, — вплоть до его знаменитого «непротивления злу насилием». Это учение Толстого часто изображают как учение о **непротивлении** злу **вообще** — то есть как проповедь сугубой общественной пассивности, как отказ от борьбы со злом. Между тем акцент здесь у Толстого стоит не на слове «непротивление», а на слове «**насилием**». Толстой выступает против борьбы со злом посредством насилия, ибо считает такой способ неэффективным, ложным, множащим лишь новое зло в мире. Но он вовсе не выступает против борьбы со злом вообще. Напротив, его теория «непротивления злу насилием» и есть как раз не что иное, как прямая **практическая** программа уничтожения в мире зла[6]. И с этой программой органически и связана вся та жесточайшая обличительная критика, которую обрушивал Толстой на окружавшую его социальную действительность. Это — «замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши»; это — «беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий комедии суда и государственного управления»; это — «вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс»[7]; это — «непреклонное отрицание» им «частной поземельной собственности», «полицейско-казенной церкви», «чиновничьего произвола и грабежа»[8] и т. д. и т. п. — словом, это все то, о чем не раз говорил, как известно, Ленин и что он относил к самым сильным сторонам публицистики Толстого, называя его именно за эти его выступления «горячим протестантом», «страстным обличителем» и «великим критиком»[9].

Впрочем, эти сильные стороны толстовской религиозно-общественной проповеди достаточно широко известны и мы можем не задерживаться здесь на них подробнее. Теперь, когда мы припомнили основные контуры выстроенного Толстым учения о «разумном смысле жизни» и о соответствующих ему этических требованиях к человеку и к обществу, нам пора уже наконец поставить тот вопрос, ответ на который как раз и должен показать нам, насколько результативными оказались усилия Толстого по реализации его «заявки» на создание «современной» религии, построенной на разуме и только на разуме.

Этот вопрос, в сущности, очень прост. Это вопрос о том, действительно ли существует внутренне **необходимая** логическая связь между тем религиозным «фундаментом», который пытался подставить Толстой под здание своего учения о «разумном смысле жизни», и тем конкретным характером этого учения, с которым мы только что в общих чертах познакомились.

Окончание следует

[6] Подробнее об этом см. статью М. Гина в этом номере журнала. — Прим. ред.
[7] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 209.
[8] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 20.
[9] Там же, стр. 21.

«НЕПРОТИВЛЕНСТВО» ПО ЕВАНГЕЛИЮ И ПО Л. ТОЛСТОМУ

М. ГИН,
доктор
филологических
наук

Философско-этические искания и взгляды Лев Толстой облекал в форму проповеди религиозного вероучения, призванного, по его мнению, разъяснить подлинный, истинный, неискаженный, незамутненный смысл учения Иисуса Христа, сформулированного в книгах Нового завета. Давно и прочно привыкли мы видеть евангельскую подоплеку проповеди величайшего писателя земли русской, по крайней мере той ее части, которая намечает пути переустройства человеческой жизни и установления «царства божия на земле». Настолько давно и настолько прочно, что даже не задаемся вопросом: а была ли она на самом деле евангельской? И если да, то в какой мере?

На первый взгляд, казалось бы, для таких вопросов и места нет, прежде всего, потому, что сам Толстой решительно и на каждом шагу подчеркивал свою верность Евангелию, точнее Нагорной проповеди, усматривая в ней сердцевину учения Иисуса Христа. Более того, Толстой столь же решительно отвергал малейшую попытку приписать ему создание какого-то особого, «толстовского» варианта христианства. «...Когда у меня спрашивают: в чем состоит **мое** учение и как **я** понимаю христианское учение, я отвечаю: у меня нет никакого учения, а понимаю я христианское учение так, как оно изложено в евангелиях. Если я писал книги о христианском учении, то только для того, чтобы доказать неверность тех объяснений, которые делаются толкователями евангелий. Для того, чтобы понять христианское учение, каково оно в действительности, нужно, главное, не толковать евангелий, а понимать их так, как они написаны»[1].

Но ведь и каждый выдающийся проповедник, не желая порывать с христианством, всегда объявлял свое толкование этого вероучения просто единственно правильным, подлинным, дабы отвести от себя малейшее подозрение в претензиях на провозглашение какого-то нового религиозного учения или грозные обвинения в ереси. Толстой не представляет в этом смысле исключения, но внимательный, пристальный анализ его проповеди убеждает нас в том, что он смело и своевольно толковал и перетолковывал основы христианства, решительно отбрасывая все, что не выдерживало его, толстовской, критики.

Изучение религиозной проповеди Толстого в сопоставлении ее с ортодоксальным христианством необходимо отнюдь не для того, чтобы убедиться, в какой мере «правильным» или «неправильным» было «толстовское христианство». Для нас важен философский и морально-этический аспект, ибо вся религиозная проповедь Толстого была философской и моральной по преимуществу. «Толстовское христианство» вообще не религия, а «учение о жизни истинной», составлявшее основу его мировоззрения. И поэтому понять, как Толстой толкует традиционную христианскую мораль, что принимает и что отбрасывает, значит проникнуть в святая святых его философско-этических взглядов, сокровенных идеалов и устремлений.

В религиозной проповеди Толстого обращает на себя внимание прежде всего ее антицерковная направленность, решительный разрыв с официальной церковью. В этом проявилось его великое духовное мужество. Но значительно меньше внимания исследователи уделяли позитивной программе его религиозной проповеди. До революции религиозные взгляды Толстого разбирали богословы и реакционные писатели и критики, судившие с позиций ортодоксального православия и осуждавшие Толстого за «ересь», за «ненастоящее» христианство. Д. С. Мережковский в известной книге «Л. Толстой и Достоевский» пришел к выводу, что мировоззрение Толстого вообще не являлось христианским, а Н. А. Бердяев утверждал, что Толстой «был до того чужд религии Христа, как мало кто...»[2]. И надо сказать, что эти авторы не так далеки от истины, как может показаться.

Невнимание к религиозно-этической проповеди Толстого оборачивается невниманием к его этическим и философским взглядам, и об этом хорошо сказал Леонид Леонов на торжественном заседании, посвященном 50-летию со дня смерти писателя. Коснувшись различных реакционных толкований, связанных с духовными исканиями Толстого, он отметил, что отчасти это случилось вследствие затянувшегося нашего невнимания к той части наследия писателя, которая нахо-

[1] Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 39, стр. 114. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

[2] Н. А. Бердяев. Ветхий и Новый завет в религиозном сознании Л. Толстого. «О религии Льва Толстого», сб. 2. М., 1912, стр. 176.

дится за пределами его главной прозы. Мы сами как бы отдавали писателя на произвольное, зачастую недобросовестное истолкование его духовного искательства...[3] Отмечая активный, социальный характер нравственно-религиозной проповеди Толстого, Леонов назвал его христианство «странным и сомнительным».

Да, это было не только странное христианство, но и странная религия вообще. Религия без бога и мистики, без таинств и сверхъестественного. Любопытны толстовские определения религии: «Религия есть сознание тех истин, которые общи, понятны всем людям во всех положениях, во все времена и несомненны как 2×2=4. Дело религии есть нахождение и выражение этих истин, и когда истина эта выражена, то она неизбежно изменяет жизнь людей» (63, 339). Или: «...Под словом религиозное не следует разуметь неясное, неточное, как мы привыкли думать, следует разуметь самое ясное и несомненное знание, вытекающее не из одного рассуждения, но из рассуждения и всего сознания человека» (63, 440—441).

Основное, общее знание мы называем философией, в отличие от частного знания, являющегося предметом тех или иных частных наук. И примечательно, что Толстой определил религию словом «мудрость».

Возникает, однако, вопрос: что религиозного (кроме самого слова «религия») в толстовских представлениях о религии и при чем здесь бог? Понятие «религия» имеет у Толстого от начала до конца нравственный и философский смысл. У Толстого «свой» бог. Знакомясь с взглядами Людвига Фейербаха, Толстой констатировал, что для Фейербаха бог не нечто внешнее, не сверхъестественное существо, а некий «общий закон, общий всему существующему и человеку, который требует порядка для мира, **праведности** для человека и ведет к ней» (63,250). Писатель с одобрением воспринимал эти взгляды, они были близки его собственным. Слово «бог» он употребляет как синоним слов «закон природы». Замена показательная: она свидетельствует о его стремлении очистить «свою» религию от слишком вздорных, фантастических представлений. По такому пути пошел Толстой и в толковании Евангелия.

Началось оно с отрицания божественной сущности Иисуса Христа. Христос для Толстого — не бог, а вероучитель, учитель нравственности, реальное историческое лицо, проповедник, живший в определенную историческую эпоху, создатель морального кодекса, дошедшего до нас в записях его апостолов и получившего его имя. Такой взгляд на Иисуса Христа резко расходится с текстом Евангелий, где Иисус с самого начала провозглашается богом. Все содержание евангелий, все жизнеописание Иисуса, начиная с легенды о его чудесном происхождении (непорочное зачатие девы Марии) и кончая легендой о его воскресении после смерти, утверждает его божественность. Этой цели подчинены чудеса, бесчисленные рассказы о том, как Иисус исцелял больных, воскрешал мертвых, ходил по морю, яко по суху, и т. д. И все это Толстой объявляет вздором, сказками и баснями, выдуманными темными людьми.

Совершенно очевидно, что евангельский образ Христа-бога, приносящего себя в жертву ради спасения погрязшего в грехах человечества, чужд Толстому. Религиозные ортодоксы по-своему были правы, упрекая его в отходе от христианства.

Но, может быть, Толстой все-таки остается верен тому, что он называет учением Христа? Стоит присмотреться поближе, чтобы убедиться, что и это не так.

В противоречивых проповедях Христа Толстой принимал далеко не все, многое ему явно претило. Отмечая, что слова порой не столько передают мысль, сколько скрывают ее, Толстой писал: «Лучший пример есть учение Христа. Мысль ясно сообщена словами (как нам кажется), мало того — проведена в жизни — употреблено средство мимичности. И что же? Если бы ничего не было сказано Христом — результаты должны бы быть лучше по одной мимичности. Дар слова был употреблен весь на то, чтобы скрыть мысль. И цель, как вы знаете, очень хорошо достигнута» (63, 265).

Эти слова могут означать лишь одно: то, что было сказано Иисусом Христом и зафиксировано его апостолами, неприемлемо для Толстого, является маскировкой, камуфляжем, скрывающим что-то иное, что, по мнению Толстого, составляет подлинную сущность христианского учения. С таких позиций можно произвести полную ревизию традиционному христианству и отвергнуть все, что не подходит Толстому, не соответствует его философско-этическим исканиям и воззрениям.

Пожалуй, наиболее показательна в этой связи толстовская интерпретация Нагорной проповеди Иисуса Христа — тех заповедей, которые писатель объявил сутью Евангелия, наиболее близкими ему в проповеди Христа. Здесь мы подходим к самому существу морально-этических воззрений Толстого, которые он настойчиво проповедовал в последнее тридцатилетие своей жизни.

С Евангелием обычно связывают центральный пункт моральной проповеди Толстого — его учение о непротивлении злу насилием. Например, в цитированном уже выступлении Леонов говорит как о чем-то само собой разумеющемся, давно известном и не подлежащем сомнению о развитой Толстым евангельской заповеди непротивления злу насилием.

Но нет такой строки в Евангелии. Там сказано: «Не противься злому», или, по другим переводам, злу. Здесь нет даже намека на подразделения методов борьбы на насильственные и ненасильственные, и многие заповеди, изложенные в той же, пятой главе Евангелия от Матфея и составляющие, так сказать, непосредственное текстовое окружение призыва «не противиться злому», — совершенно прямо и недвусмысленно подтверждают это. Быть может, не лишне будет напомнить их. «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать...» «Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую». «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас» (Евангелие от Матфея, гл. 5, ст. 11,

[3] См.: Л. Леонов. Слово о Толстом. «Литература и время». М., 1967, стр. 278.

39, 44). Ясно, что в Нагорной проповеди речь идет о полном и безусловном отказе от борьбы со злом. И проповедуя безоговорочный квиетизм[4], церковь была верна духу Евангелия.

Но для Толстого примирение со злом или даже терпимое отношение к нему — в чем бы оно ни проявлялось — было вещью совершенно невозможной, просто немыслимой. Можно приводить его суждения на этот счет, но едва ли это нужно: самым красноречивым свидетельством в данном случае является пронизывающий все его творчество неукротимый дух сопротивления всем мерзостям российской действительности той эпохи.

Созданная Толстым и приписываемая Евангелию теория непротивления злу насилием была далека от примирения со злом, звала не к отказу от борьбы, а к борьбе — но с применением особых, ненасильственных методов. Как бы ни заблуждался Толстой относительно реальных перспектив и возможностей пассивного сопротивления, в сознании его это был особый метод борьбы, а не способ ухода от нее. Поэтому евангельская формула в ее первозданном виде не могла быть принята Толстым, была им трансформирована, точнее сказать, заменена другой формулой, соответствовавшей его взглядам.

Любопытно проследить эволюцию этой формулы в сознании Толстого. Поначалу она фигурирует в его рассуждениях в том виде, как была сформулирована в Евангелии, без каких-либо изменений. Например, в письме к А. А. Фету (октябрь 1880 г.): «Не противиться злу», «непротивление злу». В «Соединении и переводе четырех евангелий» (1880—1881 гг.): «Не борись со злом». А в «Кратком изложении Евангелия» (1881 г.) уже: «...Злом не борись со злом». В «Соединении и переводе четырех евангелий» появляется глава «Борьба с соблазнами противления насилием», которому естественно противостоит противление ненасилием. То же и в трактате «В чем моя вера?» (1884 г.). Сперва интересующая нас формула соответствует Нагорной проповеди, но в главе IV упоминается «закон противления злу насилием», по которому живут не принявшие Христа, опять-таки противостоящий другому закону — закону непротивления злу насилием.

После этого трактата, с середины 80-х годов, формула «непротивления злу насилием» уже прочно входит в язык и сознание Толстого как наиболее точное выражение его взглядов. Показательны и письма его, и статьи, особенно трактат «Царство божие внутри вас» (1890—1893 гг.), где с самого начала говорится о «заповеди непротивления злу насилием», и эта формула прослеживается до последней страницы.

Ценнейшим документом, проливающим свет на духовные искания Толстого, является его письмо журналисту и публицисту М. А. Энгельгардту (декабрь 1882 г. или январь 1883 г.). Энгельгардт — противник официального церковного христианства — попросил Толстого высказаться по некоторым вопросам. В частности, он писал: «Особенно один вопрос занимает меня: отношение к власти, к насилию: должен ли христианин покоряться даже несправедливым и гнусным постановлениям; не делается ли он через это соучастником преступления? По-моему, делается. Перед моими глазами убивают или мучат людей, не должен ли я заступиться за них, когда они просят меня о помощи, хотя бы пришлось их освободить силой. Но как же теперь добиться осуществления евангельского учения, что делать?»

Толстой ответил Энгельгардту большим письмом, содержащим ядро того, что позднее было изложено в трактате «В чем моя вера?». «Люди молодые и вашего строя мысли, — писал он, — склонны смешивать христианское учение истинное с квиетизмом суеверов. И им кажется, что отказаться от сопротивления злу насилием очень удобно и легко, и что от этого дело христианское ослабевает и лишается сил. Это не верно. Вы поймите, что христианин отрекается от насилия не потому, что он не любит того же, что вы желаете, не потому, что он ясно видит, что насилие — первое, что напрашивается человеку при виде зла, но он видит, что насилие отдалит его от цели, а не приблизит к ней, что оно не разумно, как неразумно человеку, желающему добраться до воды родника, палкой пробивать ту землю, которая отделяет его от ключа. И человеку, отвергающему насилие, не легче, — напротив; как не легче взять заступ и копать, чем колотить колом землю. Ему легче только тем, что он твердо знает, что не противясь злу насилием, а рассеивая его добром и истиной, он делает, что может, исполняет волю отца, по выражению Христа. Нельзя огнем тушить огонь, водой тушить воду, злом уничтожать зло. Уж это делали, делали с тех пор, как свет стоит, и вот доделали до того положения, в котором мы живем. Пора бы бросить старый прием и взяться за новый, тем более, что он и разумнее» (63, 119—120).

Даже метафоры великого писателя бессильны доказать истинность того, что истиной не является. Дело, однако, не в бессилии опровергнуть оппонента (бессилие это уже давно выявлено наукой и историей). Важно другое: непротивление злу насилием рождается в непосредственной связи с неприятием квиетизма. Толстой мыслит его не как способ уйти от действительности, а как особый метод борьбы (правильный или неправильный — это другой вопрос, но все-таки метод борьбы).

В середине 1880-х годов к Толстому обратился молодой человек, впоследствии профессор-юрист Новороссийского и Петербургского университетов, В. М. Грибовский, у которого возникли сомнения относительно правильности толкования Евангелия. Свои соображения Грибовский изложил в письме:

«Я думаю, есть правило «не противься злу». Это правило должно принимать безо всякого, и следовать ему без всяких уступок в пользу насилия какого бы то ни было. Итак видя, что другой человек страдает от насилия своего врага, я не имею права противиться обидчику, и обижаемый не имеет права сопротивляться врагу силою. Вы говорили, что мы должны взамен насилия простить и доказывать врагу его неправоту. Но разве, доказывая или умоляя разбойника, я не отсрочиваю или не желаю отсрочить свою смерть, иначе,

[4] Квиетизм — пассивность, непротивление, безразличие к добру и злу.

разве я не противлюсь каким бы то ни было способом долженствующему совершиться злу. Я не желаю этого зла, я считаю его вредным и своей просьбой я хочу его уничтожить, отвратить его, т. е. я все-таки сопротивляюсь ему. Допустив одно ограничение, люди допустят другое, третье и т. д. Если же выносить зло, даже не говоря делающему зло, что он неправ, никто не будет знать о зле, а наносящий зло часто не будет даже подозревать, что он совершает зло. Примером может служить ребенок, который только впоследствии начинает различать добро от зла. Итак меня занимает теперь вопрос: должно ли допустить ограничение для правила «не противься злу...»

Толстой не замедлил с ответом:

«...Не противиться злу насилием не значит не противиться злу, а значит не противиться злу насилием. Мне грустно, что вы, столь тонко и верно понимая многое, в этом запутались не в рассуждении, а в желании. Доказывать бесполезность и неприменимость всяких ограничений этого принципа бесполезно. Они слишком ясны и несомненны. **Сказано только то, что люди под влиянием страдания от боли, обиды и зла, вообще склонны, к чему склонны животные — отдавать тоже зло.** И вот сказано, что это есть соблазн заблуждения. Что же тут толковать!» (63, 259).

Нетрудно понять: Толстой попросту уходит от ответа на поставленный вопрос. Ведь Грибовский, в сущности, прочел в Евангелии то, что там написано, а Толстой своими толкованиями пытается исправить евангельскую заповедь, которая призывает не к тому, чтобы не противиться злу насильственными методами, как утверждает Толстой, а к тому, чтобы вообще не бороться со злом. Имея в виду Грибовского, Толстой предлагает такое сравнение: «Человек живет в доме, построенном без отвеса и угольника и, прикинув по отвесу и угольнику, видит, что дом крив, но чтобы не сказать этого, он начинает делать геометрические вычисления, по которым вышло, что тупой или острый углы — прямые» (63, 259—260). В сущности, это сравнение надо переадресовать самому Толстому. Перекос оказался в евангельской заповеди, а Толстой своими «геометрическими вычислениями» пытался его исправить и предлагал молодому человеку не верить собственным глазам, а верить его, Толстого, толкованиям.

Принцип «не противься злу» превратился в теорию непротивления злу насилием — толстовскую, а не евангельскую. И в этом наглядно убеждает, в частности, трактат «Царство божие внутри вас».

Эволюция неизбежная, ибо альтернатива ее — квиетизм. Стремление найти выход из трясины квиетизма должно было привести к тем или иным исправлениям евангельской заповеди...

Это, кстати сказать, случилось не только с Толстым. Вскоре после выхода в свет трактата «В чем моя вера?» Толстому стало известно, что аналогичным образом евангельские заповеди толкуют английские и американские квакеры. В трактате «Царство божие внутри вас» он цитирует одного из них — А. Балу, объявившего, что призыв «не противься злу насилием» — «закон Христа». Там же Толстой сообщает, что нечто близкое себе он обнаружил и у чешского проповедника XV века Хельчицкого, и в рассуждениях различных «еретиков» и «сектантов».

Нет основания ставить вопрос о каком-либо их влиянии на Толстого: взгляды его сложились независимо от них, раньше, чем он с ними познакомился. Но совпадение в трактовке евангельской заповеди весьма показательно: ограничение ее оказывалось неизбежным при любой попытке выйти за пределы абсолютного квиетизма.

Вместе с тем обращает на себя внимание и существенное отличие толстовских исканий от взглядов квакеров и других религиозных проповедников и интерпретаторов Евангелия. Все они проповедовали пассивное сопротивление и, как правило, не выходили за его пределы. Толстой — и в этом его качественное, принципиальное отличие от них — никогда не ограничивался пассивным сопротивлением, даже в тех случаях, когда на словах призывал к нему. Всем своим творчеством и деятельностью звал он не к пассивности, а к активной борьбе. Его ошибочную, юродивую проповедь разрывали кричащие противоречия: активная борьба не вяжется с ненасильственными методами, так же как призыв к борьбе — с Нагорной проповедью. Однако это был призыв к борьбе, а не к уходу от борьбы, и пафос борьбы отличал Толстого и ставил его на десять голов выше всех и всяких религиозных проповедников.

Толстовская теория зародилась и сформировалась в определенных исторических условиях — в начале 80-х годов, после убийства Александра II и вступления на престол Александра III, когда стал очевиден крах тактики индивидуального террора, избранного революционерами-народовольцами. Толстой прямо подчеркивал, что, если бы молодежь, вместо огромных жертв, отданных кровавой борьбе, руководствовалась учением Христа, то достигла бы большего. Надо ли доказывать, что этот тезис не выдерживает критики? Но одно здесь очевидно: взгляды самого Толстого формировались как реакция на неудачи революционного террора.

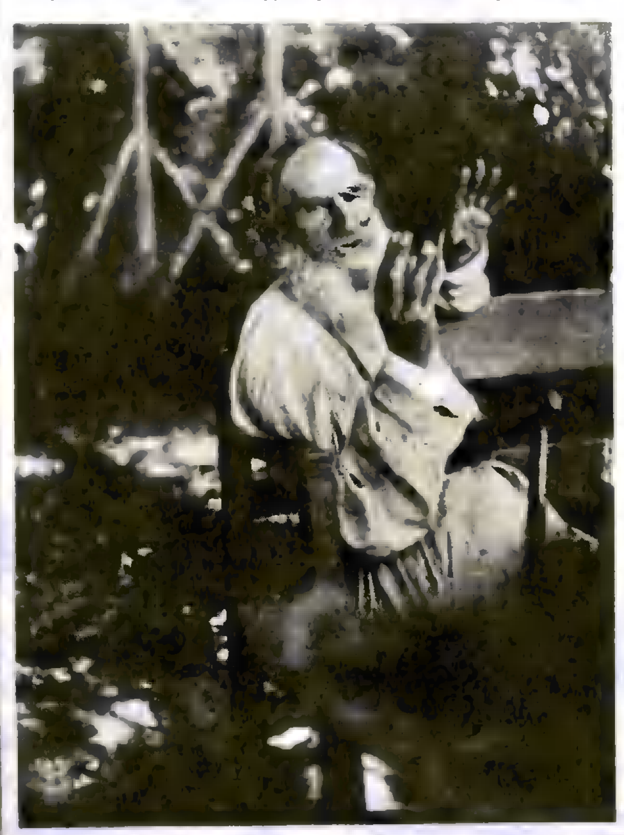
Лучшие умы России не могли в ту пору не задумываться над сложившимся в стране положением, не могли не искать путей выхода. В сущности, в этот же период сложилось и ленинское отрицание тактики индивидуального террора, неразрывно связанное с утверждением другого пути — пути революционного переустройства общества. В этот период, после казни старшего брата за участие в покушении на царя, прозвучало его знаменитое «Мы пойдем другим путем».

Знаменательный факт!.. Почти одновременно два величайших ума России — всемирно известный Лев Толстой и еще никому не известный Владимир Ульянов — под впечатлением неудач революционного террора упорно ищут пути выхода из создавшегося положения. Толстому не суждено было его найти, ибо все его рецепты и теории были далеки от реальных путей борьбы. Но страстность его неутомимых исканий и решительное, беспощадное отрицание всего строя современной ему жизни заслужили высокую ленинскую оценку, они дороги нам и сегодня.

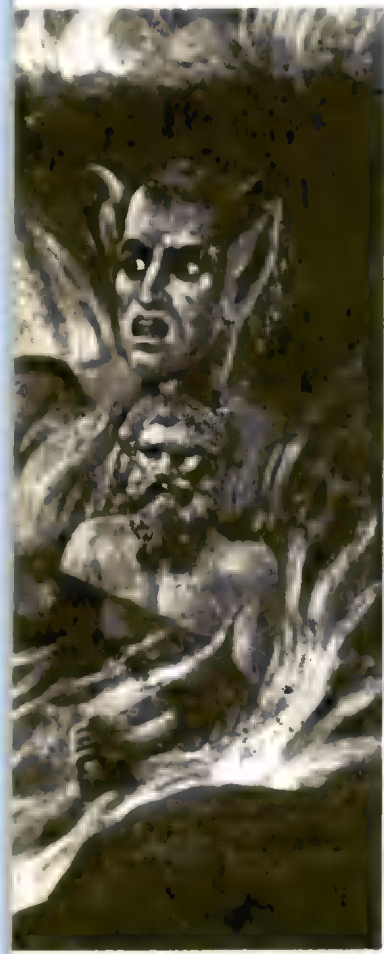
г. Петрозаводск

Братья Толстые: Лев, Дмитрий, Николай, Сергей. 1854 г.

Л. Н. Толстой. Снимки сделаны в последние годы жизни.

Лев Толстой в аду. Фрагмент стенной росписи из церкви села Тазова Курской области. (Ленинградский музей истории религии и атеизма.)

Г. ПЕТРОВ

ОТЛУЧЕНИЕ

Подобно удару грома в ясный день, Россию и мир ошеломило сообщение об отлучении от церкви величайшего писателя земли русской — Льва Николаевича Толстого.

«Русскому телеграфу, — писал В. Г. Короленко, — кажется, приходится в первый раз еще со времени своего существования передавать такое известие. «Отлучение от церкви», передаваемое по телеграфной проволоке! Парадокс, изготовленный историей к началу XX века».

Однако неожиданность этого события на самом деле была только кажущейся. Мысль об отлучении Толстого от православной церкви возникла в церковном мире задолго до принятия синодом печально знаменитого «определения» от 20—22 февраля 1901 года.

К 80-м годам прошлого века в сознании Толстого созрел тот перелом во взглядах на жизнь и ее нравственные основы, на общественные отношения и религию, который позднее лишь углублялся, находя отражение во всем, что он писал. Из-под пера его вышли такие произведения, как «Исповедь», «В чем моя вера?», «Так что же нам делать?», «Царство божие внутри вас».

В «Исследовании догматического богословия» (1884 г.), содержащем резкое осуждение догматов православной церкви, изложенных в книге митрополита московского доктора богословия Макария, Толстой писал: «Православная церковь? Я теперь с этим словом не могу уже соединить никакого другого понятия, как несколько нестриженных людей, очень самоуверенных, заблудших и малообразованных, в шелку и бархате, с панагиями бриллиантовыми, называемых архиереями и митрополитами, и тысячи других нестриженных людей, находящихся в самой дикой, рабской покорности у этих десятков, занятых тем, чтобы под видом совершения каких-то таинств обманывать и обирать народ» [1].

Страстная публицистика Толстого так гневно клеймила казенное православие, так убедительно отрицала государственность, так горячо принимала к сердцу тяготы народной жизни, что обычная полемика с писателем и цензурное преследование его произведений уже не могли быть достаточным противодействием. Необходимы были какие-то радикальные, экстраординарные меры.

Близкий к синоду херсонский архиепископ Никанор доверительно сообщал в 1888 году в письме профессору Московского университета Гроту: «Мы без шуток собираемся провозгласить торжественную анафему... Толстому». «Мы» — это значит синод, который давно уже вынашивал план анафематствования Толстого.

Более откровенно — и уже публично — через три года выступил харьковский кафедральный протоиерей Буткевич, впоследствии один из реакционных депутатов Государственной думы. Вот что сообщала газета «Южный край» 5 марта 1891 года:

«3 марта 1891 года в Харьковском соборе в десятую годовщину царствования Александра III священник Т. Буткевич произнес «Слово в день восшествия на престол благочестивейшего государя императора Александра Александровича», называемое «О лжеучении графа Л. Н. Толстого».

Посвятив свое «Слово» обличению религиозно-философских взглядов писателя, особо подчеркнув, что Толстой «больше всех волнует умы образованного и необразованного общества своими сочинениями, отличающимися разрушительной силой и растлевающим характером, проповедующими неверие и безбожие», Буткевич заключает: «Благочестивейший государь наш есть основание нашей надежды, что это зло будет пресечено своевременно»,— и приводит текст из послания апостола Павла: «Но если бы даже мы, или ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема. Как прежде мы сказали, так и теперь еще говорю: кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема».

Подобного рода «обличения» Толстого с каждым годом учащались, все более широкий круг «ревнителей православия», в стремлении быть отмеченными благосклонностью духовного начальства и светской власти, пользовались любым удобным случаем подчеркнуть свою преданность церкви и «благочестивейшему государю». Синод всемерно поддерживал подобную «самодеятельность», зная, конечно, что всякого рода «анафемы», провозглашаемые распалившимися иереями, не имеют никакой канонической силы.

В марте 1892 года Толстого посетил ректор Московской духовной академии архимандрит Антоний (Храповицкий), будущий митрополит и отъявленный реакционер, один из претендентов на патриарший престол в 1917 году, деникинский приспешник, а позже — главарь клерикальной белоэмиграции. Через месяц Софья Андреевна Толстая писала из Москвы мужу о полученном ею сообщении, согласно которому московский митрополит вознамерился торжественно отлучить его от церкви.

Казалось, все было подготовлено синодом для «отторжения от церкви заблудшей овцы»; обер-прокурор синода К. П. Победоносцев также склонялся на сторону синодального большинства. Но все планы рухнули, натолкнувшись на запрет Александра III, у которого хватило здравого политического смысла «не прибавлять к славе Толстого мученического венца». Синод был вынужден отступить, отложив церковную расправу с Толстым до более благоприятного момента.

Но после смерти Александра III синод тотчас же вновь поставил на очередь этот вопрос. В 1896 году Победоносцев вновь заговорил о необходимости отлучить Толстого от церкви.

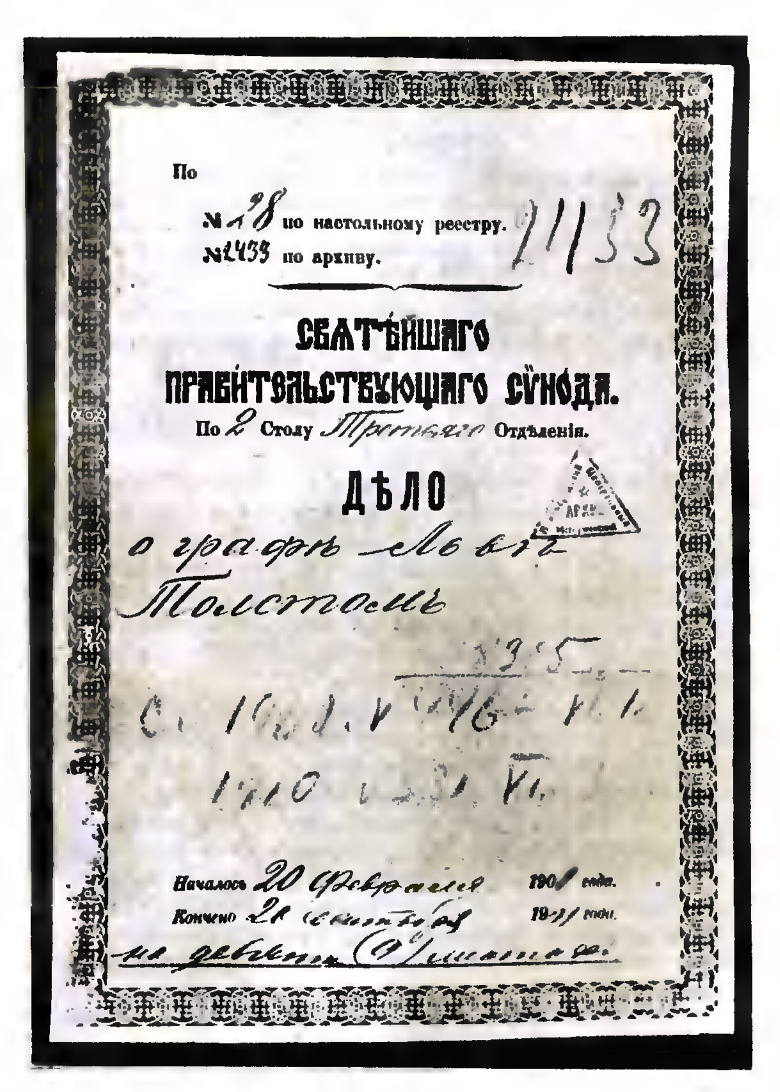
В ноябре 1899 года харьковский архиепископ Амвросий составил проект постановления синода об отлучении Толстого, но решение по этому проекту синодом принято не было. В начале 1900 года, в дни тяжелой болезни писателя, член синода митрополит киевский Иоанникий, согласно определению синода, секретным циркуляром обязал все духовные консистории объявить подведомственному духовенству «О запрещении поминовения и панихид по Л. Н. Толстом в случае его смерти без покаяния».

Роман «Воскресение», вышедший в свет в 1899 году, привел в замешательство и ярость правительственные и высшие церковные сферы. Победоносцев, выведенный в романе под фамилией Топорова, пришел в состояние крайнего озлобления. В 1900 году «первоприсутствующим» в синоде был назначен митрополит Антоний, неоднократно пытавшийся ранее учинить расправу с Толстым. Все это ускорило отлучение Толстого. Церковники на-

[1] Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 23, стр. 296.

Страшный суд. На карикатуре К. П. Победоносцев, изображенный богом Саваофом, судит «грешника» Л. Н. Толстого.

По

№ 28 по настольному реестру. 1433

№1433 по архиву.

СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СѴНОДА.

По 2 Столу Третьяго Отдѣленія.

ДѢЛО

о графѣ Львѣ Толстомъ

Началось 20 Февраля 1901 года.

Кончено 21 сентября 19 года.

Карикатуры, появившиеся как отклик на отлучение Л. Н. Толстого от церкви.

Иностранная карикатура в связи с отлучением Толстого. Внизу подпись: «Отлучен!»

Сожжение еретика. В виде инквизитора на карикатуре изображен К. П. Победоносцев, еретика — Л. Н. Толстой.

стойчиво потребовали расправы с писателем. Победоносцев добился согласия Николая II. Он использовал в полной мере свое влияние на императора — как его учитель в прошлом и затем советник по церковным вопросам.

Ничто больше не сдерживало «святых отцов» русской православной церкви. Синод получил свободу действий.

11 февраля 1901 года митрополит Антоний писал Победоносцеву:

«Теперь в Синоде все пришли к мысли о необходимости обнародования в «Церковных ведомостях» синодального суждения о графе Толстом. Надо бы поскорей это сделать. Хорошо было бы напечатать в хорошо составленной редакции синодальное суждение о Толстом в номере «Церковных ведомостей» будущей субботы, 17 февраля, накануне Недели православия. Это не будет уже суд над мертвым, как говорят о секретном распоряжении (имеется в виду распоряжение синода 1900 г. о запрещении отпевания Толстого. — Г. П.), и не обвинение без выслушания оправдания, в «предостережение» живому...»

24 февраля 1901 года «Церковные ведомости при святейшем правительствующем синоде» опубликовали «Определение святейшего синода от 20—22 февраля 1901 года о графе Льве Толстом». На следующий день, в воскресенье 25 февраля, газеты вышли с полным его текстом без каких-либо комментариев.

Инициатива издания этого акта исходила от митрополита Антония. Текст определения был написан непосредственно самим Победоносцевым, а затем отредактирован Антонием совместно с другими членами синода.

Примечательно, что определение составлено в крайне осторожных выражениях. Подчеркивая огромный и непререкаемый авторитет Льва Толстого, его авторы не решились открыто заявить об отлучении, но лицемерно сожалели об «отпадении от церкви». Хотя «Определение» заканчивается словами молитвы о возвращении Толстого в лоно церкви, не остается никакого сомнения в подлинных намерениях синода — поднять на Толстого темную массу религиозных фанатиков, заставить его испытать на себе черносотенный «патриотизм» «истинно русских людей».

Последующие события подтвердили это. Тотчас же после опубликования текста отлучения с благословения синода с церковных амвонов стал изливаться мутный поток злобных и оскорбительных выкриков и угроз в адрес писателя. И чем выше был ранг иерархов, тем яростнее громили они «дерзко восставшего на господа лжеучителя», разжигая и распаляя низменные инстинкты толпы призывом всяческих бед и несчастий на голову Толстого.

И не только с амвонов, но и со страниц церковных, реакционных и черносотенных газет и журналов на Толстого выливались потоки гнусных инсинуаций и чудовищных, не совместимых с здравым смыслом выдумок.

Угодливо стремясь внести и свою «посильную лепту» в организованную правительством и церковью травлю великого писателя, реакционная печать взывала к властям от имени «истинно-русских» людей с требованием предать Толстого суду. Эта кампания продолжалась в печати до самой смерти его. Так, в феврале 1910 года, в одной из черносотенных газет была напечатана статья, которая заканчивалась следующим недвусмысленным предложением: «Следовало бы правительству, наконец, подумать об этом, добраться до Ясной Поляны и разорить это вражье гнездо клевретов антихриста, пока сам народ русский не посягнул на это».

Церковь отлучила Толстого. Резонанс этого события прокатился по всеми миру, и отзвуки его долго не сходили со страниц иностранных газет и журналов, проявивших огромный интерес к этому невероятному для XX века событию. В России же министерством внутренних дел было издано циркулярное запрещение печатать телеграммы и статьи, выражающие сочувствие писателю и осуждающие определение синода.

Русская общественность, лишенная возможности открыто выступить в печати, использовала нелегальные пути, наводнив страну отпечатанными за границей литографированными изданиями и брошюрами со словами гневного протеста и ядовитой сатиры.

«Пережили много событий, — записала 6 марта 1901 года в дневнике С. А. Толстая, — не домашних, а общественных. 24 февраля (25 февраля. — Г. П.) было напечатано во всех газетах отлучение от церкви Льва Николаевича...

Бумага эта вызвала негодование в обществе, недоумение и недовольство среди народа. Льву Николаевичу три дня подряд делали овации, приносили корзины с живыми цветами, посылали телеграммы, письма, адресы. До сих пор продолжаются эти изъявления сочувствия Л. Н. и негодование на Синод и митрополитов. Я написала в тот же день и разослала свое письмо Победоносцеву и митрополитам...

Несколько дней продолжается у нас в доме какое-то праздничное настроение; посетителей с утра до вечера — целые толпы».

Письмо С. А. Толстой митрополиту Антонию и Победоносцеву было одним из первых откликов на определение синода. Победоносцев оставил письмо без ответа, но Антонию, подпись которого под определением стояла на первом месте, трудно было хранить молчание, тем более что письмо С. А. Толстой получило широкую известность.

Несколько недель медлил Антоний, надеясь, что «Определение» найдет поддержку в обществе и даст возможность синоду, не теряя престижа, выйти из щекотливого положения.

Но эти надежды не оправдались. Напротив, недовольство возрастало день ото дня.

И вот 24 марта 1901 года в прибавлении к № 12 неофициальной части «Церковных ведомостей» напечатаны были письмо С. А. Толстой и ответ на него митрополита Антония.

«Милостивая государыня, графиня София Андреевна! — гласил ответ митрополита Антония. — Не то жестоко, что сделал синод, объявив об отпадении от церкви вашего мужа, а жестоко то, что сам он с собой сделал, отрекшись от веры в Иисуса Христа».

Лицемерный ответ Антония был рассчитан на широкую огласку и имел целью оправдать действия синода, успокоить общественное мнение, возмущенное травлей Толстого. Подробно об этом рассказал в «Петербургской газете» 27 марта 1901 года видный столичный протоиерей, близкий к синодальным кругам, Ф. Орнатский:

«Обнародование письма графини С. Толстой и ответа на него его высокопреосвященства митрополита Антония имело свои веские и более чем уважительные причины, так как письмо графини стало очень широко распространяться в публике и не только в заграничных газетах и ходивших по рукам рукописных переводах — что не было бы еще таким широким распространением. — Распространялись еще до появления в заграничной печати гектографические копии и не

ОПРЕДѢЛЕНІЕ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА,

отъ 20—22-го февраля 1901 года № 557, съ посланіемъ вѣрнымъ чадамъ Православныя Грекороссійскія Церкви о графѣ Львѣ Толстомъ.

Святѣйшій Синодъ, въ своемъ попеченіи ...

перевода, а подлинника письма, т. е. черновика его, и распространялись в огромном количестве экземпляров. Один экземпляр такой копии был получен и у нас в Экспедиции заготовления государственных бумаг (Ф. Орнатский служил настоятелем церкви при этой экспедиции. — Г. П.). С ним я и поехал и его высокопреосвященству. Владыка сверил копию письма с подлинником, — она оказалась тождественной. Тогда-то и решено было, в виде противодействия распространению одностороннего мнения, обнародовать как письмо графини, так и ответ владыки. Сперва оба эти документа были изготовлены на гектографе и раздавались в синоде, а затем уже решено было напечатать их в прибавлении к «Церковным ведомостям».

Ф. Орнатский откровенно высказал подлинную причину выступления Антония в печати: нужно было спасать репутацию синода. Последствия отлучения были настолько неблагоприятны для его инициаторов, что даже Победоносцев, считавший себя непререкаемым авторитетом в делах охраны и укрепления незыблемости основ самодержавия и церкви, в письме к главному редактору журнала «Церковные ведомости» протоиерею Л. А. Смирнову с горечью вынужден был признать, что «Послание» синода вызвало целую «тучу озлобления» против руководителей церкви и государства.

Как же отнесся к отлучению его от церкви сам Толстой?

Обратимся к его дневнику. 19 марта он записал: «За это время было странное отлучение от церкви и вызванные им выражения сочувствия». Но вскоре возникла мысль о необходимости выступить с открытым протестом.

Толчком к такому решению послужило следующее обстоятельство. В связи с отлучением от церкви Толстой получал не только приветствия с выражением сочувствия, но и значительное количество увещевательных и ругательных — большей частью анонимных — писем. Первоначально ответ и был озаглавлен так: «Моим, скрывающим свое имя корреспондентам-обвинителям», затем он стал «Ответом синоду».

Ответ Толстого синоду был напечатан с значительными пропусками только в церковных изданиях, с запрещением перепечатки. В примечании цензора было отмечено, что в статье пропущено примерно сто строк, в которых «граф Толстой нападает на таинства христианской веры и церкви, иконы, богослужение, молитвословие и пр.», и что печатать это место нашли «невозможным, не оскорбляя религиозного чувства верующих людей». Но скрыть от русской общественности полный текст, разумеется, не удалось.

«Ответ синоду» показал, что Толстой не устрашился церковного отлучения и не поколебался в своих убеждениях. Письмо это — непревзойденный по силе обличения и отрицания церковных канонов и обрядности документ. «Ответ синоду» вызвал множество полемических выступлений на страницах церковных изданий. Нет необходимости останавливаться на риторических упражнениях богословов и их полемике с Толстым, так как все они, ссылаясь на евангельские тексты, пытались доказать недоказуемое о бытии бога и непогрешимости церкви...

Неожиданно для синода и, конечно, вопреки замыслам «отцов церкви» и реакционных кругов с Победоносцевым во главе отлучение от церкви содействовало той самой популярности Толстого, рост которой имелось в виду приостановить. Имя писателя стало еще более популярным в стране и за ее пределами. Следствием этого акта, помимо горячего сочувствия Толстому со стороны многих тысяч людей, стало несравненно более пристальное, живейшее внимание самых широких читательских масс ко всему, что вышло или выходило из-под его пера. Миллионы людей во всем мире с огромным интересом прислушивались к голосу Толстого, популярность которого после отлучения достигла своего апогея.

8 апреля Толстой записал в дневнике: «Все продолжаются адресы и приветствия». Приветствия шли нескончаемым потоком со всех концов России и из разных стран — адреса, письма, телеграммы. К дверям дома Толстых в Хамовниках в Москве одна за другой являлись депутации с букетами цветов. Шумные овации устраивали Толстому многолюдные толпы на улицах Москвы.

Среди бесчисленных откликов мы видим приветствия от рабочих Прохоровской мануфактуры, от группы политических ссыльных из Архангельска, от рабочих из города Коврова, от испанских журналистов и многие другие. В ответ на все эти телеграммы, письма и адреса Толстой направил в газеты короткое письмо синоду:

«Г. Редактор!

Не имея возможности лично поблагодарить всех тех лиц, от сановников до простых рабочих, выразивших мне как лично, так и по почте и по телеграфу свое сочувствие по поводу постановления св. синода от 20—22 февраля, покорнейше прошу вашу уважаемую газету поблагодарить всех этих лиц, причем сочувствие, высказанное мне, я приписываю не столько значению своей деятельности, сколько остроумию и благовременности постановления св. синода.

Лев Толстой».

«Святейший синод отлучил Толстого от церкви, — писал В. И. Ленин.— Тем лучше. Этот подвиг зачтется ему в час народной расправы с чиновниками в рясах, жандармами во Христе, с темными инквизиторами, которые поддерживали еврейские погромы и прочие подвиги черносотенной царской шайки» [2].

Народная любовь к великому писателю была той твердыней, о которую разбились попытки синода и его вдохновителей опорочить и принизить имя Толстого.

Самодержавие, охранявшее незыблемость догматов церкви, и церковь, освящавшая самодержавие, ополчились на Толстого, поставив себе единую цель — сломить его упорство и любой ценой, не стесняясь в выборе средств, добиться хотя бы видимости согласия Толстого возвратиться в «лоно церкви», отказаться от «заблуждений». Архиереи, священники и чиновники безуспешно потратили на это девять лет, но так и не сломили волю великого старца...

1908 год — год 80-летия Толстого был, пожалуй, наиболее насыщенным по числу посещений его духовными пастырями, в числе которых пожаловал с визитом и тульский архиерей Парфений. Гостя сопровождали исправник, становой, два урядника и два священника. Упомянув о том, что он получает много писем от духовных лиц с призывом вернуться в лоно церкви, Толстой прибавил: это так же невозможно для него, как взлететь на воздух.

Толстой поначалу полагал, что Парфений приезжал к нему без всякой тайной мысли. Но вскоре ему стало известно, что архиерей просил Софью Андреевну уведомить его, когда Лев Николаевич будет близок к смерти. Узнав об этом, Толстой 22 января 1909 года записал в дневнике, подчеркнув главное в этой записи:

«...Особенно неприятно, что он просил дать ему знать, когда я буду умирать. Как бы не придумали они чего-нибудь такого, чтобы уверить людей, что я «покаялся» перед смертью. И потому заявляю, кажется, повторяю, что возвратиться к церкви, причаститься перед смертью, я так же не могу, как не могу перед смертью говорить похабные слова или смотреть похабные картинки, и потому все, что будут говорить о моем предсмертном покаянии и причащении — ложь... Повторяю при этом случае и то, что похоронить меня прошу также без так называемого богослужения...»

...Перед лицом смерти и ужаса небытия, призрак которого был так мучителен писателю, Толстой не смирился и не покаялся. Усилия церковников, попытавшихся в последние дни жизни Толстого вернуть его в лоно христианства и представить его примирившимся с государством и церковью, не удались[3]. Толстой так и умер не сломленный духом. И отлучение великого писателя навсегда останется неприглядной страницей истории церкви.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 22.
[3] О последних днях Л. Н. Толстого см. статью А. Шамаро «Последние десять дней». «Наука и религия», 1971, № 1.

Выдержки из «ОТВЕТА» Л. Н. Толстого

на определение синода от 20—22 февраля

Постановление синода вообще имеет много недостатков. Оно незаконно или умышленно двусмысленно; оно произвольно, неосновательно, неправдиво и, кроме того, содержит в себе клевету и подстрекательство к дурным чувствам и поступкам.

Оно незаконно или умышленно двусмысленно — потому, что если оно хочет быть отлучением от церкви, то оно не удовлетворяет тем церковным правилам, по которым может произноситься такое отлучение...

Оно произвольно, потому что обвиняет одного меня в неверии во все пункты, выписанные в постановлении, тогда как не только многие, но почти все образованные люди в России разделяют такое неверие и беспрестанно выражали и выражают его и в разговорах, и в чтении, и в брошюрах и книгах...

Оно представляет из себя то, что на юридическом языке называется клеветой, так как в нем заключаются заведомо несправедливые и клонящиеся к моему вреду утверждения.

Оно есть, наконец, подстрекательство к дурным чувствам и поступкам, так как вызвало, как и должно было ожидать, в людях непросвещенных и нерассуждающих озлобление и ненависть ко мне, доходящие до угроз убийства и высказываемые в получаемых мною письмах. «Теперь ты предан анафеме и пойдешь по смерти в вечное мучение и издохнешь как собака... анафема ты, старый черт... проклят будь», пишет один. Другой делает упреки правительству за то, что я не заключен еще в монастырь, и наполняет письмо ругательствами. Третий пишет: «Если правительство не уберет тебя,— мы сами заставим тебя замолчать»; письмо кончается проклятиями. «Чтобы уничтожить прохвоста тебя,— пишет четвертый,— у меня найдутся средства...» Следуют неприличные ругательства...

То, что я отрекся от церкви, называющей себя православной, это совершенно справедливо...

Стоит только прочитать требник и проследить за теми обрядами, которые не переставая совершаются православным духовенством и считаются христианским богослужением, чтобы увидать, что все эти обряды не что иное, как различные приемы колдовства, приспособленные ко всем возможным случаям жизни...

И я действительно отрекся от церкви, перестал исполнять ее обряды и написал в завещании своим близким, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали ко мне церковных служителей, и мертвое мое тело убрали бы поскорей, без всяких над ним заклинаний и молитв, как убирают всякую противную и ненужную вещь, чтобы она не мешала живым...

Сказано также, что я отвергаю все таинства. Это совершенно справедливо. Все таинства я считаю низменным, грубым, несоответствующим понятию о боге и христианскому учению колдовством и, кроме того, нарушением самых прямых указаний евангелия...

Сказано, наконец, как последняя и высшая степень моей виновности, что я, «ругаясь над самыми священными предметами веры, не содрогнулся подвергнуть глумлению священнейшее из таинств — евхаристию». То, что я не содрогнулся описать просто и объективно то, что священник делает для приготовления этого, так называемого, таинства, то это совершенно справедливо; но то, что это, так называемое, таинство есть нечто священное и что описать его просто, как оно делается, есть кощунство, — это совершенно несправедливо...

Ужасно, главное, то, что люди, которым это выгодно, обманывают не только взрослых, но, имея на то власть, и детей...»

«Вы, смиренные в митрах, опозорили себя и Россию»

В Центральном государственном архиве (ЦГИА СССР) и в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ГПБ) хранится ряд неопубликованных материалов, касающихся отлучения от церкви Л. Н. Толстого.

Ниже впервые публикуются фрагменты из писем К. П. Победоносцева к профессору Московского университета С. А. Рачинскому — ярому стороннику клерикализации народного образования — и к Николаю II. Первое из них показывает, что отлучение Толстого обер-прокурор синода начал готовить сразу после вступления на престол Николая II. А второе раскрывает подоплеку отлучения: она была актом мести Толстому не только со стороны церкви, но и царского самодержавия.

В связи с мощным движением протеста, охватившим Россию и весь мир, главное управление по делам печати министерства внутренних дел издало ряд распоряжений — от 24 февраля, 26 марта, 23 июня 1901 года и 29 января 1902 года. Всем губернаторам и цензурным комитетам в секретном порядке предписывалось не пропускать в печать критические материалы, связанные с отлучением писателя.

Но цензурные запрещения не могли преградить дорогу развернувшейся антицерковной кампании. Часть ранее не публиковавшихся документальных материалов, адресованных петербургскому митрополиту, первенствующему члену синода Антонию за период с февраля по декабрь 1901 года, хранится в рукописном отделе библиотеки имени Салтыкова-Щедрина. Большинство из них, по соображениям конспирации, носят анонимный характер. Они свидетельствуют о резком росте во всех слоях общества антиклерикальных настроений в связи с отлучением Толстого от церкви. Здесь приводятся некоторые из писем и выдержки из других (ф. СПб., ДА ед. хр. А 1-289 с указанием листов дела).

Публикацию подготовил кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и научного коммунизма Брянского института транспортного машиностроения М. Н. КУРОВ[1].

Из письма К. П. Победоносцева С. А. Рачинскому от 26 апреля 1896 г. ГПБ, ф. 631, лл. 159 об. — 160.

«Ужасно подумать о Льве Толстом. Он разносит по всей России страшную заразу анархии и безверия!.. Точно бес овладел им — а что с ним делать? Очевидно, он враг церкви, враг всякого правительства и всякого гражданского порядка. Есть предположение в синоде объявить его отлученным от церкви во избежание всяких сомнений и недоразумений в народе, который видит и слышит, что вся интеллигенция поклоняется Толстому.

...Вероятно, после коронации[2] возбудится вопрос: что делать с Толстым?»

Из письма К. П. Победоносцева Николаю II от 12 октября 1901 г. ЦГИА СССР, ф. 1574, оп I, ед. хр. 16, лл. 13—14.

«Толстой, отрицая церковь, отрицает вместе с тем и государство, и правительство, и самую собственность. Это учение вносит он в крестьянскую среду. Очевидно, что в этой сфере особенно отрицание церкви сливается прямо с отрицанием всех властей и порождает анархии».

ОТКЛИКИ НА ОТЛУЧЕНИЕ Л. Н. ТОЛСТОГО ОТ ЦЕРКВИ

«Результатом этого было то, что даже духовенство поделилось на два лагеря: часть за синод, а часть за Толстого, в светском обществе и говорить нечего — оно почти все за Толстого».

Из Харькова, 25 марта. Без подписи (л. 15).

✦

«В России гр. Л. Н. Толстой не единый по своему духовному направлению. Число его единомышленников достигает значительной цифры и с каждым годом увеличивается.

Надменность духовенства, во главе которого вы, решившиеся на подобную нелепость, как-то отлучение от церкви высокочтимого, почтеннейшего, высокоразумного и возлюбленного старца графа Льва Толстого, вооружила против себя весь здравомыслящий мир».

✦

«Никто, конечно, не спорит с гг. Победоносцевым и Саблерами, что право, созданное ими или им подобными, основанное на силе, не исключает произнесение анафемы по усмотрению сильных временщиков — так по крайней мере свидетельствует история.

Все образованное общество со смехом встретило послание синода об отлучении Льва Толстого, литература породила целый ряд юмористических стихов и описание синодальных деятелей, ибо что может значить факт отлучения, когда общество уже отлучилось от отлучающих...»

Без даты и подписи (л. 34 и об.).

✦

«...Лев Толстой — гордость, слава сынов России. Синод уронил себя. Письмо графине вызовет взрыв негодования и иным членам синода... И не думайте, что не найдется священник, который не помолится о Льве Толстом при его смерти (даже без покаяния!). Долой лицемерие! Таких священников найдется, к счастью, много... Итак, поверьте, духовенство не все на вашей стороне».

31 марта 901 года. Священник села Рускина Витебской епархии Павел **Правдин** (лл. 38—40 об.).

✦

«От имени многих тысяч жителей Сев. Западного края мы протестуем против определения синода от 20—22 февраля 1901 года за № 587, протестуем против этого бессмысленного акта, который вносит раздор и смуту в сердце православных жителей нашего края и послужит всеобщим сигналом к отпадению от той религии, высшее учреждение которой не умеет идти вперед по пути прогресса и цивилизации.

...Вы, смиренные в митрах, опозорили себя и Россию и погубили православие. Примите же от нас этот справедливый взрыв негодования и, если можно, исправьте свою роковую ошибку».

Без даты и подписи (л. 52).

---

[1] Подготовленная М. Н. Куровым публикация будет полностью напечатана в 24-м выпуске «Вопросов научного атеизма».

[2] Речь идет о коронации Николая II, состоявшейся в 1896 г.

Новое издание сочинений Л. Н. Толстого

В связи с общей разрухой книжный рынок находится в настоящее время в крайне стесненном положении. Книг почти нет, а имеющиеся очень дороги. В частности, нет на рынке большинства произведений Льва Николаевича Толстого, спрос на писания которого растет между тем с каждым днем.

Для удовлетворения этого спроса и во исполнение воли Л. Н. Толстого... подготовляются и в ближайшее время должны появиться под редакцией Черткова первые выпуски Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, которое составит, вероятно, не менее 60 томов... Издание это будет наиболее полным из досель изданных и первым изданием, тщательно сверенным по всем доступным в настоящее время рукописям и другим источникам, с многочисленными вариантами и с включением всего того, что раньше находилось под цензурным запретом.

«Известия», 31 января 1918 г.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ ТОЛСТОВСТВА

З. КАЛИНИЧЕВА,
кандидат
философских
наук

В начале 80-х годов прошлого века среди русской интеллигенции стала распространяться в списках статья Льва Толстого «Исповедь». В ней Толстой осуждал свою прежнюю жизнь, обличал духовную пустоту, эгоизм господствующих классов, бесчеловечность их отношений к простому народу.

«Исповедь» произвела огромное впечатление. За ней последовали новые публицистические статьи, в которых Толстой выразил не только ужас перед безбрежным морем народной нищеты, горя, бесправия, не только непримиримое отрицание идеалов и морали своего круга, но и категорическое осуждение частнособственнического общества, социального неравенства, казенной церкви — прислужницы власть имущих. Толстой не ограничился одной лишь критикой российской действительности. Он сформулировал те «принципы жизни» — систему религиозно-этических идей, воплощение которых в личной и общественной практике людей могло, по его убеждению, привести к созданию справедливого общественного устройства. Принципы эти получили название толстовства. У этого учения появились последователи, которые пытались претворить его в жизнь. Толстовство увлекло часть дворянской и — в меньшей степени — разночинной интеллигенции и крестьянства, нашло последователей среди крестьян-сектантов (штундистов, молокан, духоборов) Харьковской, Полтавской, Воронежской, Курской, Киевской и ряда других губерний. По данным синода, в одной лишь Харьковской губернии к началу XX века было 1414 крестьян-толстовцев. Толстовство стало заметным движением русской общественной жизни с конца 80-х годов до первой русской революции.

Основное содержание толстовства — это призыв к «братской любви всех ко всем», «непротивление злу насилием», нравственное совершенствование человека на основе евангельских моральных заповедей. Из принципа «непротивления»[1] проистекло отрицание государства как основного механизма насилия, в том числе «самого страшного насилия» — участия в войне, в убийствах. Идеалом общественного устройства представлялось общежитие свободных и равных в правах земледельцев. Представителей имущих классов призывали добровольно отказаться от «самого страшного общественного зла» — частной собственности, от использования чужого труда. Им предлагали жить плодами собственного труда — земледельческого или ремесленного. Широкую известность получил призыв Толстого к «опрощению» — к патриархальной простоте в быту, пренебрежению материальными благами цивилизованного общества.

Взгляды Толстого нельзя считать только плодом его мысли. Он был знаком со многими философскими и экономическими теориями, моральными заповедями основных религиозных течений. Еще важнее отметить другое. Миросозерцание Толстого возникло в России на определенном идейном фундаменте, суммировав, логически обосновав идеи, которые и до появления толстовских статей распространялись среди определенной части русской, преимущественно дворянской, интеллигенции и крестьян-сектантов, чьи религиозно-этические и социальные взгляды Толстой особенно внимательно изучал. Представители дворянской и разночинной интеллигенции, выбитые капиталистическим развитием из жизненной колеи, не только стремились избавить народ от нищеты и угнетения, но и сами искали у него защиты. В патриархальности и религиозности крестьянства, незыблемости уклада крестьянской жизни видели они нечто нерушимое, постоянное, что следует укреплять и увековечивать для противодействия распаду привычного существования и традиционной морали, вызванному развитием капитализма в России после 1861 года. Много общего было во взглядах толстовцев с проповедью штундистов и духоборов. Штундисты, например, отрицали всякое угнетение, частную собственность и государственное устройство, требовали всеобщего равенства, представляли общество как совокупность индивидуальных земледельцев. Духоборы не признавали ни государственной, ни церковной власти, проповедовали общность имуществ и равноправие людей. Таким образом, толстовство означало не начало, но, скорее завершение идейного развития части интеллигенции и религиозного сектантства, и поэтому идеи, высказанные Толстым, нашли в этой социальной среде немедленный и достаточно широкий отзвук.

В течение 70-х и 80-х годов русская интеллигенция вела усиленные поиски различных форм хозяйственного устройства, которые улучшили бы положение народа, и поиски нравственных истин, которые помогли бы ей встать на «истинные» пути в жизни. Так, В. Г. Чертков, «толстовец № 2», еще до знакомства с Толстым заинтересовался проблемами личного нравственного совершенствования на христианской основе, отказался от блистательной карьеры, которая открывалась перед ним, и уехал в имение своих родителей улучшать быт крестьян, заниматься просвещением крестьянских детей. Видный деятель толстовства П. И. Бирюков отмечал, что сходные религиозно-этические идеалы сложились у него до знакомства с работами Толстого.

[1] Подробнее о нем см. в этом номере статью М. Гина «Непротивленство» по Евангелию и по Л. Толстому».

Князь Д. А. Хилков, с восторгом принявший идеи Толстого, еще до появления толстовских статей оставил военную службу как несовместимую с заповедью «не убий». Вернувшись в родовое имение, он отдал крестьянам 400 десятин плодородной земли в общинное пользование. Сам обрабатывал участок в 7 десятин, пас и доил коров, выпекал хлеб и т. д.

В 1886 году на юге России была основана «земледельческая интеллигентная колония «Криница» (по-украински — «родник», «источник»), члены которой ставили целью нравственное совершенствование на основе христианских идеалов. Эти идеалы они видели в земледельческом труде, отсутствии любой формы насилия и обязательной дисциплины, в «братской любви», отказе от бытовых благ цивилизации, «опрощении» [2].

Двадцатилетие 1860—1880 годов характерно возникновением множества всевозможных артелей, товариществ, коммун. В 70-е годы среди них наметилось преобладание земледельческих артелей, ознаменовавшее стремление интеллигенции показать «как надо жить» — прежде всего крестьянству. Все эти коммуны оказались нежизнеспособными. Исключение составляла лишь уже упомянутая «Криница», сумевшая просуществовать четверть века. Но к этому юбилею она была уже паевым экономическим товариществом, членов которого волновали не этические искания, а решение чисто экономических задач.

Крах коммун интеллигенция объясняла, с одной стороны, чисто экономическими трудностями, с другой — отсутствием должного идейного фундамента в жизни общин. Идеи Толстого (хотя сам он к созданию коммун не призывал) дали новый толчок земледельческому общинному движению. В этих идеях жаждущие артельной жизни увидели недостававшее, по их мнению, прежним земледельческим устройствам идеологическое обоснование общинной жизни.

Итак, Толстой не придумал идеи, составившие фундамент толстовства, а лишь выразил и оформил в определенное миросозерцание то, что, как говорится, было «растворено в воздухе», выстрадал, переработал, дополнил, «пропустил через себя». Поэтому «принципы жизни», выраженные великим писателем и благодаря этому получившие широчайшую аудиторию, и были названы толстовскими. Его имя и авторитет обусловили ту всеобщую известность, которую толстовство получило в России и за границей. Взглядам, названным его именем, Толстой дал мощный толчок, придал им весомость, значительность. Он стал тем знаменем нового течения, под которым собрались единомышленники, — стал центром притяжения новых последователей. И. А. Бунин, бывший одно время в рядах последователей Толстого, вспоминал, что к толстовцам его более всего привлекли обаяние личности и имени писателя, надежда когда-нибудь лично познакомиться с ним.

Толстовство нельзя в полной мере отождествлять с Толстым. Как свидетельствует А. С. Пругавин, известный дореволюционный исследователь русского религиозного сектантства, сам Толстой говорил: «Я Толстой, но не «толстовец» [3].

Итак, Толстой выступил лишь интерпретатором и выразителем идей, уже существовавших в русском обществе, и этот факт подтверждает известное высказывание Ленина о том, что толстовство как идеология было порождением своей эпохи. Ленин указал, что эта эпоха могла и должна была породить учение Толстого не как нечто индивидуальное, не как каприз или оригинальничание, но как идеологию условий жизни, в которых находились миллионы людей в период 1861—1905 годов, в период той ломки, когда весь старый строй «переворотился», но не было еще видно, какие общественные силы и как именно будут «укладывать» тот строй, который принесет массам избавление от их бесчисленных страданий. Вскрывая социальные корни толстовства, Ленин показал, что оно явилось идеологией патриархального крестьянства, отразившей и силу, и слабость, и мощь, и ограниченность именно крестьянского массового движения [4].

Отрицание Толстым всех сторон российской действительности воплотило в себе стихийную революционность крестьянских масс, накопленную ими вековую ненависть к существовавшему общественному строю. В этом отрицании были свои негативные стороны, свои крайности, вызванные стремлением сохранить нетронутой крестьянскую патриархальность. Но в целом обличительный пафос толстовства сыграл определенную положительную роль в общедемократическом движении протеста против царизма и капитализма.

Но толстовство отразило и религиозность, индивидуализм крестьянства, присущие ему мелкобуржуазные, анархистские тенденции. Они воплощены в реакционной утопической программе построения общества как суммы индивидуальных натуральных хозяйств, в утверждении таких путей общественного переустройства, как внутреннее самосовершенствование людей на религиозной основе. Антиреволюционность толстовства, утопичность его идеалов полностью раскрылись при соприкосновении с реальной действительностью.

Наиболее значительную роль в распространении толстовства сыграли Чертков и руководимое им издательство «Посредник», созданное с целью издания книг для религиозно-нравственного просвещения народа, главным образом религиозно-этических произведений Толстого. Несмотря на усилия Черткова создать единую организацию единомышленников, толстовство всегда состояло из множества групп и группировок, различных по социальному составу, характеру деятельности, трактовке отдельных мировоззренческих и нравственных проблем.

Нет сомнения в личной искренности большинства толстовцев и прежде всего самого Толстого, страстно и мучительно искавшего пути разрешения противоречий капиталистического развития России и улучшения жизни народа. Но на деле толстовство оказалось одной из многочисленных попыток отложить дело освобождения народа до необозримо далекого будущего, когда угнетатели добровольно откажутся от частной собственности, от угнетения

[2] «Криницу» нередко называли «толстовской колонией» (см.: А. С. Пругавин. О Льве Толстом и о толстовцах. М., 1911; Ф. М. Путинцев. Политическая роль и тактика сект. М., 1935). Но сами криничане подчеркивали, что их задачи «противоположны» толстовским, что у них «идеал один, но пути различны». См.: «Криничание. Четверть века «Криницы». Киев, 1913, стр. 110, 126.

[3] А. С. Пругавин. О Льве Толстом и о толстовцах, стр. 227.

[4] См.: В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 20, стр. 103, 102, 20.

людей труда. С момента своего возникновения толстовство было враждебно социал-демократическому движению, осуждало революционный путь борьбы за улучшение народной жизни. Один из наиболее близких единомышленников и сподвижников Толстого отмечал, что взгляды Толстого находили путь к сердцу тех, кто не принимал марксистских идей, освобождавших от «религиозно-нравственных обязательств», кто искал религиозного решения социальных проблем [5].

Одной из своих задач толстовцы считали борьбу против стремления социал-демократии оказать революционизирующее влияние на крестьянство, в том числе на сектантство. В переписке толстовцев конца XIX—начала XX века настоятельно звучит мотив необходимости противостоять распространению идей социал-демократии. Так, один из наиболее активных толстовцев — И. М. Трегубов писал Черткову, что целью деятельности толстовцев должно стать «обращение социалистов в христианство», чтобы «заставить их задуматься над безумием проповеди насилия». Он предлагал противопоставить центру социал-демократической работы в России центр толстовской пропаганды. «Женева, — писал он в 1901 году, — центр политической агитации в России. Так как мы считаем эту агитацию вредной в известном отношении, то очень важно организовать здесь деятельность на тех началах, которые мы считаем единственно истинными» [6].

Пропагандой ненасилия толстовство наносило существенный вред революционному движению в стране. Влияние этих идей на крестьянские массы Ленин считал «серьезнейшей причиной поражения первой революционной кампании»[7].

Во что же на практике вылились попытки толстовцев создать справедливое общественное устройство?

Первая коммуна толстовцев, состоявшая из 8 мужчин и 7 женщин, возникла в Смоленской губернии. Ее организатор А. В. Алехин в письме к Л. Н. Толстому от 25 декабря 1888 года писал: «Кроме экономической выгоды и удобства выполнения земледельческих работ, мы за жизнью обществом признаем как главное — воспитательное значение, выражающееся во взаимном влиянии, нравственной поддержке, душевном очищении»[8]. Письмо рассказывало об отказе членов коммуны от всякой собственности, стремлении обходиться натуральным хозяйством, жить простой крестьянской жизнью. Проходит менее двух лет, и в новом письме Толстому Алехин высказывает глубокое разочарование общинной жизнью, закончившейся внутренними распрями и взаимным недоброжелательством членов коммуны. Община распалась.

Ни одна из земледельческих коммун толстовцев не просуществовала более двух-трех лет. Обратившись в толстовство, интеллигенты были не приспособлены к крестьянскому труду. По незнанию дела нередко выбирали малопригодный для земледелия участок земли, не было практических знаний и навыков ведения хозяйства: то хлеб принимали за траву и косили на сено, то убирали хлеб недозрелым и т. д.

Одной из причин распада коммун было и недоброжелательство окрестных крестьян, видевших в них «барскую прихоть» (выражение из переписки толстовцев).

Наконец, следует сказать и о том, что толстовские идеалы «опрощения» были противны нормальной человеческой натуре и вместо «братской любви друг к другу» порой вызывали озлобление и раздражение. Повествуя в письмах к друзьям о коммуне Алехина, Толстой отмечал, что нравственная атмосфера в этой коммуне произвела «тяжелое впечатление».

Но всеми этими обстоятельствами не исчерпывались трудности дела. Главное заключалось в том, что в условиях капиталистического хозяйства, рыночной конъюнктуры толстовцы пытались жить патриархальным натуральным хозяйством, а это было совершенно нереальным, невозможным. «Правила жизни» не выдерживали проверки реальной действительностью. То приходилось нарушать свои принципы, используя наемный труд, то заботиться о том, как выгоднее купить и продать. А «всякий промысел, всякое стремление извлечь какую-либо материальную выгоду... считалось противным нравственным понятиям» [9].

Разочарование общинников в возможности осуществить идеи Толстого в артельной жизни на земле оказалось общим для подавляющего большинства коммун. В 1903 году толстовец М. С. Дудченко отмечал: «Было время, когда многие мои знакомые и друзья придавали вопросу о том, чтобы жить «трудами рук своих», то серьезное значение, которого он заслуживает. Но теперь у большинства замечается не только скептическое, но отрицательное к нему отношение»[10].

Переписка толстовцев полна горестных признаний в разочаровании общинной жизнью. Все чаще говорили они о неверии в возможность осуществить идеи Толстого, о том, что толстовство зашло в тупик. Алехин писал Толстому в 1892 году: «Мы двинулись, шагнули и застряли на первом же шагу... а дальше все блуждаем, путаемся»[11]. В. И. Скороходов, живший в интеллигентских земледельческих артелях еще до знакомства с идеями Толстого, а затем последовательно — в шести толстовских коммунах, в 1898 году с грустью подводил итоги: «Вот уже двадцатый год пошел с тех пор, как я пошел на землю... а в результате полная нестройность... проверяя прошлую жизнь, видишь, что любовь ничего не побеждает, а дает повод обманывать и эксплуатировать тебя»[12].

История толстовских коммун — и земледельческих, и ремесленных (последние насчитывались единицами) — это история бесплодной борьбы как против законов общественного развития, так и против человеческой природы. Причины краха общин, как и всего толстовского движения, — в утопичности стремления повернуть развитие вспять, строить будущее на основах прошлого. Крах коммун толстовцев наглядно показал обреченность всех народнического толка попыток «мирного», «некапиталистического» устройства жизни в условиях капиталис-

[5] П. И. Бирюков. Л. Н. Толстой. Биография. Берлин, 1923, т. 3, стр. 119.

[6] Рукописный отдел Государственного музея Л. Н. Толстого (далее — РО ГМТ), архив Л. Н. Толстого.

[7] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 213.

[8] РО ГМТ, архив Л. Н. Толстого.

[9] А. Михайлов. В толстовской колонии. «Вестник Европы», 1908, № [illegible].

[10] РО ГМТ, архив Л. Н. Толстого.

[11] Там же.

[12] Там же.

ма, продемонстрировав еще раз безнадежность иных, помимо революционного переустройства, путей улучшения народной жизни.

Но толстовство пришло к полному краху не только в сфере построения «совершенного общества», но и в сфере осуществления «духовной революции» среди своих последователей. Ведущие деятели толстовства вынуждены были констатировать тот печальный для них факт, что даже те, кто искренне пытался претворить идеи Толстого в жизнь, не становились лучше, нравственнее. Чертков писал Толстому, что он видит больше любви и христианства в некоторых «язычниках», чем в «своих, так сказать, единомышленниках». Скороходов с горечью констатировал: «Наша замкнутая жизнь не дает, как оказывается, даже нравственных сил... Видишь кругом безобразие разврата, корысти, злобы и т. д. Думаешь, что от того, что люди не знают истинной жизни. А вот и познавшие эту истину и осудившие все зло мира, что они? Да ничуть не лучше, а, по-моему, хуже»[13].

Первая русская революция показала, что все формы общественного протеста в религиозной оболочке в России исторически изжили себя, что отныне «и в Европе и в России **всякая**, даже самая утонченная, самая благонамеренная защита или оправдание идеи бога есть оправдание реакции»[14]. Истинность этих ленинских слов можно наглядно проиллюстрировать на примере толстовства после 1905 года и особенно после Февраля 1917 года.

К началу 1917 года число толстовцев в стране не превышало нескольких тысяч, интерес к толстовству в русском обществе угас, деятельность последователей Толстого проявлялась лишь в существовании вегетарианских обществ да в случаях отказа от службы в армии. Толстовцы восторженно приветствовали свержение самодержавия и Февральскую революцию, веря, что она «мирно» и «бескровно» ликвидирует частную собственность, государственное устройство, прекратит войну и т. д. Они развили бурную политическую активность: выступали на митингах, начали выпуск журнала «Голос Толстого и Единение», а также листовок, брошюр, книг с изложением своих взглядов. Возникали всевозможные толстовские объединения — «Общество истинной свободы в память Л. Н. Толстого» в Москве с филиалами во многих городах, «Не убий», «Трудовое вегетарианское товарищество» и т. п. Активность толстовцев была направлена против стремления народных масс добиваться перерастания революции буржуазной в революцию социалистическую. Они выступали против развития революционного движения: не вооруженная борьба, а только соединение всех в одну человеческую семью может дать счастье всему народу[15].

Вожаки толстовства развернули идеологическое наступление на теорию научного социализма, стремясь дискредитировать ее в глазах религиозно настроенных людей как учение «нехристианское», «односторонне-материалистическое», «несовместимое с мирным духом Евангелия» и т. д. Они безоговорочно отрицали лозунг классовой борьбы, утверждая, что следует «привести в согласие интересы различных классов и стремиться сгладить классовые различия», что «носители же классовых, себялюбивых интересов, в стремлении к получению особенных выгод для своего класса, пренебрегают общим благом всего населения страны»[16]. Печать толстовцев между Февралем и Октябрем 1917 года полна нападок на «низменный социалистический материализм», на учение о диктатуре пролетариата, на марксистское понимание взаимоотношений личности и общества, «обличений» марксистской концепции свободы. «Истинная свобода не в том, к чему люди теперь безудержно стремятся: не в республике и новом провозглашении... прав на равенство и братство... а только в... личном самосовершенствовании»[17].

С откровенной враждебностью встретили толстовцы Октябрьскую революцию: «Доносившееся до нас далекое уханье орудий как будто было злою вестью о попрании добра, об оскудении веры в силу любви, о предстоящем братоубийстве»[18]. Многие толстовцы оказались в стане оппозиции Советской власти. Толстовская проповедь «ненасилия» приносила ощутимый вред рабоче-крестьянскому государству, которому стоило огромных усилий наладить оборону против иностранной интервенции и белогвардейщины.

Вот только один пример. В августе 1919 года следственный отдел Пензенской ЧК вынес постановление по делу членов «Общества истинной свободы в память Л. Н. Толстого», занимавшихся в Пензе антивоенной пропагандой. В этом постановлении отмечено, что «деятельность «Общества» в последнее время далеко ушла от прямого своего назначения и вдалась в политику». И далее: «Общество»... повело усиленную кампанию против войны вообще и в частности против гражданской войны... Принимая во внимание то, что в теперешний острый момент гражданской войны, когда Советской власти последними усилиями приходится отстаивать свободу трудящихся... из дела вытекает, что руководители Пензенского «Общества истинной свободы» своими чересчур ревностными и двусмысленными распространениями идей Толстого внесли свою долю в дело... разложения Пензенского гарнизона Красной армии»[19].

Толстовцы выступали и против советского законодательства о культах, настаивали на создании религиозных школ для детей и т. д.

К концу 20-х годов толстовство потеряло какое-либо реальное значение. Это явилось следствием социалистических преобразований в стране, ликвидировавших ту социальную почву, которая породила толстовство.

История толстовского движения, история крушения искренних и благих намерений переустройства общественной жизни на утопических и религиозных началах, обращенных в прошлое, является наглядной демонстрацией того, как религиозная форма выражения снимает остроту социального протеста, приводит движение к уходу от реальности, а в конечном итоге — к самоисчерпанию.

Ленинград

[13] РО ГМТ, архив Л. Н. Толстого.

[14] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 232.

[15] См.: «Голос Толстого и Единение», 1917, № 4, стр. 12.

[16] Н. Емельянов Несостоятельность современного социализма. «Голос Толстого и Единение», 1917, № 4, стр. 9.

[17] М. Новиков. Две свободы — ложная и истинная. «Голос Толстого и Единение», 1917, № 5, стр. 9.

[18] В. Медведков. Восстание в Москве. «Голос Толстого и Единение», 1917, № 5, стр. 12.

[19] Рукописный отдел Музея истории религии и атеизма, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 55, л. 2.

«Не будь наук и искусств, не было бы человека и человеческой жизни». Л. Н. Толстой.

И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Д. В. Григорович, А. В. Дружинин и А. Н. Островский. 1850 г.

Л. Н. Толстой и И. И. Мечников в Ясной Поляне. 1909 г.

Л. Н. Толстой и И. Е. Репин в Ясной Поляне. 1908 г.

В прошлом году лаборатория теоретической физики Объединенного института ядерных исследований в Дубне провела всесоюзную конференцию «Будущее науки. Горизонты современной физики». Такие встречи ученых Дубны и Института философии Академии наук СССР, посвященные проблемам современного естествознания и методологии науки, стали уже традицией.

Будущее науки... Горизонты физики... Если бы конференцию под таким девизом проводили писатели-фантасты, мы, вероятно, услышали бы захватывающие дух рассказы о космических поселениях, извлечении энергии и вещества из вакуума, открытии неведомых законов природы — одним словом, об увлекательных перспективах познания человеком новых тайн и сил природы.

Но хотя физики и философы представляют будущее развитие науки отнюдь не хуже профессиональных писателей-фантастов, их фантазия иного рода. Она обычно не только отталкивается от проблем, реально существующих в современном естествознании, но и базируется на конкретных данных науки. Именно через их анализ и поиски путей их дальнейшего решения ученые имеют возможность представить завтрашний день естествознания. И если такой подход внешне менее впечатляющ, чем художественное осмысление будущего, он более эффективен, так как позволяет трезво оценить и состояние науки сегодня, и перспективы преодоления возникающих трудностей.

ПОСТИГАЯ ГЛУБИНЫ ВЕЩЕСТВА

В. КОМАРОВ, специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

ЭТОТ СТАТИСТИЧЕСКИЙ МИР

Физика, изучающая гигантские по масштабам — макроскопические явления, исходит из того, что они подчиняются строгим, как говорят ученые, динамическим закономерностям, действующим с железной необходимостью. Осуществляя измерения, позволяющие определить состояние объекта в данный момент, и пользуясь существующими теориями, можно предсказать, как этот объект будет вести себя в дальнейшем. Иными словами, классическая физика рассматривала макроскопические объекты как мир полностью детерминированный, с причинной обусловленностью всех его явлений.

Иное дело — микромир. Как показала квантовая механика, здесь проявляет себя объективная случайность. Скажем, в принципе невозможно абсолютно точно рассчитать будущее поведение электрона так, как рассчитывают, например, орбиты планет или астероидов. Можно лишь вычислить вероятности того или иного его поведения. У электрона реальной траектории нет, из одной точки в другую он может переходить по бесконечному их числу. Поэтому физический смысл имеет лишь совокупность таких траекторий в целом, или, по-другому, явления микромира носят статистический характер.

Применимы ли статистические методы в обычной физике? Ученые всегда считали, что их использование в ней связано лишь с недостатком информации о происходящих явлениях. С подобной ситуацией мы встречаемся, например, при описании поведения газа, состоящего из множества молекул. В принципе можно было бы измерить положения и скорости каждой из них и на основе абсолютно точных формул рассчитать их взаимное поведение в будущем. Однако практически подобная задача неразрешима как потому, что невозможно осуществить необходимое число измерений, так и вследствие невообразимой громоздкости соответствующих расчетов...

Так считалось традиционно. Сегодня же выясняется, что дело тут, видимо, обстоит значительно сложнее. Эта проблема на протяжении ряда лет привлекает внимание одного из крупнейших советских специалистов в области квантовой механики члена-корреспондента АН СССР Д. И. Блохинцева. Ей было посвящено выступление ученого на конференции.

Итак, в макрофизике, располагая начальными данными, можно предсказать дальнейшее течение явления. Но, кроме начальных, для этой цели надо знать и так называемые граничные условия. Иными словами, система, которую мы рассматриваем, предполагается заведомо замкнутой в физическом смысле. А это значит, что интересующая нас область явлений должна иметь вполне определенные физические границы и не взаимодействовать с другими материальными системами. Оказывается, уже само это требование в неявной форме содержит определенную информацию о будущем рассматриваемой системы, притом информацию преимущественно непредсказуемую и неопределяемую, если мы остаемся в границах этой системы.

Можно с высокой точностью рассчитать — и это делается при каждом космическом запуске — движение космического корабля с учетом влияний со стороны планет Солнечной системы и производимых коррекций. Но как учесть, не встретится ли космический аппарат с метеоритом? Тут можно получить статистические предсказания типа: в единицу времени через определенный объем Космоса пролетает столько-то метеоритных тел.

Вот и получается, что достижение детерминизма в решении чисто классической задачи оказывается невозможным без применения статистики. Более того, без нее мы вообще не можем придать рассмотрению интересующего нас вопроса научный характер.

Впрочем, можно возразить, что в случае с космическим кораблем и метеоритами статистическая неопределенность возникает не по какой-либо принципиальной причине, а лишь благодаря недостатку информации о количестве, распределении в пространстве и движении метеоритных тел. Поэтому особенно важное значение приобретает тот случай, когда замкнутость макроскопической системы нарушается в результате взаимодействия с микрообъектами. Можно привести много примеров, когда тот или иной макроскопический и даже мегаскопический процесс (под ним мы понимаем процессы космических масштабов) начинается с воздействия одного микрообъекта. Вот, например, развивается цепная реакция, которая приводит к атомному взрыву. С гамма-кванта начинается процесс ионизации, вызывающий явление молнии. Тот же гамма-квант может разрушить структуру ДНК живой клетки и вызвать мутацию, изменения, способные породить далеко идущие последствия для макроскопических биологических систем.

Поскольку поведение микрообъектов носит статистический характер, эти черты неизбежно приобретают и взаимодействующие с ними незамкнутые (открытые) макроскопические системы. Таким образом, есть основания для важного методологического вывода о том, что микромир и мир макропроцессов, с точки зрения условий познания, не столь уж принципиально отличаются друг от друга.

Вопрос, о котором идет речь, носит отнюдь не умозрительный характер. Современное естествознание все отчетливее приходит к осознанию того, что исчезающе малые микрочастицы и гигантские космические миры — это различные взаимопроникающие компоненты единой Вселенной, демонстрирующие одно из проявлений диалектики природы. В этом отношении особый смысл обретает то обстоятельство, что на всем протяжении грандиозной масштабной шкалы природных процессов, доступных современному научному исследованию (а эта шкала простирается от 10^{-14}см до 10^{28}см), открытые человеком законы природы не вступают ни в какие противоречия друг с другом даже на противоположных ее концах.

Фундаментальную взаимосвязь между микромиром и мегакосмосом подтверждает изучение ряда конкретных космических явлений и объектов, в частности сверхплотных состояний («черные дыры», сингулярные точки начальных состояний). В сверхплотных системах области микро- и мегапроцессов как бы сливаются, взаимопроникают друг в друга.

В свою очередь изучение макропроцессов наводит на мысль, что микрочастицы, очевидно, играют в космических процессах гораздо более существенную роль, чем это представлялось раньше. Например, открытие частиц-«резонансов», масса которых в несколько раз превосходит массу протона, выдвигает идею о возможности существования объектов со всеми свойствами микрочастиц, но обладающих сколь угодно большими массами. Более того, не исключено, что в ультрамалых пространственно-временных областях могут рождаться макроскопические и даже космические объекты.

В свете этих фактов и соображений одной из перспективных идей современной астрофизики постепенно становится идея воздействия микромира на мегамир. Поэтому так важно сейчас глубоко осмыслить не только различие между микро- и макропроцессами, но и существующие между ними общность, сходство, осмыслить не только то, что разъединяет эти две области явлений природы, но и то, что их объединяет.

ЗА СВЕТОВЫМ ПОРОГОМ

Одно из самых удивительных и впечатляющих положений современной физики — запрет сверхсветовых скоростей. Согласно принципу, который великий Эйнштейн положил в основу своей теории относительности, никакие физические взаимодействия не могут распространяться со скоростями, превосходящими скорость света в вакууме.

Однако в последнее время появился целый ряд работ (с каждым годом их число нарастает), авторы которых рассматривают возможность существования частиц — так называемых тахионов, движущихся со сверхсветовыми скоростями. Обзору проблем, связанных с новым положением современной теоретической физики, был посвящен доклад доктора физико-математических наук В. С. Барашенкова.

Чем можно объяснить все возрастающий интерес к этому вопросу?

По мнению докладчика, здесь играют роль как психологические, так и вполне объективные физические факторы. Прежде всего, само предположение о возможности существования сверхсветовых частиц поражает воображение ученых и сулит увлекательные перспективы.

Если же взглянуть на дело с чисто физической точки зрения, то оказывается, что предположение о существовании тахионов не вступает в противоречие со специальной теорией относительности, более того, делает ее в известном смысле даже более симметричной. Запрет сверхсветовых скоростей не есть следствие, вытекающее из теории относительности, а лишь одна из аксиом, положенных в ее основание. Таким образом, специальная теория относительности в принципе сама по себе не может «запретить» сверхсветовые процессы.

Ведь если тахионы действительно существуют, то они «обитают» за сверхсветовым барьером и не вступают ни в какие взаимодействия с досветовыми частицами нашего Мира. Речь идет о своеобразном преломлении специальной теории относительности в отношении гипотетических физических явлений, протекающих по ту сторону сверхсветового порога.

Предположение о существовании тахионов — научная гипотеза. В этом качестве она очень естественно (что производит сильное впечатление) вписывается в теорию относительности, создавая цельную замкнутую картину. Справедливость же подобной гипотезы, как всегда, решит эксперимент, конкретная практика.

Сейчас физикам известны два типа частиц, между которыми не существует перехода, — досветовые и световые, то есть частицы, движущиеся с досветовыми скоростями (протоны, нейтроны, электроны и т. д.) и со световыми скоростями (фотоны, нейтрино). Если бы оказалось, что тахионы действительно существуют, они составили бы третий тип частиц.

В то же время гипотеза тахионов ставит и ряд проблем принципиального свойства. Главная из них связана с нашими современными представлениями о причинности. Дело в том, что, согласно специальной теории относительности, два события А и В, происходящие в одной системе отсчета (скажем, на платформе железнодорожной станции), с точки зрения другой системы отсчета, движущейся относительно первой с некоторой скоростью (например, из окна подходящего к станции поезда), будут располагаться во времени несколько иначе.

Вычислить, как меняется промежуток времени между двумя событиями при переходе от одной системы отсчета к другой, можно с помощью особых математических формул, названных «преобразования Лоренца». Чем быстрее движется поезд, тем короче будет этот промежуток. Но хотя по мере приближения к скорости света промежуток между А и В будет становиться все короче, последовательность событий останется одинаковой и для наблюдателя на платформе, и для пассажира поезда.

А если бы скорость поезда превосходила скорость света? С помощью «преобразований Лоренца» мы обнаружим, что в этом случае промежуток времени между событиями А и В для наблюдателя в поезде сделается отрицательным. Другими словами, в этой системе отсчета события А и В меняются местами во времени — следствие возникает раньше причины.

Таким образом, если действительно существуют тахионы, то с помощью тахионного пучка, направленного в прошлое, можно было бы застрелить самого себя, скажем, вчера в 11 часов утра. Получается явная нелепость: допуская существование тахионов, мы приходим к нарушению принципа причинности.

Этот принцип — одно из фундаментальных положений современной науки. Наиболее общая его формулировка дана известным советским физиком академиком Н. Н. Боголюбовым: «Любое событие, происходящее в физической системе, может оказать влияние на эволюцию этой системы лишь в будущем и не может оказывать влияние на поведение системы в прошлом». В обычных условиях принцип причинности никогда не нарушается (по крайней мере, нам такие случаи неизвестны). Но если допустить возможность сверхсветовых скоростей передачи физических сигналов, то причины и следствия в этом случае могут меняться местами.

Какой выход может быть найден из подобной ситуации?

Некоторые зарубежные ученые пытаются найти выход из положения, предлагая понимать причинность как некоторую взаимосвязь двух событий, при которой причина не обязательно опережает следствие (так называемая опережающая причинность). Такой подход противоречит экспериментальным данным, не говоря уже о том, что он неприемлем и с методологической точки зрения, поскольку отбрасывает самое главное во взаимосвязи явлений — то обстоятельство, что одно событие порождает другое.

Другая точка зрения предлагает отказаться от специальной теории относительности, точнее от ее абсолютизации. Согласно этой точке зрения, парадоксы, возникающие в теории относительности при сверхсветовых сигналах, объясняются тем, что мы пытаемся применить ее соотношения за границами их применимости. И хотя в принципе подобная точка зрения неуязвима, такой подход по меньшей мере не конструктивен.

Видимо, наиболее правильный путь состоит в том, чтобы осуществлять дальнейшее изучение различных явлений, так или иначе связанных с причинностью, и тем самым достичь более глубокого понимания этого фундаментального свойства окружающего мира.

ВОКРУГ «СТРАННОГО МИРА»

Как нередко случается на научных конференциях, посвященных обсуждению принципиальных проблем современного естествознания, но заключенных в тесные рамки двух-трех дней, дискуссии и обсуждения продолжаются и вне научных аудиторий.

Об одном таком разговоре, имеющем непосредственное отношение к мировоззренческому осмыслению обсуждаемых проблем, я бы хотел рассказать читателям. Мои собеседники — ленинградский ученый доктор философских наук **Анатолий Семенович КАРМИН** и **Вадим Васильевич КАЗЮТИНСКИЙ**, кандидат философских наук, ученый секретарь Комиссии по философским вопросам естествознания при Президиуме АН СССР.

— Анатолий Семенович, каковы, на ваш взгляд, наиболее характерные черты современной научной картины Мира?

— Одной из наиболее характерных особенностей современного естествознания можно назвать некое единство глобальных идей, одновременно проявляющихся в различных областях знания. Так, в современной астрономии существенную роль играет идея взрывных, нестационарных процессов. Но она присуща не только астрономии; идея эволюционного развития с качественными скачками начинает пронизывать и другие области знания. Я полагаю, что это вообще характерная особенность эпохи научно-технической революции, поскольку сама она тоже представляет взрывной процесс.

— Считаете ли вы, что наука идет к открытию все более «странного мира»?

— По-видимому, так и есть. Если в XIX веке естествознание имело дело с макромиром, с явлениями, аналогичными тем, которые нас непосредственно окружают, то XX столетие прорвалось за пределы этой области. Сейчас мы идем к познанию объектов все более «диковинной» природы, объектов, сильно отличающихся от тех, с которыми человек сталкивается в своей повседневной жизни. Изучение их требует все более сложных средств наблюдения, все более сложного и необычного логического и теоретического аппарата.

Но, с другой стороны, полученные знания о «странных» объектах несут на себе отпечаток самого человека. Открываемые нами свойства «диковинных» объектов все больше и больше зависят от того, как человек строит процесс познания. Происходит изменение соотношения объективного и субъективного в содержании знаний. Поэтому со-

временное естествознание направлено на изучение совокупности объективного и субъективного, что составляет одну из особенностей познания «странного мира». Возможно, что в процессе исследования удастся выработать такие новые понятия и такой аппарат, которые позволят исключить из описания субъективные моменты или, по крайней мере, свести их к минимуму. Но тем большая теоретическая активность требуется от исследователя.

В. В. КАЗЮТИНСКИЙ:

— Я хотел бы добавить к этому, что субъективный элемент в описании «странного мира» имеет не только гносеологическую, познавательную, но и социальную природу. Ведь сознательный познавательный процесс — не просто инструмент для разглядывания природы «самой по себе», а обобщение социально-обусловленной практической деятельности людей.

Иными словами, очередные проблемы науки на каждом этапе ее развития, те аспекты объективной действительности, которые она выделяет в процессе познания, а также выбор соответствующих средств исследования определяются прежде всего теми задачами, которые ставит перед человечеством общественная практика.

— Вадим Васильевич, что вы как философ могли бы сказать о противостоянии науки и религии, в чем сущность их многовекового спора вокруг картины Мира?

— По существу, многовековой спор вокруг картины Мира между научным и религиозным знанием всегда был спором о месте человека в мироздании. Сталкивались не просто две различные концепции строения Вселенной, а два противоположных мировоззрения. Противостояние науки и религии всегда было не только противостоянием истинного и ложного, искаженного знания — оно являлось непосредственным отражением образа жизни, деятельности и интересов соответствующих классов.

Вплоть до XVI века наука развивалась в значительной степени автономно, не оказывая существенного влияния на жизнь общества. К тому же церковь, отражая и защищая интересы господствующих классов, требовала полного отказа от критики религии. Прогресс науки привел к тому, что она смогла оказывать все возрастающее воздействие как на развитие материальных условий жизни общества, так и на духовную жизнь людей. Наука вплотную подошла к ряду глобальных проблем, от правильного решения которых зависит, пойдет ли дальнейшее развитие земной цивилизации по пути прогресса, или человечество ждут всевозможные бедствия. Наука становится и непосредственной производительной силой, она оказывает прямое воздействие на развитие техники, производства и экономики. В этих условиях социальная природа науки выступает с особой отчетливостью. Связь науки с обществом сделалась прямой и непосредственной.

У науки и религии разные системы ценностей, разные ответы на вопросы о смысле жизни, будущем человечества, разные установки относительно ориентирования отдельного человека. Нельзя сводить религию только к суеверию, искаженному знанию — это и определенная социальная и нравственная позиция, имеющая социальную основу, связанная с решением вопроса о смысле жизни, о назначении человека и общества, хотя как целостная система взглядов она вынуждена высказывать свое представление и об устройстве Мира.

Наука же не только система знаний, но прежде всего социально обусловленная деятельность по производству знаний.

Если бы спор между наукой и религией сводился к расхождениям взглядов на картину Мира, — он бы не имел столь существенного значения. Суть в том, что наука и религия выражают существенно различные ценностные ориентации как для отдельного человека, так и для различных классов. Без этого невозможно правильно понять смысл борьбы между наукой и религией, борьбы за преобразование Мира на основе марксистско-ленинского мировоззрения.

А. С. КАРМИН:

— Этот давний спор науки и религии упирается в социальные проблемы, в вопрос о том, как человеку объяснить самого себя. В такого рода поисках он либо ориентируется на науку, либо считает ее бессильной помочь в нахождении ответа, признает ее возможности крайне ограниченными и обращается к помощи божественного начала. Ученые активно выступают против религии и потому, что она ограничивает возможности науки. Несмотря на то что современные богословы призывают к сосуществованию и примирению науки и религии, эта противоположность носит принципиальный характер.

В частности, наука ориентируется на раскрытие законов природы и подчинение этим законам всех исключений. Религия же пытается строить на подобных исключениях, то есть на явлениях, в данный момент не объясненных наукой, свою концепцию Мира. Здесь расхождение между ними рисуется как расхождение в системах, в способах мышления. Я бы даже сказал так: противоположность науки и религии не столько в том, что научные данные опровергают религиозные представления, сколько в принципиальном различии систем мышления. Поэтому наиболее действенным опровержением религии, на мой взгляд, может быть только система мышления, принятая наукой.

РАЗГАДКА КВАЗАРОВ!

Ликкской обсерваторией Калифорнийского университета обнаружен квазар — небесный объект, излучающий столько же света, сколько 100 миллиардов звезд. Особый интерес к нему вызван тем, что этот квазар находится ближе к Земле, чем все другие до сих пор известные объекты такого рода, и в той части Вселенной, где имеется много галактик. Это свидетельствует в пользу теории, согласно которой квазары связаны с эволюцией галактик и, как думают некоторые ученые, являются своего рода «галактической болезнью».

Открывший квазар доктор Брюс Маргон тоже предполагает существование взаимной связи между квазарами и галактиками: либо каждая проходит через квазарную стадию развития, либо она свойственна лишь части галактик, а квазары говорят о каком-то «болезненном» отклонении в их центре, где происходит нечто необычное, проявляющееся в огромном количестве испускаемой энергии.

Но что бы там ни происходило, речь идет, разумеется, о процессе развития, изменения, а не о божественном творении.

Новые свадебные обряды получают все более широкое распространение в республиках Средней Азии. В них органично сливаются национальная специфика и те общие черты, которые характерны для всего советского народа. Нет места религиозной обрядности в студенческих свадьбах Туркмении. Они полны веселья и радости.

Мусульманские праздники и обряды

НИКАХ

Р. МАВЛЮТОВ, кандидат философских наук

В районах распространения ислама, особенно в сельской местности, еще сохранился обряд никах — заключение брака по шариату. Перед женитьбой родители молодых заключают сделку, как того требует шариат, союз новобрачных освящает мулла чтением Корана, напутствием в духе требований ислама, призывая будущую семью хранить верность «религии отцов».

Предписания фикха — мусульманского права, касающиеся положения женщины, лишали ее какой бы то ни было возможности решать свою судьбу. Формально шариат не допускает брака по принуждению. Лишь несовершеннолетняя девушка может быть выдана замуж без ее согласия — отцом, дедом или опекуном. На деле же положение фикха о согласии сторон, вступающих в брак, не соблюдалось. Часто жених и невеста впервые видели друг друга лишь в день обручения, и согласие на брак, если оно выражалось каким-либо образом, редко соответствовало их истинным чувствам, оставаясь лишь формальным актом. Впрочем, шариат предусматривал множество случаев, когда родители имели право не спрашивать согласия детей на брак.

Да и как можно было выразить несогласие с волей родителей или опекуна? Мусульманская нравственность не позволяла благовоспитанной девушке или женщине вступать в разговор с мужчинами, тем более возражать им в чем-то. А в книге «Хидая — комментарий мусульманского права», изданной в Ташкенте в 1893 году, говорится: «Молчание — достаточный знак согласия ее на предлагаемый брак, так как в сущности она девица и, следовательно, подвержена стыдливости и робости в мужском обществе». Слезы девушки обычай истолковывал как «слезы радости», как «слезы грусти по поводу близкой разлуки с отчим домом...».

Мусульманский брак всегда был прежде всего сделкой, частным договором, в котором имущественные отношения и материальные интересы значили больше, чем интересы личности. «Брак, — подчеркивается в упоминавшейся уже книге «Хидая», — может быть заключаем посредством слова «байа» (то есть продажа), когда женщина говорит

Предыдущие статьи этого цикла см. в № 8, 11 и 12 за 1975 г., № 2, 6 и 10 за 1976 г., № 4 и 8 за 1977 г.

мужчине: «я продала себя в твои руки»; «сочеталась браком с тобою за такую-то сумму денег», а мужчина ей отвечает: «я согласился», а также, когда женщина говорит: «я подарила себя тебе по никаху». Такой порядок заключения брака одобряется, так как продажа дает покупающему право на личность...» Согласно этой сделке жена поступает в полное распоряжение мужа и обязана во всем повиноваться ему. Права, предоставляемые мужчине в семейно-брачных отношениях, не шли ни в какое сравнение с правами женщины. Мужчина мог вступать в брак с иноверками, разводиться, когда ему вздумается, шариат разрешал ему иметь до четырех жен одновременно. Исламовед Раймон Шарль рассказывает об одном багдадском красильщике, умершем в 423 году хиджры (1031—1032 гг.) в возрасте 87 лет, который, последовательно женясь и разводясь в течение своей жизни, состоял в браке с девятьюстами женщинами [1].

Полигамия, освященная исламом, независимо от того, насколько она осуществлялась каждым мусульманином, давала ему огромные преимущества перед женщиной. Предоставленное Аллахом право на многоженство как бы свидетельствовало о его превосходстве, оказывало моральное и психическое давление на женщин, которые жили под постоянной угрозой беспричинного развода, побоев и других унижений.

Все сказанное о браке относится, казалось бы, лишь к правовой, юридической стороне дела. Однако известно, что все предписания правовой системы у мусульман объявлялись ниспосланными Аллахом. И как религиозные традиции имели для мусульман силу закона, так и правовая система неразрывно была связана со всеми предписаниями ислама, все законы объявлялись божественными установлениями. Юридические нормы, санкции, обеспечивающие их соблюдение, религиозные обязанности мусульманина зафиксированы в книгах, почитаемых как священные. Практически мусульманин не разделяет сферы правового и религиозного, а рассматривает их как одну, неразделенную, подлежащую неукоснительному исполнению совокупность мирских обязанностей, а все они, по его глубокому убеждению, установлены Аллахом.

Главная священная книга мусульман — Коран одобряет и освящает неравноправное положение женщины в семье и обществе. Согласно Корану женщина скорее объект права, чем юридическое лицо. В этой книге четко и ясно провозглашен принцип: «Мужья стоят над женами». В ней предусмотрены и санкции на случай, если женщины не проявят покорности, вызовут недовольство своих владельцев — мужей. Последним же Коран предоставляет право «увещать» жен, лишать их милостей, благорасположения и бить их (сура 4, аят 38).

Хотя по мусульманскому праву жена была полноправной хозяйкой своего личного имущества — приданого, это на практике сплошь и рядом нарушалось. Ведь женщина, находясь на положении рабыни своего хозяина — мужа, редко могла отказать ему, если он домогался части или даже всего ее личного состояния. Шариат нисколько не учитывает вклада женщины в общее хозяйство супругов, игнорируя ее труд не только по дому, воспитанию детей и т. п., но и на производстве или в поле. Мне приходилось быть свидетелем того, как в Египте заработную плату женщин получали их мужья. Они тратили деньги, заработанные женами, по своему усмотрению даже тогда, когда сами вообще нигде не работали и не имели дохода, словом, просто сидели на шее супруги. Ну, а если, обремененная уходом за детьми, мужем или престарелыми родителями и домашними делами, женщина лишена возможности работать на производстве? Воспитанная по мусульманским канонам, она в таких случаях и вовсе чувствует себя в долгу перед мужем — кормильцем. Ведь согласно Корану мужья имеют преимущества перед женами «и за то, что они расходуют из своего имущества» (сура 4, аят 38).

Бесправие женщины в браке, ее подчиненное, униженное положение в мусульманском мире считалось, да и сейчас считается нормой. Жалобы женщины на невыносимую жизнь, на жестокие побои, на любые издевательства мужа вряд ли нашли бы сочувствие в обществе. Ведь Аллах предписал ей терпеть, сделал мужа ее господином, повелел благоговеть перед ним. Таковы требования мусульманской морали. Это приводило к деформации подлинных нравственных понятий и представлений у женщин, к ущербному изменению их психологии. У мусульманки была и собственная гордость, и понятие о собственном достоинстве, но для нее они выражались лишь в том, что на оскорбления и унижения следует отвечать молчанием, умением терпеть, скрывать печаль и слезы от посторонних.

«Ну, для нас все это в прошлом, — скажет читатель. — Какое значение для женщины в нашей стране имеют все эти установления шариата, требования Корана?»

Разумеется, все эти поучения давно потеряли силу закона в советском социалистическом обществе. Однако влияние ислама на семью мы наблюдаем и в сегодняшней жизни. Бытовые традиции, в том числе и освященные религией, сохраняются веками.

Еще во времена Гомера обычай платить выкуп за невесту был не новым:

В прежнее время обычай бывал, что, когда начинали
Свататься, знатного рода вдову иль богатую деву
Выбрав, один пред другим женихи отличиться старались,
В дом приводя к нареченной невесте быков и баранов...

Случается и теперь, что девушкам приходится сочетаться браком не по своей, а по чужой воле. Бывает, что в ответ на отказ выйти замуж она выслушивает не только уговоры, но и угрозы.

Выкуп за невесту, как бы он ни назывался сегодня, придает браку вид торговой сделки, продолжает традицию мусульманского брака. А раз уж выкуп сделан честь по чести, то надо пригласить в дом муллу, чтобы он совершил бракосочетание так, как этого требует шариат, прочел суры Корана, закрепляющие союз молодых, освящающие выкуп и брак. Религиозное общественное мнение в районах распространения ислама кое-где еще имеет немалую силу, а согласно ему — «без никаха нет брака» и родители, либо следуя собственным религиозным убеждениям, либо боясь осуждения старших «за нарушение традиций», женят своих сыновей и дочерей по мусульманскому обряду.

[1] См.: Р. Шарль. Мусульманское право. М., 1959, стр. 49.

Причины, по которым совершается этот обряд, бывают разными, но одно можно сказать точно: в наши дни молодые люди, вступающие в брак по мусульманскому обряду, редко при этом следуют собственным религиозным убеждениям. Но даже верующая молодежь вряд ли понимает подлинный смысл никаха, значение аятов из коранических сур, освящающих этот обряд. Мулла читает их по-арабски, без переводчика и нередко произносит такие поучения Корана, которые унижают женское достоинство, не делают чести и будущему супругу.

Правда, известно, что сегодня служители мусульманского культа все чаще при совершении никаха ограничиваются чтением благословляющей суры — «Фатихи» и избегают цитировать те аяты Корана, которые сегодня звучат дико даже для большинства ревнителей религии. Пусть так, все равно религиозный, шариатский смысл никаха очевиден. В торжественное событие жизни молодых людей вторгается нечто неестественное, ложное, противоречащее нашему мировоззрению, морали и образу жизни, нормам отношений людей в социалистическом обществе. Согласившись на «освящение» брака чтением Корана, молодожены как бы обозначают свою принадлежность к общине верующих и удостоверяют свою готовность следовать в семейной жизни указаниям «божественной» книги. А члены мусульманской общины в свою очередь как бы получают право требовать от них соответствующего религиозным установкам поведения. Если молодые люди, вступившие в брак по мусульманскому обряду, отступают потом, в семейной жизни, от правил, освященных Кораном, пускается в ход механизм религиозного общественного мнения, которое осуждает поведение молодоженов, объявляя его безнравственным.

Как мы уже говорили, в районах традиционного распространения ислама религиозное общественное мнение нередко оказывает сильное влияние на жизнь семьи. Особенно нелегко приходится в таких случаях молодой женщине. Мусульманская община беспощадна к женщине и сурово ее осуждает за малейшее отклонение от того, что предписано шариатом и адатами.

Так обряд никах, как бы безобидно он ни выглядел («что особенного в том, что мулла прочел по-арабски что-то из Корана?»), продолжает прямо или косвенно влиять на супружеские отношения, позволяет мусульманской общине вмешиваться в семейные дела. Есть и другая сторона дела: тех, кто совершает никах, верующие ставят в пример другим как соблюдающих древние, освященные веками обычаи, сохраняющих верность национальной традиции. Так возникают источники религиозного влияния на молодежь, очаги воспроизводства отживших обычаев и представлений.

Особо следует сказать о выкупе за невесту — калыме, о котором мы уже упоминали как об одном из условий мусульманского бракосочетания.

Есть еще люди, склонные расценивать калым просто как дань традиции, которая идет от отцов и дедов и является, наряду с другими, всего лишь специфическим обычаем некоторых народов. Есть и такие, кто настаивает на сохранении калыма как средства укрепления семьи, считает его признаком серьезного отношения к браку. Иногда говорят, будто в многодетных семьях расходы на женитьбу сыновей уравновешиваются доходами от калыма за дочерей и так решаются материальные проблемы. Иные родители говорят, что калым — это некая компенсация за воспитание дочери. Другие не представляют, как это можно вдруг отдать родное дитя в чужие руки задаром. Порой родители, зная, что у определенного сорта женихов больше ценятся невесты необразованные, отправляют дочь к родственникам, живущим далеко в горах, едва она окончит начальную школу, и, к сожалению, органы народного образования оказываются здесь бессильными. За такую полуграмотную невесту, без специальности, конечно, дороже заплатит тот, кто хочет быть для жены «господином, данным ей Аллахом», хочет ее полной зависимости от него.

Впрочем, сегодня немало и образованных девушек, полагающих, что чувства женихов к ним измеряются суммой, истраченной на свадьбу и выплачиваемой в виде калыма. У них и логика своя есть на этот счет: мол, любовь надо «выстрадать», пусть жених едет на два-три года на север, трудится там день и ночь, чтобы заработать денег на покупку невесты, чем больше заработанная сумма — тем сильнее любовь. Калым превратился в престижную категорию в глазах людей, ориентирующихся на обветшалые феодально-байские ценности. И бывает так, что родители невесты (нам известны такие факты из жизни некоторых районов Узбекистана и Туркмении) запрашивают за свою дочь до 10 тысяч рублей, до двух десятков овец, множество халатов, отрезов на платье и т. п. Во время же свадебного пира-тоя только на подарки гостям расходуется несколько сот метров ситца или другой ткани, сотни платков; для свадебного кортежа полагается нанять 20—30 такси. Свадебный стол накрывается человек на 200, закупается полтонны (а то и больше) мяса, риса, десятки килограммов жира для плова.

Дорогие свадьбы иногда пытаются оправдать рассуждениями о том, что-де они необходимы для сохранения «намуса» — чести семьи, рода, уважения соседей, односельчан, знакомых и друзей, чтобы не упрекнули в жадности, скаредности или — чего хуже! — в забвении национальных обычаев. А еще рассуждают так, что, мол, тратятся не только родители жениха и невесты — гости тоже приходят на той не с пустыми руками, их подарки молодоженам составляют материальную основу молодой семьи, избавляют ее от трудностей на первых порах. Жизнь показывает, что получается как раз наоборот. Чтобы справить свадьбу «по-людски», чтобы «не опозориться», жених или его родители влезают в долги, и это долго сказывается на материальном положении семьи.

Велики и моральные издержки ложного представления о достоинстве и чести. Особенно для молодых, вступающих в самостоятельную жизнь. Девушка, кичащаяся тем, что за нее дают большой калым, не подозревает, что и ей в свою очередь придется дорого заплатить за это: не сразу, позже. Ведь муж, приобретая ее по дорогой цене, вправе относиться к ней как к своей собственности, обязанной служить ему, подчиняться ему во всем, потакать всем его прихотям, работать на него, об-

служивать его, — к этому сводятся и поучения муллы, совершающего никах. Трудно представить супругов равноправными, живущими в полном согласии, если муж приобретает жену за деньги.

Калым дает «основание» и родителям вмешиваться в семейную жизнь молодой пары, создает почву для раздоров, ссор и разногласий между сторонами, одна из которых все время сомневается — не продешевили ли они, другая — вдруг переплатили. Если после раздумий родителям невесты, вернее — уже жены, калым покажется мал, они требуют возврата ее в отчий дом, пока не будет уплачено все сполна. Этот обычай, по которому можно требовать доплаты за невесту, называется кайтарма. Угроза его лишает молодоженов покоя, мешает им строить нормальные отношения. Нередко молодые семьи распадаются из-за кайтармы даже после появления ребенка. Так можно ли говорить о том, что никах и калым полезны, что они залог счастливой семьи?

Самое печальное, что очень часто мишурный блеск дорогих свадеб, роскошные подарки, подсчеты размеров калыма, вся эта материальная, денежная суета как бы отодвигает на задний план главное — чувства молодых, соответствие их взглядов на совместную жизнь, — как раз то, без чего невозможно семейное счастье.

Некоторые считают, что для преодоления религиозных и бытовых пережитков, ущемляющих равноправие, унижающих достоинство женщин, главную воспитательную работу надо вести среди мужчин. Не отрицая того, что мужчин воспитывать необходимо, хочу подчеркнуть особую важность воспитания и самих женщин. Мы говорили уже о том, как повлияло господство ислама на психологию женщины. Это влияние сказывается в чем-то и сегодня. В сознании и поведении женщин — представительниц так называемых «мусульманских народов» — есть немало черт, которые мешают им самим строить свою жизнь, которые на руку ревнителям старых обычаев. Невольно вспоминаются горькие слова поэта: «Как мужчине не бить тебя, если сама говоришь ему: бей!» У нас в обществе создана реальная основа для полного равенства — юридического и фактического — женщин и мужчин. От самих женщин во многом зависит, чтобы это равенство осуществлялось во всем, всегда и везде. Без активной борьбы самих женщин за свои права в каждом конкретном случае, когда нарушаются нормы советской морали, невозможно избавиться от пережитков старины.

Женщины в тех районах, где живут старые обычаи, все чаще сами выступают против них, хотят строить семейную жизнь по-современному. Девушки из карачаевского села Учкекен написали в районную газету обращение ко всем своим подругам: «Пусть уйдут из нашей жизни калым и берне[2]!» Они рассказали, сколько беды приносит приверженность устаревшим обычаям, как мешают они созданию дружной, счастливой семьи.

Студентки Чечено-Ингушского педагогического института обратились с открытым письмом к подругам через газету «Грозненский рабочий». Они пишут, что порой нелегко, а то и невозможно жениться или выйти замуж по любви, ибо калым и различные свадебные подарки требуются не менее чем на две-три тысячи рублей. «Никакие деньги, никакие вещи не заменят нам настоящую светлую любовь, взаимное уважение. Поэтому пора навсегда покончить с калымом. Он фактически лишает нас человеческих прав, унижает и оскорбляет...»

В восточной литературе прошлых веков очень много грустных песен и стихов, рассказывающих о несчастной любви, о горе разлученных сердец. Возможно, потому, что любящим очень трудно было соединиться в браке, на этом пути их поджидало множество препятствий.

В наше же время взаимная любовь будущих супругов становится непременным условием брака. Именно подлинная любовь как необходимое и важнейшее условие семейного счастья должна быть противопоставлена калыму, оскверняющему самые светлые и радостные переживания любящих.

Чувства можно и необходимо воспитывать. И надо помочь людям понять, что истинная любовь, настоящее благополучие и счастье не зависят от накопленных вещей и денег.

Борясь за полное вытеснение калыма, нельзя умалчивать о том, что принимаемые против него полумеры, как, например, установление «разумных» сумм, не только бесполезны, но и вредны. В карачаево-черкесской областной газете «Ленинское знамя» отмечалось, например, что еще находятся среди интеллигенции прямые защитники калыма, берне и других пережитков. Некоторые предлагают, установив «разумные пределы» калыма и берне, сделать их равноценными.

Мы уже говорили, как отрицательно сказываются на будущей семье показные свадьбы, как противоречат они советскому образу жизни. Таким свадьбам необходимо противопоставить новые формы семейных торжеств. Они уже входят в нашу жизнь, вытесняя старые, отжившие обряды, ритуалы и обычаи. Очищаются от религиозных, культовых наслоений добрые народные, национальные традиции, призванные передавать мудрость наших матерей, отцов и дедов, из поколения в поколение, сыновьям и внукам. Каждый обряд имеет национальные черты, несет в себе частичку специфики быта, отражает исторический опыт. Поэтому, естественно, и новые обряды не могут быть везде одинаковыми. Напротив, они должны быть разнообразными в ритуальной части, в оформлении их необходимы национальные особенности. Разумеется, в каждом свадебном обряде видны и общенародные черты.

Наиболее подходящий в самых существенных частях для граждан всех национальностей обряд регистрации брака, на наш взгляд, осуществляется в Ленинградском Доме счастья и во Дворце регистрации торжественных гражданских актов г. Львова. Взяв их опыт за основу, очевидно, можно усовершенствовать или разработать соответствующие сценарии для новых обрядов и в других регионах с различным национальным составом[3].

Новые, советские обряды, в том числе и свадебные, становятся подлинно народными, вытесняя из жизни обряды, связанные с религией.

---

[2] Берне — подарки невесты жениху и его родителям.

[3] О том, как празднуют в наши дни свадьбы на Северном Кавказе, например, дает представление предлагаемый ниже рассказ Н. Кагиевой, в котором описана свадьба в карачаевском ауле.

КОГДА ЗВУЧИТ ОРАЙДА

Назифа КАГИЕВА

В нашем ауле не проходит дня без торжества, если нет траура. Празднуют свадьбы, рождения и отправку в армию, первую борозду и конец уборочной, награждение орденом передовика и первые шаги ребенка. Празднуют даже первое бритье головы мальчика.

Мы, конечно, умеем не только веселиться. Трудимся тоже на славу: наши девчата ткут ковры, подобные цветущим лугам; наши парни высоко в горах пасут тучные стада, доярки же сдают государству лучшее в мире молоко. А наша школа! В ауле так много прекрасного, что не вспомнишь сразу. Если хотите узнать обо всем, поговорите с председателем сельсовета. Он ветеран гражданской и Отечественной войн, много повидал. Его зовут «Совет Азамат». Азаматов у нас так же много, как Рамазанов, но если говорят «Совет Азамат» — значит это о нем. Ему далеко за семьдесят, его очень почитают и постоянно выбирают главой аула.

Но я отвлекаюсь от темы. Если вас интересуют дела аула и Совет Азамат — идите к нему, а я хочу рассказать о другом.

Оба мы — и я и Рамазан, мой муж, — из нашего аула. С самого детства росли вместе.

Слово «муж» не принято в нашем ауле, и ни одна уважающая себя женщина его не произносит. Если нужно при всех назвать мужа, говорят «ваш брат», «сын ваш», «отец детей». Считается, что даже «зять» звучит нехорошо, потому что напоминает пословицу: «Если ослика у вас нет, то неужели и зятя нет?» — так говорят у нас, когда пожилой мужчина делает тяжелую работу.

Бабушка внушает мне, что обычай надо чтить, я не спорю с бабушкой, но думаю, что если точно исполнять каждый обычай, даже самый маленький, то все будут разговаривать и жить одинаково, а это скучно. Слово «муж» я тоже не говорю, но называю его не так, как принято, а по-старинному: владелец моей головы. «Чего тебе, владычица моей души?» — улыбаясь, отзывается он. Мы не можем жить друг без друга и готовы кричать об этом всему миру, но у нас в ауле кричать не положено. Если кто-нибудь кричит, аульчане делают вид, что не слышат. Не сказанное понимают лучше, чем сказанное громко, силой не завоюешь места. С этим обычаем я согласна, хороший обычай, не правда ли?

Но я опять речь веду не о том. Учитель истории часто сердился, что мои мысли разлетаются, как мухи. Так вот. Все началось с того, что я не прошла по конкурсу в медицинский институт.

Бабушка называет конкурс «мост Сират» — так в Коране именуется мост, по которому должны идти все, кто хочет попасть в рай, но переходят его только праведники. Он тоньше волоска, острее лезвия бритвы, длиннее жизни и короче мгновения...

Когда я, посрамленная, возвращалась из города, сам «таксичи Рамазан» подвез меня домой, и скоро я поняла, что победила в самом главном конкурсе — конкурсе любви — он прислал к нам сватов! Рамазан, о котором после той поездки думала дни и ночи! Сказочный джигит, воплощение мужества! Я мечтала о встрече с ним и боялась встречи, надеялась, что понравилась ему, и страдала, что не могла понравиться — мало ли сопливых девчонок попадается ему на долгих дорогах...

Каждому ясно: я была влюблена. Но когда явились сваты, произошло непредвиденное: любовь отступила перед моей распаленной гордостью. «Почему он не искал со мною встречи, когда я так мечтала о нем? — негодовала я. — Ведь в нашем ауле молодые сначала договаривались сами и уже потом приходили сваты. Почему не спросил, хочу ли за него замуж? Значит, был уверен, что любая девушка, в том числе и я, побежит за ним без оглядки?!» И я бы отказала ему, но дело спасли родители: забыв, что я всегда поступаю наоборот, они категорически восстали против брака. Если родители против, я, конечно, за. Поднялся скандал. «Она еще ребенок, — плача, говорила мать. — Она не знает, белое или черное молоко дает черная корова!» «Она не человек, — вторил отец. — Чтобы стать человеком, надо много учиться...»

«Странно говорите вы, — нарушая приличия, нападала я. — Разве, чтобы стать человеком, надо иметь высшее образование? А вы сами? А большинство аульчан? Я рабочая, пролетариат!» Сказав эти гордые слова, я действительно представила, что работаю не на ковровой фабрике, а в грохочущем металлом цеху, на фоне расплавленного чугуна и огнедышащих топок — такое я видела по телевизору, в кино. Я даже забыла, чего добиваюсь, и уже не понимала, люблю ли я этого Рамазана и хочу ли вообще выходить замуж.

«Вы понадевали рубашки из огня, иначе в мое время не называли подобных вам, — сказала бабушка. — Прекратите крик. Надо и с людьми посоветоваться. Пусть скажет свое слово Совет Азамат...»

Совет Азамат уговорил родителей.

Нужно ли рассказывать, как я ждала свадьбу? Накануне не спала всю ночь, представляла, как жених примчится за мною на машине с упругими сиденьями, с упоительным запахом дерматина и бензина...

Но все оказалось совсем не так, как представляла я. Жених явился не на машине, а на тройке гнедых лошадей, впряженных в просторные сани. Рамазан был в национальном костюме. Мне он тоже привез национальный костюм, а на плечи ему и мне накинули настоящие белые бурки. Все было очень красиво. Нам очень шел этот наряд, и Рамазан выглядел сказочным джигитом, но меня все это как-то смущало. «К чему показная роскошь, излишняя яркость — как у самодеятельных танцоров из районного клуба? Зачем показывать всем наши чувства? Вдруг люди вздумают смеяться над нами?» — растерянно думала я, забыв, что это свадьба.

Все шло по новым обрядам. Я их хорошо знала, в последнее время в ауле подобные свадьбы бывали часто. Пока не стемнело, нас возили по главным улицам аула: я и Рамазан в санях, по бокам от нас, как положено, мой двоюродный брат и сестра Рамазана, вокруг гарцуют конники — приятели жениха, все уважаемые парни, передовики. «Неужели Рамазан организовал все это сам?» — недоумевала я. Люди высыпали из домов на звуки орайды, которую пели конники. Мне было неловко, и вид у меня был, наверное, такой, как положено невесте, — торжественно-грустный. Рамазан, напротив, был весел, возбужден, это еще больше смущало меня.

Когда стало темнеть, повернули к дому жениха. Огромная луна плыла за нами над расписными дугами саней, крупными хлопьями падал снег, медленно ложился на спины лошадей, на белые бурки, на брови и волосы Рамазана. Руки Рамазана впервые коснулись моих рук. Они ласкали меня, одновременно оберегали, когда сани встряхивало на рытвинах. Дыхание его, казалось, согревало меня. Мне стало светло и тепло. Казалось, все вокруг поет, радуется и снег начинает таять на гривах лошадей...

Рамазан молчал, а мне казалось, будто он нашептывает, что снег согревает древнюю землю, на которой мы живем, что нашей свадьбе должен радоваться весь аул, все люди земли, что наша радость должна принести счастье всем, что он, Рамазан, не спал много ночей, мечтал обо мне, что он любит меня.. Но он молчал, только нежно улыбался и крепче сжимал мою руку. Я мучительно думала: «Рамазан приучает меня к себе, потому что любит меня... А если нет?» Тут же я вспомнила нашу соседку, за которой будущий муж много лет ухаживал, а потом, после свадьбы, оставив ее с ребенком, удрал в город к другой женщине...

Конники запели орайду — значит мы у дома жениха, где живут его родители и где теперь должна буду жить я. Нас выводят из саней. Мне страшно. За правую руку меня держит сестра Рамазана, за левую — один из парней. Никуда не денешься. Двор полон людей, не смеются ли? Кажется, нет, но все смотрят на меня, я это чувствую, будто видят впервые, будто я из другого аула.

Навстречу нам выступает пожилая женщина — Саният, техничка из нашей школы. Это мать Рамазана, моя новая мать. В школе она обычно суетится со шваброй, с ведром, а сейчас кажется высокой и красивой, выступает медленно, говорит торжественно, ласково. Слова ее обращены ко мне:

— Стань хозяйкой в доме моем, и пусть для гостя в доме всегда найдется чаша айрана. Пусть птицы вьют гнезда под крышей твоего дома... Пусть с губ твоих не слетит слово холодное... Будь нам опорой в старости...

Голос ее задрожал, прервался слезами. С усилием она закончила:

— Мне и этому человеку дочерью будь.

Всхлипнув, она показала глазами на старика кузнеца, теперь моего свекра. Он тоже подошел ко мне, тоже сказал положенные слова и тоже заплакал.

Журнальный вариант рассказа «Владелец моей головы», опубликованного в сборнике «В семье единой». Черкесск, 1977.

Я совсем растерялась, начала всхлипывать. Почему они плачут? Сын радуется, а они плачут. Но в это время все затихло. Меня вывели в середину круга, и Совет Азамат — сам Совет Азамат! — с чашей бал-суу, медовой воды, начал алгыш — благопожелание:

— С пришедшей к нам невестой пусть в дом войдет добро..

Он говорит красиво, торжественно, правда, голос его по-стариковски дребезжит, а со мною произошло чудо: восторженные чувства наполнили мою душу, в голове закрутились несвойственные мне слова: «Не бойтесь меня, добрые мои старики! Я не обижу вас. Я сделаю все, чтобы жизнь ваша была светлой и тихой. Я стану вам дочерью, и буду любить вас... Пусть никто в мире никогда не обидит старого человека, пусть ни одна слеза не скатится больше из глаз матерей и отцов...»

Я всхлипывала все сильнее и тут увидела, что Совет Азамат подмигнул мне — мол, не робей! Ну и дед! Конечно, это он хлопотал, чтобы наша свадьба получилась такой пышной... Мне стало весело, захотелось даже подмигнуть ему в ответ, но нельзя же невесте хулиганить во время алгыша.

Высохли слезы, ушли плохие мысли, светлая радость заполнила душу. Казалось, все кругом радовались вместе с нами, благословляли нас... Так вот для чего устраивают свадьбы! Какие же добрые и мудрые люди еще тысячи лет тому назад придумали этот обряд! Чтобы вся жизнь семьи была красивой, чтобы все люди, как в день свадьбы, были щедры и добры, чтобы все люди помнили, что есть на свете радость... Присмиревший Рамазан стоял рядом со мной, глаза его блестели в темноте. Но меня он не забывал, временами ласково улыбался мне, подбадривал.

Вновь зазвучала орайда, и нас ввели в отоу — комнату новобрачных.

Не было такого парня, который не завидовал бы тогда Рамазану. Не было такой девушки, которая не завидовала бы тогда мне.

Вот о чем я хотела рассказать.

ДУТАР И МУЛЛА

«Никогда не бывать дружбе между мутрибом и муллой», — говорит таджикская народная пословица. И действительно, с момента возникновения ислама по сегодняшний день музыка и религия — это два полюса в общественной жизни мусульман. С точки зрения истинного мусульманина, профессия музыканта зазорна. Пророк Мухаммед считал музыку дьявольским обольщением и осудил ремесло хафизов и бахши. «Заслуживают порицания те, кто занимается недостойным нанизыванием пустых слов, складыванием песен и стихов», — говорится в хадисах — изречениях, приписываемых пророку.

В VIII веке был казнен арабский поэт Башшар ибн Бурд за то, что он будто бы сказал: «Эти стихи лучше любой суры Корана». История мусульманских стран полна рассказов о том, каким гонениям подвергались певцы и музыканты. Бывало, что у них отбирали инструменты, разбивали их или предавали публичному сожжению. Из среднеазиатских инструментов больше всего, пожалуй, досталось дутару. «Дутар — род лютни с двумя витыми струнами, любимый инструмент магометанских женщин», — писал сто лет назад этнограф А. Эйхгорн. «Дутар — это музыка шайтана», — твердили муллы, не забывая намекнуть на его дьявольское происхождение.

Согласно старинному преданию, первый дутар смастерил знаменитый охотник и мудрец бобо Камбар. Он сделал его из одного куска тутового дерева, а струны — из крученых шелковых нитей. Бобо Камбар считался в Средней Азии святым покровителем певцов и музыкантов, а тутовое дерево и сейчас — лучший материал для музыкальных инструментов.

Легенда рассказывает, что бобо Камбар не один делал свои дутары, ему помогал в этом шайтан. И тутовник взять для дутара ему подсказал шайтан. Когда бобо Камбар сделал первый инструмент, звук его был слабый и нечистый. Тогда ему снова во сне явился шайтан и посоветовал сделать верхнюю подставку и жильную перевязь шейки у самой головки дутара, прижимающую струны к грифу. Звук стал громче и приятнее для слуха. Этот верхний порожек с тех пор называют «шайтан харрак» — «чертова подставка», а перевязь — «шайтан парда» — «чертов лад».

Мусульманское духовенство относилось враждебно к певцам и сазандарам вовсе не потому, что верило легендам о шайтане. Муллы видели в них своих соперников. По мнению мусульманских священнослужителей, бродячие музыканты и певцы приносили им двойной вред: смущали сердца и умы верующих и уменьшали доходы мечетей. Муллы считали, что те медяки, которые сыплются в чаши певцов и музыкантов, должны сыпаться в кассу мечетей, то есть в их собственные карманы. Они твердили, что своими сказками бахши и хафизы развращают мусульман.

Но простой народ судил совсем иначе. Певцы и музыканты были всегда желанными гостями в каждом селении, в каждом доме.

«В ауле, где есть сказители, есть и богатырский дух», — говорят в Узбекистане. Иногда послушать певца-сказителя съезжались люди издалека. Были даже такие любители — ишкбозы, которые повсюду сопровождали хафиза или бахши, чтобы еще и еще раз послушать какую-нибудь песню или дастан, вновь насладиться чарующими звуками дутара.

Предполагают, что таджикское «мутриб» — музыкант, увеселитель — произошло от арабского корня «тараб» — радость, веселье. Если к этому корню прибавить таджикское окончание «дар», получится — «тарабадар», которое можно перевести как «делающий веселье». В европейской форме это читается как «трубадур».

«Никогда не бывать дружбе между мутрибом и муллой», — говорят на Востоке. И это действительно так. Ведь мулла — олицетворение скорби и смирения, мутриб — воплощение радости и веселья.

В. САЯПИН

Читайте в следующем номере:

ПЕРВЫЙ ГОД НОВОЙ КОНСТИТУЦИИ СССР

МОЛОДЫЕ СТРОИТЕЛИ КОММУНИЗМА

Очерки, интервью, заметки к 60-летию Ленинского комсомола

Р. ВАСИЛЬЕВСКИЙ

СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ И ЛИЧНОСТЬ

Секретарь райкома партии, доктор исторических наук — о формировании молодого человека эпохи развитого социализма

ЧИТАТЕЛЬ СООБЩАЕТ, СОВЕТУЕТ, СПРАШИВАЕТ

Ответы на вопросы, мнения о публикациях журнала

С. МАРКОВ

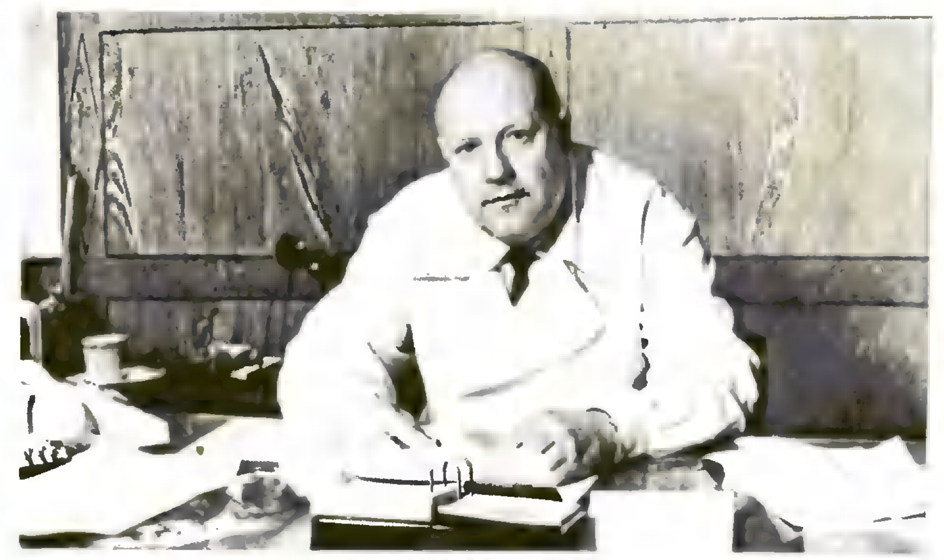
УСЫПЛЕНИЕ СОВЕСТИ И АМНИСТИЯ ПОРОКОВ

О религиозной исповеди

Е. АЛЕННИК

НАПОМИНАНИЕ

Отрывки из повести

С первого номера нашего журнала в составе его редколлегии работает доктор медицинских наук профессор Владимир Евгеньевич Рожнов. Ему исполнилось 60. Известный ученый в области психотерапии, психопрофилактики и психогигиены, он много занимается и пропагандой научного атеизма. Массовый читатель хорошо знает и любит его книги «Легенды и правда о гипнозе», «Гипноз и «чудесные» исцеления», «Гипноз и мистика». Соавтор всех этих книг — психофизиолог М. А. Рожнова. Вместе с И. Н. Немановым, М. А. Рожновой Владимир Евгеньевич работал над книгой «Когда духи показывают когти». Он автор книги «Пророки и чудотворцы».

Знакомы читателям и статьи В. Е. Рожнова, посвященные психоанализу, фрейдизму в газете «Правда», в журнале «Коммунист». В нашем журнале за разные годы выступления В. Е. Рожнова составили цикл статей.

Поздравляя В. Е. РОЖНОВА с 60-летием, редакция и редколлегия журнала желают ему здоровья и новых успехов в научной и пропагандистской деятельности.

Ниже мы публикуем статью В. Рожнова и М. Рожновой, посвященную постоянной их теме — разоблачению прикрытых авторитетом науки мистики и религиозных спекуляций.

МИСТИКА НЕ ПОМОЖЕТ

В. РОЖНОВ,
доктор медицинских наук,
М. РОЖНОВА,
психофизиолог

Стресс, психическое перенапряжение, тяжко сказывающееся на здоровье людей, — бремя и знамение нового времени. Специалисты прилагают немало усилий, чтобы выявить, уточнить порождающие его факторы. Современная психология видит их причину в явлениях личного и социально-психологического порядка, во всем том, что глубоко затрагивает жизнь личности, человеческое самосознание, область лично значимых жизненных стремлений.

Несоответствие требований, которые современная жизнь предъявляет человеку, с тем, что он способен и жаждет претворить в ней, их столкновение нередко образуют коллизии, приводящие к стрессу. Положение осложняется тем, что часто требования жизни и стремления самого человека противоречат друг другу. К тому же человек не всегда отдает себе отчет в истинных побуждениях, руководящих его поступками, ведь психика — особое поле сложнейшего взаимодействия сознания и бессознательного. В углубленном изучении совместного действия этих психологических процессов советская психотерапия и психология видят один из плодотворных путей в решении проблемы стресса.

На Западе ее часто называют символом века. Это название явно отдает фатализмом, примирением с неизбежностью зла, с чем мы, конечно, согласиться не можем. Наука видит пусть трудоемкий, сложный, но в принципе возможный путь решения. Однако именно на примере стресса особенно наглядно видно, как в буржуазном мире реальные поиски истины и сегодня заменяются иррационализмом, мистикой, прямым затуманиванием мозгов.

Несколько лет тому назад в английской газете «Гардиан» (Манчестер) была опубликована статья некоего Джона Виндзора, специально посвященная стрессу и способам разрешения «проблемы века».

В статье говорится, что армия США направила своего первого учителя трансцендентальной медитации [1] к демобилизованным, приводится обзор последних «исследований» по медитации, дополняемый картиной ее «успеха». Характерная примета времени: изложение здесь выглядит благопристойно, мистика преподносится неискушенному читателю как научная дисциплина, со всем ее аппаратом, терминологией и т. п. Вот образец этого стиля — выдержка из статьи:

«Махариши, монах и учитель, который принес древнюю ведлическую технику на Запад из Северной Индии 14 лет назад, объясняет: «Ничто не может быть сказано так уверенно о стрессе, как то, что объем создаваемого покоя будет нейтрализовать соответствующую напряженность стресса».

И далее:

«Изучение психологической стабильности и способностей к восприятию делает весомыми утверждения медитаторов в том, что они испытывают одновременно и возрастающее спокойствие и повышение активности».

Правда, автор не выдерживает единства стиля. Время от времени туманные наукообразные фразы сменяются открытой проповедью субъективного идеализма.

«Из поколения в поколение как философы, так и ученые цеплялись за объективное как за единственно верный способ получения знания. И то, что Махариши предлагает сейчас, есть субъективное неизменяемое как средство обретения знания», — убеждает читателей автор статьи в «Гардиан».

Оказывается, «болезнь века» победить очень просто — для этого достаточно применить метод «трансцендентальной медитации». Газетная реклама обещает феноменальную скорость обучения методу (всего две с половиной минуты!), утверждает, что медитация соверша-

[1] Медитация (от латинского «размышляю», «обдумываю») — умственные действия, направленные на приведение психики человека в состояние углубленной сосредоточенности. Предполагает устранение крайних эмоциональных проявлений, сопровождается значительным понижением реактивности, расслабленностью.

ется без всяких усилий (более того, чем меньше прилагается усилий, тем дело идет лучше) и таким образом выглядит соблазнительной для людей, жаждущих передышки в сложном, бурном мире, требующем от них усилий в каждом, даже малозначительном деле.

Однако что же представляет в действительности «панацея» от всех бед?

Состояние, именуемое трансцендентальной медитацией, и техника, с помощью которой оно достигается, известны человечеству с незапамятных времен. Они находили свое применение в религиозной, культовой практике всех времен и народов, как бы внешне ни различались ее приемы. Варианты этой техники использовались мистическими направлениями многих позднейших религий, в том числе и тех, что существуют сегодня как мировые религии. В христианстве, например, медитация присутствовала в духовных упражнениях иезуитов, в мусульманстве — нашла отражение в суфизме, в буддизме это раджа-йога и практика дзэн, требующая освободить сознание от мысли вообще.

Более 130 лет назад эту технику и соответствующее состояние человека начали исследовать ученые. На этом пути оставили свой след многие известные психиатры, психологи, физиологи.

Ни для кого из ученых не покажется «интригующим открытием» тот факт, что в гипнозе можно управлять по желанию не только деятельностью легких и сердца, но и другими органами и функциональными системами организма. Ни для кого из них не будет новостью и то, что достижимо состояние, сочетающее в себе, казалось бы, несовместимые свойства. Ведь это и есть та центральная проблема гипноза, которая исследовалась давно и на пути к решению которой многое уже выяснено и достигнуто, но, как всегда было и будет в науке, многое еще остается неясным и нуждается в дальнейшем изучении. И исследователей это не обескураживает, а скорее воодушевляет. Кстати, именно сейчас в науке намечаются реальные перспективы разрешения проблемы — на путях изучения специфичных для этого состояния форм взаимодействия сознания с бессознательным.

Но то, что составляет трудную, однако в принципе возможную для рационального ее решения задачу науки, мистика с привлекательной легкостью и простотой объясняет силами иррациональными. Особенно это приложимо для характеристики состояния, называемого гипнозом. До сих пор еще бытует представление о нем как об особом «мистическом состоянии сознания», когда осуществляется прямое общение с «первоначальными жизненными силами», управляющими всем и вся (иначе говоря, с силами потусторонними, сверхъестественными). Человек в таком состоянии, как утверждают мистики, обретает способность видеть, слышать и понимать недоступное, теряя восприимчивость ко всему окружающему.

Возможность контакта с потусторонним миром, обретение в нем тотальной истины — вообще лейтмотив мистики, тысячелетний крик ее души, ее песнь песней. С течением времени менялось словесное выражение, образная система, но суть оставалась прежней. Если прежде силы, в общении с которыми обретается откровение, именовались — духи, ангелы, боги, Вседуша, магнетический флюид и т. п., то ныне это «созидающий интеллект» в его «непроявленной фазе», как сказано о нем в приведенной выше газетной публикации. Если прежде тех, кто находился в «близких отношениях» с этими силами (магов, жрецов, пророков и т. п.), изображали на фоне массивных храмовых колонн, курящихся огней жертвенников, то сегодня их фотографируют на фоне пультов управления современной, даже космической техники (как мил в «Гардиан» улыбающийся Махариши, с цветком в руке, в эффектном соседстве с кнопками, глазками, дисками американского космического корабля «Скайлэб»).

И если само вожделенное состояние «первичного вездесущего и одинакового для всех опыта» прежде называлось «экстаз», «транс», «мистическое состояние сознания», то сегодня это уже трансцендентальная медитация, сокращенно ТМ, выглядящая так элегантно и вместе с тем скромно в этом модном наряде «под науку». Совсем как гормон, допустим, адренокортикотропный (кстати, играющий немалую роль в синдроме стресса), для удобства и краткости именуемый в научных статьях АКТГ. И попробуй после этого «магического перевоплощения» хотя бы даже подумать о ТМ что-либо неподобающее, а не то что назвать ее своим именем — м и с т и к о й!

По сути, наукообразные рассуждения буржуазной печати о том, как уйти от стрессов, — это попытка совмещения суеверий с современной наукой. Тяга к мистике — горький плод несладкой жизни, мук человеческого сознания в противоестественном, антагонистическом, частнособственническом мире.

Тяга к мистике, порождаемая социальным развитием, поощряется теми, кто хочет с ее помощью убить даже не двух, а сразу трех зайцев — развить бизнес, снять с себя ответственность за поступки, совершаемые ради утоления алчности (отнеся их на счет управляющего миром «созидающего интеллекта»), да еще исправить одно социальное бедствие (наркоманию) с помощью другого (вспышки мистики). Но опыт истории настойчиво повторяет: на цветастых, с мишурным блеском волнах мистики всплывает самая черная, пахнущая кровью реакция.

Нам могут возразить: если, мол, отделить одно от другого, истину от заблуждений, рациональное от иррационального, если действительно предлагаемое средство помогает, устраняя вредные последствия стресса, уменьшая тягу к наркотикам, — почему не воспользоваться им? Ведь медитация близка практике йоги, а создатели последней в тысячелетних поисках чисто мистических, иллюзорных целей нашли немало полезных, вполне реальных средств и приемов, с помощью которых можно научиться управлять своим телом и психикой.

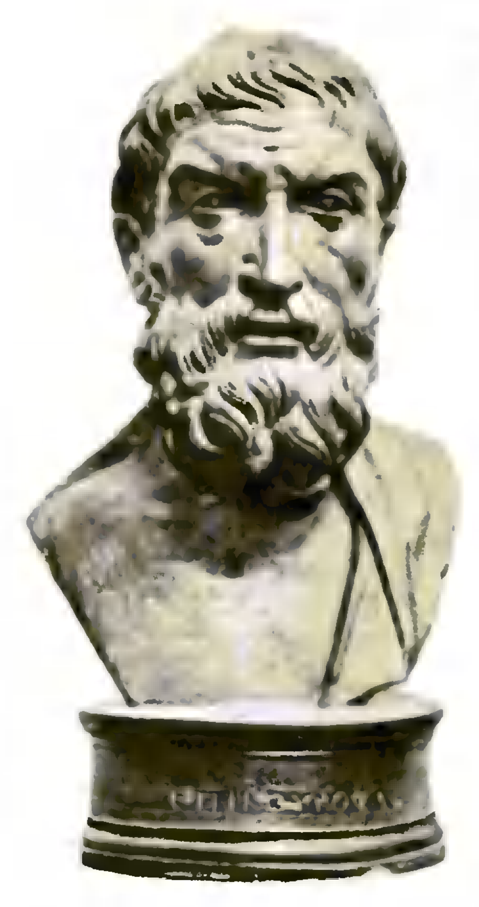
Одним из первых, кто обратил внимание на возможное практическое значение приемов, употребляемых йогами для самогипнотизации, был английский хирург Дж. Брэд, еще в прошлом веке убедительно показавший естественный, а не мистический смысл этой техники. Автор лечебного метода аутогенной тренировки (1932 г.) немецкий психиатр И. Шульц тоже опирался на критически переосмысленную и в достаточной степени избавленную от мистического налета систему йоги. Методика аутогенной тренировки в разнообразных вариантах и модификациях, предложенных советскими и зарубежными учеными, находит сегодня все более широкое применение — в лечении определенных заболеваний, в повышении эффективности тренировок спортсменов, в регуляции нервно-психического состояния людей, когда того требуют ответственные моменты их профессиональной деятельности.

Однако было бы грубым упрощением усмотреть в этих методиках некую панацею — универсальное средство предупреждения и устранения стресса, не говоря уже о старых «новинках» типа трансцендентальной медитации.

Аутогенная тренировка как научно-обоснованное средство оказывает общеуспокаивающее и общеукрепляющее действие на нервную систему. Стресс же травмирует человека, затрагивая область переживаний, имеющих всегда конкретное содержание и значимость для него как личности. В каждом отдельном случае люди реагируют на изменение ситуации по-разному: то, что заставляет глубоко страдать одного, остается малозначимым или вовсе безразличным для другого, и наоборот. Тягостные, волнующие переживания, в зависимости от своей интенсивности и длительности, могут оказывать вредное воздействие на психику, дезорганизуя ее, приводя в одних случаях к постоянному психическому напряжению, депрессии или повышенной возбудимости, в других — к выраженному неврозу. Нередко нарушение душевного равновесия создает фон различным органическим заболеваниям — частым простудам, поражению инфекциями, сомато-вегетативным нарушениям.

Поэтому в случае психической травматизации недостаточно лишь такого общеукрепляющего воздействия, как аутогенная тренировка, необходимо углубленное и всестороннее изучение личности, ее истории, структуры сознания, значимых переживаний. Только такое исследование может дать достаточно четкие вехи для продуманной тактики лечения данного человека методами психотерапии. Врач, вооруженный знаниями, опытом, реорганизует психику больного, помогает ему построить прочную психологическую защиту перед лицом травмирующей ситуации, переакцентировать значимость своих переживаний, выработать новые ориентиры для плодотворной активности и, расширив резерв своих душевных сил, вновь обрести творческое удовлетворение и высокую психологическую стойкость.

И сколько бы ни апеллировали некоторые люди в таких случаях к «чудесам» йоги, медитации и т. п., они не дадут желаемого эффекта. Нет и не может быть «простых» — мистических решений там, где речь идет о человеке, о его сложном и чутком, неповторимом внутреннем мире, требующем к себе вполне реального научного и в то же время глубоко сочувственного, индивидуализированного, тактичного отношения. С такой задачей никакая мистика никогда не справлялась и не справится.

Эпикур (341—270 гг. до н. э.).

освободить мир от страха перед богами

Я. ПОВАРКОВ,
кандидат философских наук

Начало III века до нашей эры. Сложное и противоречивое время. Ему свойственны все тяготы эпохи общественного кризиса. Отсюда — напряженный драматизм восприятия жизни, все те нюансы общественной психологии (разочарование, пессимистический взгляд на будущее и т. д.), которые сказываются в литературе того периода. Потеря уверенности в прочности и незыблемости общественного бытия — это ощущение, буквально «растворенное» в психологической атмосфере эпохи, пронизывает всю идеологическую жизнь эллинизма. В пределах огромных эллинистических монархий (в отличие от своего положения в маленьком классическом полисе) личность становится «ничего не значащей», оказавшейся один на один с судьбой. Основатель доктрины «Сада» (так уже издавна называли учение Эпикура) был свидетелем грандиозного разлома традиционно-полисного единства, конфликта между старым, полисным и новым, только формировавшимся состоянием жизни — без «сращенности» индивида с полисом, их «нерасчлененности». Предельное ослабление традиционных полисных связей привело к размыванию веры в ту помощь, которую можно ожидать от богов. К чему же множить поиски альтернатив? Над всем случай, мысль о нем лишь своеобразная переплавка смятения, которым перенасыщен эллинистический мир причудливого и трагедийного переплетения человеческих судеб. На место слитности богов и государства (первые его опекали — идея, столь характерная для классического периода) с ломкой полисной структуры пришел кризис веры в богов-промыслителей. Этот «религиозный надлом» (выражение польской исследовательницы М. Покчиньской) как результат общественных сдвигов и получил свое отражение в доктрине «Сада».

В ее центре — учение о человеческом счастье. Критерий оценки его исходил из непосредственного переживания счастья индивидом здесь, на Земле. Как пишет американский исследователь Де-Витт, «матрица значений», составленная Эпикуром, имела в своей основе ту доктрину, что каждая человеческая жизнь должна полностью планироваться с намерением достигнуть счастья.

Что же такое, по Эпикуру, счастье? — спрашивает Де-Витт. Его «объяснение» самое простое и, добавим, действительно емкое: счастье — актуальное наслаждение; несчастье — актуальное страдание. Для счастья человеку достаточно удовлетворения незначительных, легко исполнимых потребностей существа, тренированного в самодисциплине и самоограничении. Самое главное, чтобы радость бытия не поглощалась необходимостью удовлетворения чрезмерно больших потребностей. Понятным в связи с этим становится никак не зашифрованное дидактическое требование доктрины — выработать в себе навык соизмерения наслаждений и выбора лишь тех из них, которые не влекут за собой страданий. Так образуется своего рода искусство для измерения (лучше сказать — соизмерения) «благ жизни».

Без учета этих моментов позиция «Сада» будет неясной. Его теоретики проповедовали умеренность, строгость — то, что еще до П. Гассенди подчеркнул М. Монтень. Суть в том, что и Эпикуру и его ученикам приписывали обратное, и это стало традицией для антиэпикуреизма. Так, например, христианский писатель И. Невзоров в обширной монографии «Мораль стоицизма и христианское нравоучение» (1892 г.) пытался уверить читателей в «развращающем влиянии эпикурейской философии», в том, что эпикурейцы преследовали только «совершенно определенные цели: ешь, пей, веселись, не помышляя о будущем, — вот их девиз». Недалеко от такой трактовки ушли и современные зарубежные «эпикурофобы» (П. Фэ, Г. Ньюман и др.).

Нет, такая «программа» не отвечает истинным идеалам «Сада», одинаково чуждым и понурому средневековому аскетизму, и вульгаризованному «эпикуреизму» пресыщенных римских патрициев, и пониманию, которое продолжают распространять современные враги Эпикура. История показала, что гедонизм мог давать примеры то рафинированного плотского безумия, то чистейшей святости. (Нужно удовлетворение только таких потребностей, которые ведут к сохранению жизни, ибо жизнь — первое условие счастья и его наличие — единственная гарантия достижения наибольшего наслаждения: спокойствия души, атараксии. Поэтому нужны лишь «конечные средства к жизни» — кусок хлеба, глоток воды.)

«Сад» требует углублять духовную жизнь, духовные контакты — изучать философию, культивировать трезвый разум, дружбу и т. д. Наслаждение — отнюдь не простой акт. Он предполагает существование целого ряда предпосылок. Маркс счел возможным говорить даже об эпикурейской диалектике наслаждения. С принципом счастья личности, лежащим в основе всей этической и социальной доктрины «Сада», связано и учение о дружбе «как фундаменте, на котором должна покоиться вся общественная структура». Этот принцип был реализован эпикурейцами в рамках самой организации «Сада». Основанная на признании общих нравственных и интеллектуальных ценностей, она создавала для человека обстановку более непосредственную и интимную и зачастую более соответствующую его потребностям, чем та, на которую он мог рассчитывать вне «Сада».

Согласно учению афинского мыслителя, человек достигает счастья тогда, когда полностью освобождается от страдания и обретает атараксию, спокойствие души. Поэтому из множества вариантов возможного поведения, с которым может столкнуться личность, «Сад» выбирает один — ведущий к спокойствию, «несмятенности» души, наслаждению дружбой и наукой, прежде всего философией. Эпикур не был социальным реформатором, он был, говоря словами польской исследовательницы М. Оссовской, «врачом, заботящимся о психическом здоровье», «врачевателем души».

О каких же душевных болезнях идет речь? О тех, которыми неизбежно должен переболеть каждый. Проблема смерти и бессмертия, мысли о конечности своего личного бытия, страдания из-за утраты проходят и через философскую мысль античности. Исследователи Эпикура правы, когда говорят, что терапевтическая задача была очень яркой в этических системах древнего мира. Характеристика эта представляется удачной: найти лекарства для преодоления страдания души — центральная задача и эпикурейской этики. Даже терминология «Сада» (это обращало на себя внимание многих) симптоматична: они называли «четвертным лекарством» («тетрафарма-

кон») свои основные этические принципы. Вот они: «Нечего бояться богов. Нечего бояться смерти. Можно переносить страдания. Можно достичь счастья».

Афинский мыслитель и его последователи стали именно теми учителями, которые были тогда нужны душам, смущенным шквалом эпохи, умам, уставшим от предубеждения, сердцам, обеспокоенным за будущее. «Сад» предлагал решения, сулившие надежду обрести ясность и спокойствие души. Эллинский мир того времени был предоставлен политическим капризам преемников Александра, когда «никто не чувствовал себя хорошо», когда речь шла, используя слова Антонио Грамши, основателя Итальянской коммунистической партии (правда, сказанные им в другой связи), о «чрезмерной ненадежности существования». Именно в этих условиях «Сад» давал возможность соединиться тем, кого жизнь заставляла искать минимальную степень внутренней раскрепощенности. «Сад» вовсе не поощрял безынициативность и аморфность поведения. Наоборот. Люди могли реализовать цель и смысл жизни лишь в акции-соучастии, но в рамках доктрины «Сада» и общины его адептов.

В своем классическом виде «Сад» был, видимо, группой людей, среди которых царила дружба. Под тенью деревьев, близ журчащего ручья как спокойно было беседовать о природе вещей, слушать лекции Учителя, вдыхать аромат зелени, созерцать чистую синеву неба и радоваться тому, что так будет и завтра, и послезавтра, и еще много дней... Увы, «Сад» не мог вывести (и не ставил это своей целью) личность за границы созерцательности. Не мощное стремление вперед, захватывающее человека и заставляющее биться его сердце, повторим еще раз, а лишь спокойствие души — таков его идеал. Он достижим. Только не надо много требовать от жизни. Пусть немногое, что у тебя есть, воспринимается как ценность. Наслаждайся этим...

Эпикур и его ученики говорили о человеческом идеале — земном счастье. Оказалось (хотел того или нет кто-либо из них), что этот идеал острием своим направлен против религии и ее системы ценностей. В самом деле: разве афинский мыслитель не учил, что человек рождается для того, чтобы быть счастливым? Разве земное счастье, говорила доктрина Эпикура, — не цель жизни? Но разве для того, чтобы ощутить его — это счастье на земле, — не необходимо преодолеть страх людей перед богами, избавить человека от боязни каких-либо сверхъестественных небесных сил? Мир должен быть освобожден от страха перед богами.

Итак, если цель и смысл бытия на Земле — счастье, то, стало быть, надо определить и место человека в окружающей природе. А для этого надо исследовать, в чем сущность и какова структура Вселенной, может ли быть в рамках именно этого мира реализовано счастье человека. Такова «сверхзадача» «Сада», и именно из нее вытекает требование исследовать «природу вещей», показав, что нет никаких «надфизических» фетишей, угрожающих человеку, ориентировать размышляющего на поиск земных, человеческих путей, вести не к богу, а к человеку.

Людей нашего века, рассуждали приверженцы «Сада», терзают четыре страха: кажущаяся невозможность достичь счастья, боязнь страданий, богов и смерти. Эти четыре страха-болезни «Сад» лечил «четвертным лекарством» («тетрафармаконом»). Но от мыслителей «Сада» не ускользнуло, что нельзя лишь декларировать этические постулаты. Нужно продумать всю систему исследования природных явлений — физиологии — до конца, до самых глубинных ее основ, и прежде всего обосновать ее натурфилософски.

Атомистическая доктрина позволяла ответить на вопрос, что вообще значит ощутить счастье, в чем суть ощущения? Если душа — агрегат особого типа атомов, то сделать человека счастливым — значит привести в гармонию движение атомов души. При этом человек сам может повлиять на движение атомов души, задать им определенный ритм, привести в гармонию, чтобы душа не находилась в смятенном состоянии.

Эпикур выдвинул мысль об «отклонении атома», знаменитое, высоко оцененное в докторской диссертации Марксом учение о «паренклесисе». Речь идет о том, что прямолинейное движение атомов сочетается с неким (внутренне обусловленным) отклонением. Это отклонение решительно меняет некую «усредненную» картину движения, делает «вылом» в общей ритмике атомного ансамбля, дает индивидуальный облик движению каждого атома, что приводит к взаимодействию атомов и в конечном итоге, в результате встреч и сочетаний их — к образованию макротел. В определенных комбинациях взаимодействующих атомов — основа мироздания. Получается жесткая и устойчивая космологическая система, в

Освободить мир от страха перед богами

Диплом о присуждении Марксу ученой степени доктора философии за диссертацию «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура», выданный Иенским университетом 15 апреля 1841 года.

которой, как заметил итальянский исследователь Трецца, «сочетание механических законов не может перестать действовать из-за индивидуальной воли».

Душа, согласно учению афинского мыслителя о сущности человеческой психики, есть определенная структура мельчайших весьма подвижных частиц, и разрушение ее равносильно уничтожению. Значит, бессмертия души нет. Нет и загробного мира, предназначенного бессмертным душам. Нет и загробного возмездия. В таком случае, где же бог? Зачем он? И главное — если он все же существует, то что делает? Если бессмертие души оказывалось иллюзией, рушился еще один костыль, подпиравший религиозные доктрины.

Эпикур допускает существование богов, но с той только «небольшой» поправкой, что эти боги не имеют никакого отношения к делам людей и Вселенной. На вопрос, где существуют боги, основатель «Сада» отвечал, что они находятся где-то в пространстве между мирами. Богов, которым «нечего делать в физическом мире», «Сад» помещает в промежутки между мирами — интермундии.

Отведенные небожителям интермундии — укромные уголки между мирами, где они никому не мешают, где никто не мешает им... Интермундии необходимы, ибо они (боги) состоят из атомов столь тонкого порядка, что просто не смогли бы жить в нашем «бурном мире». Интермундии по-своему повторяют (оригинал сохраняется, но в «уменьшенном» масштабе) большой мир, впрочем, местожительство богов больше похоже на их эмиграцию в некие искусственные «микроминиатюризированные» миры. Здесь афинский мыслитель предвосхищает франсовскую тему «богов в изгнании»...

Как же объяснить этот парадокс в учении Эпикура? Дело в том, что этика «Сада» (как и других философских учений эпохи эллинизма) провозглашала в качестве высшей доблести и идеала человеческой жизни созерцание истины, отрешенное от волнений и тревог жизни. И хотя богам нет никакого дела до человека, они, подобно богу Аристотеля, служат образцами поведения, идеалами атараксии, бесстрастной удовлетворенности. Социальная подоснова такого представления очевидна. Для возникновения его нужен досуг, который обеспечивался рабским трудом, освобождением узкой группы людей от физического труда. Как отмечал известный советский философ В. Ф. Асмус, «аристотелевский пребывающий вне мира и над миром бог — этот совершеннейший и самодостаточный философ и созерцатель — отражение в отвлеченной и возвышенной сфере идей исторической действительности... Божественный образец созерцательной жизни есть сложнейшее порождение характерного для античного полиса отделения умственного труда от физического, теоретического досуга от практической деятельности, независимости мудрой «самодостаточности» от тревог и превратностей кипящей вокруг него социальной борьбы классов и политических партий»[1].

Такими же были и «боги» «Сада» — дружелюбными, приветливыми, наслаждающимися состоянием глубокой душевной удовлетворенности и исповедующими в своих интермундиях (как и последователи Эпикура в «Саде») гедонистическо-эпикурейскую доктрину счастья.

[1] См.: В. Ф. Асмус. История античной философии. М., 1965, стр. 293—294.

Приверженцев «Сада» не очень волнует специфика жизни богов в интермундиях, им ясно одно: боги живут счастливой жизнью, не касаются мирских дел. Такова же позиция Лукреция, римского поэта и философа-материалиста I века до нашей эры. Только у Филодема, главы неаполитанской эпикурейской школы (I в. до н. э.) в отрывках третьей, восстановленной из геркулановских папирусов книги «О богах» наблюдается пристальный и столь не характерный для раннего «Сада» интерес к «интимным» сторонам жизни богов. Филодем логик и эрудит, но он уже далек от того «наивного», а по существу сложного и целостного видения мира, столь характерного для Эпикура.

Основоположников «Сада» занимала другая проблема: как совместить атомистическую концепцию Вселенной и существование в ней богов. В самом деле: основа всей концепции «Сада» — физической и этической — состоит в том, что боги не участвуют в делах мира и людей. Но они существуют, хотя и как вторичный (после атомов и пустоты) элемент, рожденный особого рода целостным эстетическим видением мира, характерным для греков того времени и выполняющим функцию идеала в нравственном учении Эпикура.

Что представляли собой эти боги? Каким способом обеспечивалось их бессмертие? Из какого источника черпают люди знание о них? Если признать, что людям являются «ейдоля» («образы», «виды», «формы») богов, то спрашивается, не могут ли эти «образы» подвергнуться искажению за время движения от «конкретного» бога к человеку? Не могут ли они быть чисто случайным сочетанием других «ейдоля» или даже какой-либо произвольно образовавшейся структурой?

Где гарантии того, что перед нами образ бога, а не какой-нибудь кентавр? И, наконец, как могут боги быть существами обычной атомной структуры (ведь все, повторим еще раз Эпикура, «состоит из атомов и пустоты») и не быть подверженными разложению?

Ответ таков. Боги пребывают в междумирии, где запас атомов неисчерпаем, это дает им возможность вечно поддерживать наполнение своей «формы» (оболочки, каркаса, скелета) атомами и тем самым гарантирует богам бессмертие.

Мало того. Поскольку «форма» богов наполнена текущим содержанием, не представляющим жесткой устойчивости, то богам как атомным структурам не страшна и беспрерывная бомбардировка атомами, несущимися во Вселенной. Они не чувствуют ударов, потому что соударения, пополняя запас атомов в «теле» богов, оказываются условием их существования. Ведь именно беспрерывное притекание новых атомных потоков позволяет поддерживать текучее наполнение «формы» богов. Любой объект (в том числе и бог) атомистов — это временно устойчивое образование из атомов определенного рода или их смеси. Временно устойчивое — не более того!

Боги «Сада» оказывались реализацией общих принципов его философии, конкретизированных и воплощенных в индивидуальном бытии. Они никому не угрожали, их красота и совершенство служили идеалом практического поведения и моделями художественного творчества. Последователи Эпикура видели реализацию счастья в двух местах: на Земле — в «Садах» и в интермундиях как их совершенном подобии.

Так, помимо желаний адептов «Сада», подобное представление о богах, решительно рвавшее с традиционным осмыслением их как промыслителей, вело к их полной дискредитации. Опрокидывалась вся концепция божества как всемогущего, всевидящего и всепроникающего существа. Добру и злу внимавшие равнодушно, боги Эпикура находились уже в состоянии полной прострации. Единомышленники афинского мыслителя называли это, правда, по-другому — атараксией. А она, по остроумному замечанию одного итальянского исследователя, «попахивала мертвечиной»; интермундии, куда спровадил Эпикур богов, более походят на покойницкую, чем на дворцы бессмертных.

Боги «Сада» существуют и живут своей жизнью, параллельной жизни мира, но никак не контактирующей с ней. Они ничему не служат, их лишь созерцают с изумлением. Но тем самым «отблеск божественности», якобы лежащий на всем существующем, оказывался фикцией и стоило ли склоняться перед каждым алтарем? Как писал Маркс, боги Эпикура, «будучи похожи на людей, живут в межмировых пространствах действительного мира, имеют не тело, а квазитело, не кровь, а квазикровь; пребывая в блаженном покое, они не внемлют ничьей мольбе, не заботятся ни о нас, ни о мире...»

За последние годы немало сделано для выявления подлинной природы эпикурейской концепции богов и, не в противовес другим версиям, определено, что она имела отчетливо выраженный поэтический характер. Однако если генезис этой концепции трудно понять вне рамок классического греческого искусства, то присутствие ее в материалистической системе «Сада» казалось исследователям совершенно проблематичной.

Действительно, почему безбожник Эпикур учил, что боги все же где-то есть? Как и чем объяснить, что атеист Эпикур говорит о богах? Почему основатель «Сада» мыслит иначе?

Происхождение эпикурейских богов, говорил Франц Меринг, надо искать в эстетике, в представлениях греков о прекрасном, в психологии эпохи. Это очень ценная мысль. Несомненно, что немалое значение в становлении концепции Эпикура играли воспоминания его детства, традиции времени — словом, весь театрально обрядовый психологический колорит эпохи. Прекрасное определение богам «Сада» дал Маркс: «Очень много острили по поводу этих богов Эпикура... Они существовали. **Это — пластические боги греческого искусства. Цицерон** как **римлянин** вправе высмеивать их, но **Плутарх, грек,** совершенно забыл греческое мировоззрение, когда он говорит, что это учение о богах, уничтожающее страх и суеверие, не дает... радости...»[2]

Наоборот! Дает радость, ибо дает покой, уверенность в том, что не нужно бояться богов. Бог — нравственный идеал «Сада», мыслимый как прекрасное человеческое тело, но не надо бояться и смерти.

Любое существо, пишет о позиции «Сада» один итальянский исследователь, обязано своим существованием лишь временному компромиссу между элементами, его составляющими. Единственные, кто избегает действия этого закона, — боги.

Комментируя эту проблему, исследователи замечают, что само время становится безразличным фактором для счастья человека. Становление во времени, в котором человек на основании достигнутой атараксии может наслаждаться одним днем и потому не нуждается для счастливейшей жизни в неограниченном времени, покоится на человеческой способности обогащать физически-духовное наслаждение «осовремениванием» прошлого и будущего. Это равнодушие по отношению ко времени приведет к тому, что богов нельзя будет назвать более счастливыми, положим, чем человек, к примеру — сам Эпикур. Последнее находит свое выражение и у самого мыслителя, когда он, согласно своему учению, обращается к живущим людям, как к богам на земле, которым нет необходимости бояться смерти, ибо «смерть — ничто для нас»[3].

Несколько столетий «Сад» вызывал симпатии людей. Он привлекал к себе сторонников среди всего античного мира — в Греции, Малой Азии, Сирии, Иудее, Египте, Италии, римской Африке, Галлии... Прошло время, и ряд идей «Сада» оказался буквально вплетенным в ткань истории атеизма. Мысль, что создатель мира должен был бы принять на себя тяжесть всего существующего вселенского зла и нести за все конечную ответственность, лишь означала безусловное признание того, что все зло сконцентрировано и персонифицировано в одном существе — боге, являющемся в таком случае синонимом абсолютного зла. Не потому ли эпикурейский постулат, что представление о всемогущем и всеблагом божестве стоит в противоречии с глубочайшим общественным неустройством мира, — резкий и мощный аргумент против провиденциальной картины мироздания — был воспринят крупнейшими атеистами последующих веков? Не потому ли клерикальная критика поднимала на котурны любую, так сказать, «антиэпикурейски выглядящую» фигуру? Работы последователей «Сада» предавались огню или до неузнаваемости фальсифицировались[4]. Бывало, что сжигали не только книги эпикурейцев. Костер — такова судьба учителя Николая из Отрекура, отважившегося выступить против церковных догм с проповедью эпикуреизма.

Однако учение древних атомистов возрождалось, хотя и

---

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 40, стр. 174.

[3] «Когда Маркс терял кого-нибудь из близких ему людей, — пишут Хайнц Штерн и Дитер Вольф,— он обыкновенно цитировал слова Эпикура, согласио которому смерть страшна не для того, кто умирает, но несомненно для того, кто остается в живых. А у него довольно часто были поводы вспоминать древнегреческого философа: ему пришлось проводить в последний путь четырех своих детей и любимую жену» (Х. Штерн, Д. Вольф. Великое наследие. М., 1976, стр. 8).

[4] Дело доходило до того, что уродовались даже философские термины эпикурейцев. В. Асмус указывает на терминологическую связь эпикурейских «ейдоля» и термина «интенциональные виды» схоластов. «Интенциональные виды» схоластики, указывал он, искаженные до неузнаваемости «видики» («ейдоля») Эпикура.

испытывало на себе многообразные наложения других идейных течений. Влияние «Сада», постоянно проявлявшееся и в философии, литературе, этике, в естественнонаучных исследованиях, часто не воспринималось как эпикурейское вследствие характерной анонимности, зашифрованности. Очевидно, это было связано с устойчивой, идущей от отцов церкви и других врагов материализма традицией, отрицающей в учении «Сада» не только философский смысл, но и простую добропорядочность. С традицией, утверждающей, что в античной истории эпикуреизм был, перефразируя французского философа Маритэна, «эллинским грехом». По меткому замечанию американского исследователя Де-Витта, судьба Эпикура — быть известным, когда его осуждали, и быть неизвестным, если его одобряли. Неприязнь к мыслителю, в котором видели безбожника, становилась иногда непроходимым психологическим барьером для восприятия его учения.

Модификации подобного отношения многообразны. Как и христианская церковная ортодоксия, так и Талмуд называли эпикурейцами всех свободомыслящих. Как у христиан, так и у сторонников иудаизма, отмечает французский исследователь М. Гюйо, всякий неверующий примыкал к знамени «Сада». Ненависть ордотоксального иудея к еретическому учению, пишет Де-Витт, сохранилась до сего дня в раввинском термине «апикорос» («неверующий»). С легкой руки христианских идеологов само слово «эпикуреизм» приобрело сугубо негативное значение как характеристика людей, предавшихся низким чувственным удовольствиям[5].

Длинный реестр специально антиэпикурейских «аргументов» выдвинул в своей полемике христианский писатель конца III — начала IV века Лактанций в «Божественных наставлениях» (кн. I «О ложной религии»).

В период раннего средневековья, когда философия превратилась в служанку богословия, последователям «Сада» стали предъявлять традиционные ханжеские обвинения, а слово «эпикуреец» стало почти бранным.

История оценок «Сада» — интереснейшая страница истории философии. Достаточно сказать, что к середине нашего века такой материал стал практически необозрим.

Эпоха Возрождения воскрешает «Сад». Дух Возрождения в Италии, пишет французский исследователь Л. Фризо, был глубоко эпикурейским. «Сад» ожил со своим чувством естественного, с благосклонным безразличием к богам, с широко научным направлением.

Эпикурейскими мотивами проникнуто нравственное наставление кремонского гуманиста Козимо Раймонди, колоритной фигуры ренессансного эпикуреизма, все еще, к сожалению, ускользающей от внимания исследователей. О нем действительно известно немного. Козимо Раймонди учился в Милане, был выслан во Францию и кончил жизнь самоубийством в 1435 году. Козимо проявляет себя как открытый и убежденный последователь Эпикура. «Во всем следуя и целиком принимая авторитет и учение Эпикура, мудрейшего из людей, — пишет он, — я решил защищать его достоинство... Человек состоит из души и тела, и если основатель «Сада» положил благо в удовольствии, то он глубоко понял силу природы: мы рождены и созданы ею таким образом, чтобы не страдать от болезней души и тела».

Стремительно нараставший интерес к Эпикуру был очевиден. В 1440 году на защиту эпикурейского гедонизма становится Лоренцо Валла. «О наслаждении» — одно из удивительнейших творений XV века, в котором философский дух древности пробивается через пустословие схоластов и предстает перед испуганным взглядом «монашески-окаменелого общества».

В XVII веке еще стояла задача освобождения эпикуреизма от «интердикта, наложенного на него отцами церкви и всеми средними веками». Задачу эту выполнил выдающийся французский философ Пьер Гассенди. Он первым окунулся в полемику, которую вызвали произведения Эпикура, попытался разобраться в калейдоскопе противоречивых мнений и с несколько старомодным изяществом сформулировал мысль о том, что клевета на Эпикура и его учеников вымышлена их противниками. И все же роль Гассенди противоречива. Католик, он во многом исказил материалистический характер учения Эпикура. Де-Витт прав, говоря, что в отношении эпикурейской картины атомистической Вселенной и веры в божественное провидение у Гассенди была несомненная трудность, но он «аккуратно разрешил ее, заявив, что именно бог создает атомы». Это как раз те попытки Гассенди «примирить свою католическую совесть со своим языческим знанием», о которых говорит Маркс в характеристике французского мыслителя.

Выбор Марксом темы докторской диссертации — «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» (1841 г.) далеко не случаен. В немецкой классической философии существовало достаточно резко выраженное антиэпикурейское предубеждение (особенно характерно это было для Гегеля). Маркс не только выбрал для диссертационного анализа философию Эпикура, но и показал огромное значение афинского мыслителя в истории человеческой мысли. Докторская диссертация Маркса была не итогом, а этапом развития его взглядов по поводу Эпикура. К его учению основоположники марксизма вернутся в своих исследованиях еще не раз.

В 1914—1915 годах в Берне Ленин напряженно работал над изучением античной философии, конспектируя «Метафизику» Аристотеля, «Лекции по истории философии» Гегеля, книгу Лассаля «Философия Гераклита...» и другие источники. Эти ленинские конспекты вошли в «Философские тетради».

Каковы же основные положения Ленина об античном атомистическом материализме, эпикурейском атеизме? Ленин подчеркивает, прежде всего, что античные атомисты — это ступень в развитии материализма, и обобщает это в формуле «Эпикур: предметы вне нас». Ленин камня на камне не оставляет от гегелевской интерпретации эпикуреизма, отвергая ее самым решительным образом (все скрыл Гегель, главное — «бытие вещей вне сознания человека и независимо от него»). И далее, по поводу утверждения Гегеля, что-де невозможно иметь более скудную теорию познания, чем у Эпикура, Ленин замечает: «Все будет... скудно, если исказить и обокрасть». Ленин неоднократно подчеркивает историческое значение древнегреческих атомистов, атеистов как теоретических предшественников современной науки, физики в особенности. Указывая на то, что у Гегеля, когда он излагает эпикуреизм, «сейчас же полемика с естествознанием сегодня», Ленин, имея в виду современное значение древнегреческой атомистики, ставит проблему — «Эпикур и современное естествознание». Марксистско-ленинская теоретическая мысль не ослабляла внимания к воззрениям Эпикура на всем протяжении своего развития.

Прошло много веков с того дня, когда афинский мыслитель слабеющей рукой написал последнее письмо. Кто-то заметил: после смерти человек живет только на земле. И действительно: импульс, который был дан человеческой мысли Эпикуром, не мог исчезнуть. Маркс подчеркнул это самим обращением к доктрине «Сада». Объективная же историческая оценка исходит из того, что стало деталью архитектоники духовной жизни человечества.

---

[5] К сожалению, такой взгляд укоренился довольно прочно и получил известное отражение в литературе. Реминисценция Шекспира: Гонерилья восклицает, что эпикуреизм делает двор похожим больше на таверну или публичный дом, чем на королевский дворец. У Л. Толстого: Стива Облонский — «эпикуреец по складу характера»

Всего сто лет, уже сто лет

О чем писали русские газеты и журналы в сентябре 1878 года

Чем больше живет на земле род человеческий, тем больше и больше становится тяжесть его грехопадений... Ошибкой же нашего времени, и при том чрезвычайно грубой, опасной, служит то печальное обстоятельство, что слишком мало, немногими признается сам грех. Это непризнание греха выражается не в том, что человек старается извинить себя в тех или других недостатках и пороках, защитить или оправдать себя. Нет— оно состоит в явном, сознательном нарушении закона божьего, в намеренном увлечении себя по ложному, одностороннему направлению... Если обратиться к выдающимся частностям современного грехопадения, то на первом плане нужно поставить необузданную смелость, часто дерзость, в рассуждениях о вещах религиозных... Не здесь ли кроется причина той холодности, которая заметно обнаруживается по отношению к исполнению христианских обязанностей.

«Странник»

Древние ассирийцы.

Митрополит Мар-Хнанышу.

АССИРИЙЦЫ В ПРОШЛОМ

К. МАТВЕЕВ,
кандидат исторических наук

Недавно я встретился с человеком, назвавшим себя ассирийцем по национальности. Признаться, я прежде не слышал о таком народе, а мой новый знакомый мало что мне мог рассказать, только заметил, что они потомки древних ассирийцев и что этот древний народ упоминается в Библии. Нельзя ли узнать о них подробнее?

Л. Давыдов
г. Одесса

Изучая древнейшую историю человечества, мы нередко сталкиваемся с именами народов, которые, кажется, тысячелетия назад исчезли с лица земли. Встречаются имена исчезнувших и существующих народов и в Библии — ведь мы знаем, что в этой книге наряду с фантазиями и мифами есть и конкретные исторические сведения и факты. Разумеется, создатели Ветхого завета называют только те народы, с которыми они имели возможность общаться, — это народы, населявшие Переднюю Азию, Аравийский полуостров и Северную Африку. Упоминаются в Библии и ассирийцы.

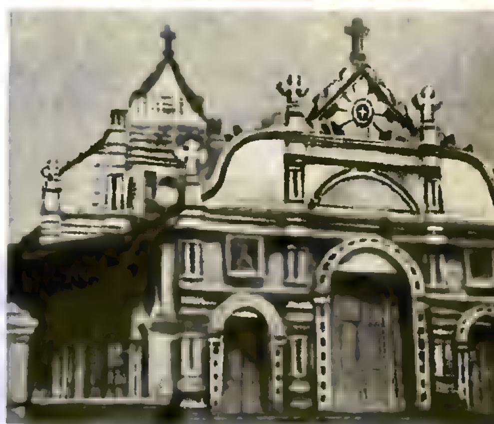
Какова судьба этого древнего народа, чье государство тысячелетия назад имело высокую культуру, славилось своей военной мощью и крупными завоеваниями? История рассказывает нам, что знаменитая Ассирия пала под ударами завоевателей в 605 году до нашей эры. Однако ассирийцам удалось избежать судьбы многих покоренных народов, которые прекращали свое существование вместе с падением своего государства. Ассирийцы сохранили свои поселения вокруг Ниневии, Дур-Шаррукина, Кальху, Ашшура, Кар-Тукульти-Нинурта, жили обособленно, оберегая свои традиции и обычаи.

Упоминания о том, что ассирийцы не были уничтожены завоевателями, встречаются у Диодора Сицилийского, у Геродота, Страбона и многих других древних авторов. Еще в парфянское время жители города Ашшура — ассирийцы поклонялись своему богу и придерживались своих традиций. Есть упоминания об ассирийцах и в рассказах о походе римского императора Траяна (II в. н. э.) против Парфянской державы. Полагают, что он использовал их как наемников в своих войсках.

Исторические источники позволяют вполне обоснованно считать современных ассирийцев, проживающих в ряде стран, в том числе и на территории СССР (у нас их называют иногда айсорами), прямыми потомками знаменитых древних ассирийцев. Связь между ними прослеживается вплоть до последнего времени. Причем большинство из них, особенно те, кто живет в странах Ближнего Востока, донесли до наших дней многие традиции, обычаи, культуру своих древних предков. Этому в значительной степени способствовало то, что ассирийцы рано приняли христианство. Они были в числе первых христиан, а к 225 году у них насчитывалось в Персидском царстве уже около 20 епархий. Жили они обособленно, в горах и других малодоступных районах, окруженные народами, исповедовавшими другие религии — мусульманство, зороастризм, буддизм, не ассимилируясь в их среде. Ученые считают ассирийцев наименее смешанными представителями семитских народов. Верность христианству была в то время для этого угнетенного народа формой социального протеста.

С I века нашей эры до первой четверти IV века отношение к ассирийцам со стороны персидских царей было более или менее терпимым. После того как христианство стало государственной религией соседней с Персидским царством Византии, их стали счи-

Ассирийская церковь в Индии.

Ассирийцы Ирака принимали участие в демократическом движении 1958 года. Девушки-ассирийки несли караульную службу.

Ассирийские храмы строились как крепости (XIV в.).

Древний крест ассирийцев.

Реконструкция ассирийской церкви святой Марии в Иране.

Священник среди своей паствы в ассирийском поселке Ирака.

тать врагами страны и жестоко преследовали.

В 431 году в городе Эфесе состоялся III Вселенский собор, на котором был осужден константинопольский патриарх Несторий, утверждавший, что в Христе больше человеческого естества, чем божественного начала. А раз это так, говорил он, то деву Марию следует называть не «богородицей», а «христородицей».

Ассирийцы, жившие в Сирии, восприняли еретическое учение Нестория, которое, как многие ереси, вновь явилось формой социального и политического протеста против угнетателей — в данном случае против греческого засилья в стране. А вслед за ними несторианами стали и ассирийцы Ирана. У них были для этого иные мотивы — им надо было как-то отмежеваться от государственной религии, враждебной Персидскому царству Византии и таким образом ослабить гонения, которым они подвергались в стране. Быстрому распространению среди ассирийцев несторианства способствовало и то, что руководители ассирийцев-несториан Ива и Тума Бар-Савма, преследуемые Византией, бежали со своими сторонниками в Персию. Здесь они нашли поддержку со стороны царя Пероза, объявившего несторианство обязательным для всех ассирийцев своей страны.

Бар-Савма активно внедрял несторианство среди соплеменников. Бывало, что снаряжались военные экспедиции против ассирийцев, придерживавшихся ортодоксального христианства.

В 496 году в городе Селевкии состоялся собор, где несторианство было объявлено официальной религией ассирийцев Персии и был избран первый ассирийский патриарх. С того времени ассирийская церковь стала называться церковью Востока, а глава ее — патриархом-католикосом Восточной церкви.

История народов говорит о том, что религиозная идеология всегда подавляла свободную мысль, а представления, не согласующиеся с учением церкви, объявлялись ересью. Подлинное знание пробивало себе дорогу только в упорной и длительной борьбе с религией. Такое же положение безусловно было и у ассирийцев. И у них, как и у других народов, религия мешала правильному миропониманию, стояла на пути развития науки. Однако ассирийские священнослужители не отвергали науку вообще, не объявляли врагами религии своих ученых, так как в научных знаниях они усматривали определенный путь к сносному существованию в обществе, где ассирийцы были на положении угнетенных.

В ассирийских школах тогда преподавались не только религиозные предметы, но и география, астрономия, математика, сельское хозяйство, медицина, иностранные языки и их диалекты. Выпускников этих школ посылали в различные страны Азии, где они, как люди ученые, врачевали, служили придворными астрологами, учителями и т. п. и при этом были активными пропагандистами несторианства.

Отношение персидских царей к ассирийцам часто менялось в зависимости от личных капризов, внутренних и внешних условий и т. д. В последние десятилетия правления Сасанидов они в очередной раз подверглись жестоким го-

Современный ассириец в национальной одежде.

нениям и поэтому арабских завоевателей встретили как своих спасителей. Кстати, задолго до этого они установили хорошие отношения с арабами. Знакомство с ассирийцами пророка Мухаммеда — исторический факт, засвидетельствованный и в ассирийских, и в европейских источниках.

Время до нашествия Тимура было периодом расцвета культуры и учености среди ассирийцев. Особых успехов они добились в медицине — ассирийские лекари славились на всем Арабском Востоке.

С нашествием монголов на ассирийцев обрушилась новая волна преследований. Завоеватели ассирийцев-христиан уничтожали. Уцелели три небольшие группы ассирийцев: первая из них бежала в Индию (на Малабарское побережье), где присоединилась к своим единоверцам и соплеменникам, вторая — на остров Кипр, а третья, наиболее значительная, вместе с патриархом укрылась в горах Курдистана.

В скором времени на ассирийцев обратила свое внимание католическая церковь. В XVI веке во многих районах Ближнего Востока появились уже целые католические миссии. Из Багдада и Мосула папские миссионеры совершали частые поездки в горы, где использовали любой случай, чтобы посеять рознь между ассирийцами и курдами и таким образом вынудить несториан прибегнуть к защите «сильной руки» папы.

Деятельность агентов Рима вскоре принесла свои плоды. В 1532 году часть ассирийцев отказалась признать законными выборы нового патриарха и избрала своего патриарха — сторонника Рима. Присоединившихся к католической церкви ассирийцев стали называть халдеями или ассиро-халдеями. Ассирийский патриарх автокефальной церкви, не признавший власть папы, вынужден был снова искать убежище в горах Курдистана. И до недавнего времени в память о первом основателе этой патриаршей резиденции в селе Кочаник (Турция) ассирийские несторианские патриархи при восшествии на престол принимали его имя — Мар-Шимун (святой Симон).

В это время окончательно оформилась своеобразная теократическая форма самоуправления у ассирийцев-несториан, живших в тогдашней Османской империи и в Иране.

В ассирийской общине в этих странах вплоть до начала XX века сохранялся феодальный строй с сильными пережитками родоплеменных отношений. Земля в основном принадлежала патриарху, маликам (князьям), представителям духовенства всех рангов.

Духовным и светским главой ассирийцев-несториан был патриарх. Власть его была практически неограниченной. Ассирийские патриархи не вступают в брак, не едят мясную пищу и даже мать будущего патриарха не ест мясо во время беременности. До недавнего времени у ассирийцев Турции и Ирана патриарший сан был наследственным.

Вторым человеком после патриарха у ассирийцев-несториан считался митрополит (Матран), или «сеймана д Мар-Шимун» (посвящающий Мар-Шимуна). Сан митрополита тоже был наследственным и всегда принадлежал одной семье.

Рангом ниже митрополита были епископы, также, как правило, происходившие из одних и тех же родов. Каждый из избранных епископов руководил вверенной ему епархией. Перед первой мировой войной у ассирийцев их было восемь: четыре в Османской Турции и четыре в Иране. Пост епископа переходил по наследству — от дяди к племяннику.

Для содержания высшего духовенства ассирийцы платили ежегодную подать. Штрафы с населения тоже шли в его пользу. К этому можно добавить, что во время поездок епископов по ассирийским селам им преподносились богатые подарки. Начиная с 1909 года турецкое правительство стало платить ассирийскому патриарху ежемесячно 15 турецких лир.

На ступеньку ниже в церковной иерархии стояли архидиаконы, затем диаконы, священники и чтецы. Избирались они на народных собраниях и затем утверждались епископами, которым и подчинялись.

Светскими руководителями ассирийцев были малики (князья). Пост малика переходил по обычаю от отца к сыну или в случае бездетности — к брату. В выборах маликов принимала участие только знать. Однако малик мог занять пост лишь после согласия и утверждения патриарха Мар-Шимуна. В документе, подписанном им, говорилось: «Мы одобряем, избираем его и делаем маликом для вас, а вы будьте послушны ему». Во время церемонии ввода малика в должность патриарх вручал ему саблю, винтовку и дорогой подарок. Малики получали большую власть от патриарха. Им вменялась ответственность за порядок в своих маликствах перед Мар-Шимуном, они должны были оборонять княжества и ассирийские села, собирать через старост и советы старейшин деревень подати для патриаршей казны. Они могли чинить свой собственный суд и лишь в наиболее важных вопросах обращались к патриарху.

Как правило, у ассирийских маликов были большие наделы земли, пастбища в горах, много скота. Для охраны стад и обработки земли малик использовал своих родственников и нанимал соплеменников — бедняков. Словом, у себя в округе они были полновластными феодалами.

Как уже говорилось, феодальный строй с пережитками родоплеменных отношений сохранялся у ассирийцев, живших обособленно своей общиной, во главе со своим патриархом в Иране и Турции, вплоть до первой мировой войны. Однако развитие капиталистических отношений, проникновение разного рода колонизаторов на Ближний Восток сказывалось на судьбах ассирийцев. В XIX веке к ассирийцам снова устремились взоры католической церкви, которая видела возможность создать с их помощью оппозицию в странах, интересующих западных колонизаторов. Проповедники из Англии и США стали вести усиленную работу среди ассирийцев. Они немало, например, постарались, чтобы национальная и религиозная рознь между близкими соседями ассирийцами-христианами и курдами-мусульманами доходила до кровавых столкновений.

И все же несмотря на то, что западные миссионеры всеми силами пытались завоевать доверие ассирийцев, усиленно посещали их в самых отдаленных горных уголках, строили для них школы, семинарии, колледжи, больницы, они не могли заставить ассирийцев полностью поверить в свои благие намерения. Один из руководителей английской миссии писал архиепископу Кентерберийскому: «Среди ассирийцев не найдется ни одного человека, которому мы могли бы абсолютно и полностью верить».

Национальный и религиозный гнет в Османской Турции и Иране, высокая концентрация населения, земельный голод, нещадная эксплуатация, отсутствие промышленности, постоянного заработка, высокие налоги вынуждали тысячи ассирийцев искать счастье на чужбине.

На ассирийцев, живших в Иране и Турции, обращала свои взоры царская Россия. Царизму было ясно, что христиане — «братья по вере» могут оказать ему услуги в его захватнических планах на Ближнем Востоке. В то же время для угнетенных ассирийцев Россия была наиболее близкой христианской державой, к тому же часто воевавшей с Турцией и Ираном. Вот почему они традиционно связывали с Россией надежду на освобождение. Еще во время русско-персидской войны 1826—1828 годов ассирийцы оказывали серьезную помощь русской армии, особенно в качестве проводников. За это русское правительство разрешило «ста дымам» ассирийцев переселиться в пределы Закавказья. Вблизи Еревана, в селах Койласар, Двинайсор, Гель-айсор, Арзни, Шахрияр потомки тех переселенцев живут и сейчас.

Часть ассирийцев переселилась в Грузию по приглашению грузинского царя Ираклия II еще во второй половине

XVIII века. Здесь они осели в городах и в районе Мхцети, в селе Мухрани (сейчас Дэвели-Канда).

Для ассирийцев, переселившихся в Россию, наступил период относительно спокойной жизни. В то же время связь между ними и ассирийцами за рубежом не прерывалась.

25 марта 1898 года в Александро-Невской лавре в Петербурге торжественно проходила встреча ассирийской делегации, прибывшей сюда по поводу присоединения части ассирийцев Ирана к русской православной церкви.

Успех русской церкви заставил европейских и американских миссионеров забыть о своих разногласиях и активизироваться. Они дружно принялись разжигать национализм ассирийцев, сеять среди небольшого народа иллюзии, что в случае войны с Турцией европейские державы и США помогут ему сбросить многовековой османский гнет и восстановить свое государство — Ассирию. К тому же в этот период (1912—1913 гг.) балканские страны, воевавшие с Турцией, довольно быстро нанесли ей поражение. Участие в будущей войне против Османской империи стало казаться многим ассирийцам делом легким и надежным. Вспыхнуло восстание. В него были втянуты не только ассирийцы, но и другие угнетенные Турцией народы.

Турецкая империя жестоко подавила это выступление, буквально погасила его кровью повстанцев. Половина всех ассирийцев, около 500 тысяч, были уничтожены. Немногим удалось бежать, часть их попали в Россию, часть рассеялись по странам Ближнего и Среднего Востока, Европы и Америки.

Однако империалисты по-прежнему пытались использовать ассирийцев в своих захватнических планах на Ближнем Востоке. В Иране, например, в 20-х годах нашего века из ассирийцев составляли специальные воинские части, охраняющие нефтяные богатства английских монополий. Но с 30-х годов ассирийское национально-освободительное движение здесь стало частью демократического движения курдов и других прогрессивных выступлений народов Ближнего и Среднего Востока. Немалую роль ассирийцы Ирака сыграли в свержении ненавистного королевского режима в 1958 году, принимая участие в революции, провозгласившей ликвидацию дискриминации в отношении национальных меньшинств в стране.

По-другому сложилась судьба ассирийцев, оставшихся в Иране. Здесь, в районе Урмии и Тебриза, осталось приблизительно 30—40 тысяч ассирийцев, влачивших жалкое, нищенское существование. К тому же по наущению англичан их преследовали персидские власти — английские империалисты стремились и этих ассирийцев увести в Ирак, как это они сделали с частью их соплеменников в годы первой мировой войны.

Видя безысходность своего положения, иранские ассирийцы обратились к правительству РСФСР с просьбой разрешить им переселиться в Советскую Россию. В телеграмме советскому консулу от народного комиссара по иностранным делам Чичерина, датированной апрелем 1922 года, говорилось:

«Правительство РСФСР рассмотрело ходатайство Мар-Илии в отношении 25 тысяч ассирийцев, пожелавших выехать в Советскую Россию, и постановило пропустить их на территорию Закавназья или на территорию Северного Кавказа или нуда им будет угодно и где они сами выберут местожительство.

Советсное правительство гарантирует бесплатный проезд до местожительства. Каждая семья получит 700 рублей наличными единовременно, с уплатой государству в течение 5 лет.

Каждой семье будут отпущены дополнительные средства на постройку жилищ в виде лесоматериалов, кирпича и т. д.

Бесплатно будут отведены земельные участки.

Будет предоставлен скот для работы — волы или лошади и, кроме того, по корове на семью.

Пять лет не будут взиматься никакие налоги...»

Ассирийцы с радостью и благодарностью восприняли эту весть. Однако министерство иностранных дел Ирана отказало им в визах. И все же этот шаг Советского правительства возымел действие — иранские власти умерили преследования ассирийцев. Им было разрешено переселиться на свои старые места — в Урмию, Саллас и др.

Ассирийцы, живущие теперь в СССР, — потомки переселенцев из Турции и Ирана (XVIII в. и 1828 г.) и беженцев из Турции и Ирана (1914 г.). Число их по переписи 1970 года — более 24 тысяч человек.

Советская власть создала все необходимые условия для осуществления ленинской национальной политики, ликвидации национального угнетения и установления отношений дружбы, равноправия и содружества между населяющими страну народами.

В многонациональной семье народов СССР ассирийцы — небольшая народность, однако они пользуются всеми правами и свободами, предоставленными советским людям. Сыны и дочери ассирийского народа — несколько тысяч человек — сражались плечом к плечу с другими народами нашей Отчизны против фашистов в годы Великой Отечественной войны. Многие из них за ратные подвиги были награждены орденами и медалями, двое удостоены звания Героя Советского Союза, трое стали генералами.

Сегодня ассирийцы, живут в нашей стране полноценной, полноправной жизнью, являясь частью новой социалистической общности людей — советского народа — и сохраняя свои лучшие обычаи и традиции.

Вот ассирийское село Димитров (колхоз имени Ворошилова) в Армении. Здесь живут 1200 человек. Колхоз здешний — высокопроизводительное многоотраслевое хозяйство с ежегодным доходом 4—4,5 миллиона рублей. Колхозники живут в добротных каменных домах, многие имеют собственные машины. Почти в каждом доме телевизор, приемник, холодильник, газ. В колхозе построена школа на 630 учащихся, со всеми необходимыми кабинетами, лабораториями. Есть физкультурный, актовый залы, мастерская и большой пришкольный участок. В школе введено преподавание родного языка, так же как и в других ассирийских селах Армении.

Что касается религиозности у ассирийцев, то она претерпела за годы Советской власти такие же изменения, какие произошли в православной среде в России. Дело в том, что почти все переселившиеся в Россию ассирийцы (они были в основном несторианe) приняли православие, процесс этот завершился к 1850 году. В ассирийских селах сегодня православные обряды соблюдают в основном представители старшего поколения.

Жизнь показала, что лишь та часть ассирийского народа, которая в свое время переселилась в Россию, обрела здесь после победы Великой Октябрьской социалистической революции свою настоящую родину. В содружестве с другими большими и малыми народами СССР, равные среди равных, ассирийцы активно участвуют в строительстве коммунистического будущего.

Всего сто лет, уже сто лет

О чем писали русские газеты и журналы в сентябре 1878 года

В Нижнем Новгороде происходил съезд представителей единоверия... Святейшему синоду представлена подробная докладная записка по затронутым вопросам: «...80 лет назад старообрядцы всеподданнейше просили о даровании им церквей и священников по старым книгам и обрядам... «Быть по сему», — написано на их прошении, которое, как святыня, хранится в подлиннике при московской единоверческой троицкой церкви... К сожалению, сие разрешение и благословение старого обряда доселе остается не обнародованным от святейшего синода никаким нарочитым актом в прямых и ясных выражениях; с другой стороны, все мероприятия церковного правительства, с тем вместе и духовная литература относительно нас, единоверцев, то есть единоверческой церкви, ее духовного преуспеяния с ее старым обрядом, видимо, противоречат разрешению и благословению... Таковая неопределенность всегда лежала и лежит тяжким бременем на совести единоверцев... И мы, уполномоченные от единоверческих обществ, и частные лица, нарочито собравшиеся в нижегородской ярмарке... сим покорнейше просим святейший правительственный синод... учинить решение и, согласно нашей просьбе, обнародовать свое святейшее разрешение и благословение нарочитым актом в точных и ясных выражениях».

«Голос»

В этом году на Международном кинофестивале в Монте-Карло всеобщее признание получил телевизионный фильм режиссера Г. М. КАЛАТОЗИШВИЛИ «Кавказский пленник». Этому фильму единогласно присужден Большой приз жюри Международной критики. Наш корреспондент А. Романов попросил Георгия Михайловича рассказать о своих последних работах.

Перенести на экран любое произведение Льва Толстого — это всегда решение уравнения со многими неизвестными. Да, именно неизвестными, хотя и фактура, и история создания литературного первоисточника, казалось бы, давным-давно известны. Разумеется, я один из тех бесчисленных миллионов читателей, кто с раннего детства помнил рассказ о попавших в плен к горцам русских офицерах Жилине и Костылине. Включенный писателем в «Четвертую русскую книгу для чтения», «Кавказский пленник» предназначался прежде всего детям. Отсюда поразительная прозрачность изложения, лаконичная емкость образов. Толстой очень любил эту вещь, считал одной из лучших, рассматривал как образец приемов языка, которыми надо «писать для больших».

Но ведь это лишь один пласт. А вот другой — реальный эпизод, случившийся 120 с лишним лет назад. Жарким июньским днем Толстой с несколькими офицерами, отделившись от отряда, ехал неспешно в крепость. Неожиданно наткнулись на отряд чеченцев. У Толстого был прекрасный кабардинский иноходец, ускакать по верхней дороге можно было без труда. Но он не бросил товарища, дал знать другим, проявив, в который уже раз, почти сумасбродную храбрость.

Разве не важна для меня как режиссера эта прелюдия литературного «Кавказского пленника»! Вот откуда поразительная писательская жизненность, точность, верность правде. Мы долго искали натуру. Нашли, наконец, почти заброшенный аул в Северной Осетии — Смиты. Подлинные высокогорные постройки, глубокое ущелье, пенистый бурный поток одного из притоков Терека. Кажется, Короленко сказал, что мир Толстого залит солнечным светом, простым и ярким, где все отражения по размерам, пропорциям и светотени соответствуют явлениям действительности. Прямо наказ кинематографистам! Но ведь все-таки главное, толстовское — исследование и раскрытие неисчерпаемых людских глубин. «Вглядитесь в лица, в осанки и в движения этих людей, — писал Толстой о тех, с кем вместе, бок о бок участвовал в жарких боях. — В каждой морщинке этого загорелого скуластого лица, в каждой мышце, в ширине этих плеч... в каждом движении, спокойном, твердом, неторопливом, видны эти главные черты, составляющие силу русского, — простоты и упрямства... Кроме этих главных признаков, проложили еще следы сознания своего достоинства и высокой мысли и чувства».

В одной из статей «Литературной газеты» подробно писалось, что и зрители в многочисленных письмах, и критики, отмечая безыскусность и нравственную глубину картины, обратили внимание на точность, почти буквальную верность ее толстовской прозе.

«Так сердце у него и оборвалось, — заканчивает повесть Л. Толстой. — Замахал руками, закричал что было духу своим «Братцы! Выручай! Братцы!» Услыхали наши, — выскочили казаки верховые. Пустились к нему — наперерез татарам... Испугались татары, — не доезжаючи, стали останавливаться. И подбежал Жилин к казакам».

Для меня чрезвычайно важно было сохранить абсолютно ткань повествования, не опустить и не заменить что-либо, а лишь подать, осмыслить, может быть, в чем-то по-новому сделать акценты. В финале фильма вконец обессилившего Жилина, который рвется к своим, настигают на конях горцы. Видя, что беглеца можно достать лишь пулей, один вскидывает винтовку, Но другой, в момент выстрела, бьет плетью по стволу, сохраняя жизнь мужественному противнику. Думаю, такая кинематографическая «вольность» в ладах с глубоким жизнелюбием Толстого, его миросозерцанием.

Критик отмечал, что новый эпизод на экране усилил глубину толстовской философии, дал зрителям еще один толчок к размышлениям.

«Поймите, — восклицал писатель, — что живет только он, народ, а вы со своими думами, министерствами, синодами... всеми этими глупостями только играете в жизнь, портите ее и себе, и другим».

Касаясь мировоззрения Толстого, нельзя обойти стороной отношение писателя к «православию, самодержавию и народности». Когда-то издатель Суворин заявлял, что «два царя у нас: Николай II и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой, несомненно, колеблет трон Николая и его династию».

Да, создающий песни сильнее создающего законы. Эта не новая истина применима ко многим великим художникам. Гениальный писатель опережает свою эпоху, выходит из-под безжалостной, ничего не щадящей власти времени, дает пищу для размышлений новым и новым поколениям.

В «Кавказском пленнике», небольшом по объему, бесхитростном по изложению, такая поразительная неисчерпаемость «вечных тем»: отваги, трусости, долга, невольного уважения к сильному духом, мужественному врагу. И любви, самой чистой, безответной, удивительной. Жительница дикого аула, девочка, почти ребенок, растущая среди молчаливых, суровых скал и таких же непреклонных мусульманских нравов, легкая и бесшумная, как летучая мышь, полюбила беззащитного пленника. Он — чужой, гяур. Но для ребенка важнее всего, что русский офицер — добрый, что как-то легче и веселее жить, зная, что рядом живет он. Пусть в неволе — в темнице, яме, но живет. И когда ребенок узнает, что роковая сила сословных, религиозных пережитков может оборвать хрупкую нить существования пленника, девочка помогает Жилину бежать.

Фильм «Кавказский пленник» тепло встречен в разных странах мира. И объяснение тому — гениальный литературный первоисточник, созвучность идей Толстого нашему времени, все та же неисчерпаемая глубина мыслей и чувств.

Я закончил двухсерийный фильм по повести Толстого «Казаки». Первая часть названа «Оленин», вторая — «Марьяна».

Толстой, как известно, работал над повестью долго, с большими перерывами, создал массу сюжетных вариантов, дополнений к образам. На мой взгляд, главный персонаж этого произведения — казаки, людская масса, удивительный сплав самых противоречивых, неповторимых лиц и характеров.

Оленин приезжает в далекое казачье поселение по собственной воле, стараясь сбежать от внутренней неудовлетворенности. У писателя много отступлений, касающихся мировоззрения героя, его отношения к новой, чуждой ему среде, природе, людям. Кинематографически такие моменты решать всегда особенно сложно, тут невозможно ограничиться голосом за кадром. Что бы там ни было, уникальная ткань толстовского повествования должна быть сохранена. Ведь не случайно Тургенев назвал повесть шедевром повествовательной литературы. Мне как режиссеру предельно емкой представляется оценка «Казаков» Роменом Ролланом в его книге «Жизнь Толстого», где повесть сравнивается с самой высокой вершиной, с лучшей песней юности.

«Снежные горы, вырисовывающиеся на фоне ослепительного неба, наполняют своей гордой красотой всю книгу. Произведение непревзойденное, ибо в нем впервые расцветает толстовский гений. «...Всемогущий бог молодости, — говорит Толстой,— неповторяющийся порыв». Какое весеннее половодье чувств! Какая сила любви!»

Этот безбрежный мир красок, ощущений, любви, мир исканий, мыслей, творчества так безвременно, нелепо обрывает война. Величайший гуманизм Толстого проявляется в глубоком неприятии, осуждении, отрицании кровопролития. Вот в «Казаках» Лукашка, бледный, как платок, держит раненого противника, крутит ему руки, крича: «Не бей его! Живого возьму!» Через секунду недосмотревший Лукашка получает пулю в упор.

«На животе у него показалась кровь. Он вскочил, но опять упал, ругаясь по-русски и по-татарски. Крови на нем и под ним становилось все больше и больше. Казаки подошли к нему и стали

Кадры из кинофильмов «Кавказский пленник» и «Казаки».

распоясывать. Один из них, Назарка, прежде чем взяться за него, долго не мог вложить шашку в ножны, попадая не тою стороной. Лезвие шашки было в крови».

Писатель показывает, что даже люди отчаянные, не боящиеся смотреть смерти в глаза, не могут свыкнуться с бессмысленностью убийства, с жестокостью, с тем, что лишают кого-то жизни, обрывают шашкой ли, пулей существование, нередко очень тяжелое, но единственное.

В фильме «Казаки» тоже есть небольшое отступление от текста. Во время стычки с казаками, среди крови, убитых и грохота выстрелов, часть чеченцев молятся, ожидая помощи Аллаха. Но ждать ее, разумеется, бесполезно.

Любому постановщику, когда бы, где бы и как бы ни осмысливал он и творчески ни воссоздавал написанное гениальным писателем, следует помнить об одном важном высказывании Толстого. В своем ответе синоду один из величайших за историю цивилизации мастеров слова формулирует свое категорическое убеждение в том, что «учение церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же собрание самых грубых суеверий и колдовства...».

Только жизнь, реальная, земная, с ее болями, радостями, печалями, с ее лишь один раз данными возможностями, была, есть и будет смыслом существования каждого, кто носит гордое имя — Человек.

Юбилейное «интервью»

Гениальный писатель тем и отличается от обычного человека, что разговаривать, советоваться с ним можно спустя много лет. Великие литераторы, мыслители не стареют и тогда, когда им исполняется 150 лет. Свидетельством этому может служить «интервью» с Львом Николаевичем Толстым по вопросам искусства.

— Каким станет искусство будущего? В какой степени оно будет отличаться от нынешнего? Кто станет творцом нового искусства?

Л. ТОЛСТОЙ. «Искусство будущего не будет продолжением теперешнего искусства, а возникнет на совершенно других, новых основах. Искусством будут считаться только те произведения, которые будут передавать чувства, влекущие людей к братскому единению, или такие общечеловеческие чувства, которые будут способны соединить всех людей. И ценителем искусства вообще не будет, как это происходит теперь, отдельный класс богатых людей, а весь народ. Для того, чтобы произведение было признано хорошим, было одобряемо и распространяемо, оно должно будет удовлетворять требованиям не некоторых, а требованиям всех людей, больших масс людей, находящихся в естественных трудовых условиях.

Художниками будут тоже не так, как теперь, только те редкие, выбранные из малой части всего народа, люди богатых классов или близких к ним, а все те даровитые люди из всего народа, которые окажутся способными и склонными к художественной деятельности. Деятельность художественная будет тогда доступна для всех людей».

— Но ведь уровень развития художника, как правило, выше уровня развития масс. Так, во всяком случае, утверждают многие. Народ часто не в состоянии понять творца...

Л. ТОЛСТОЙ. «Говорят: произведения искусства не нравятся народу, потому что он неспособен понимать их. Но если произведение искусства имеет целью заражение людей тем же чувством, которое испытал художник, то как же говорить о непонимании? Вольтер говорил, что все жанры хороши, кроме тех, которые скучны. С еще большим правом можно сказать... что все роды искусства хороши, кроме того, которое непонятно или не производит действия».

— Время в XX веке бежит быстрее, чем в XIX. Меняются представления, не все поспевают за новым. Возможно, потому и непонятно новое искусство? Ведь не всем доступны тонкости в достижениях современной науки. Такие же тонкости существуют и в искусстве стиля «модерн».

Л. ТОЛСТОЙ. «В наше время невежество образованной толпы дошло уже до того, что все настоящие великие мыслители, поэты, прозаики, как древности, так и XIX века, считаются отсталыми, не удовлетворяющими уже высоким и утонченным требованиям новых людей; на все это смотрят или с презрением, или с снисходительной улыбкой... Бессмысленный, искусственный набор слов, соединенный размером и рифмой, считается поэзией; на всех театрах даются пьесы, смысл которых никому, не исключая и автора, неизвестен, и в миллионах экземпляров печатаются и распространяются, под видом художественных произведений, романы, не имеющие в себе ни содержания, ни художественности... Как бы ни называли себя ученые и художники, придумывающие новые пушки и взрывчатые вещества, сочиняющие похабные оперетки или такие же похабные романы, мы не имеем права называть всю эту деятельность деятельностью науки и искусства, потому что деятельность эта не имеет целью благо общества или человечества, а, наоборот, направлена ко вреду людей».

— И последний вопрос. В чем идеал художественной деятельности?

Л. ТОЛСТОЙ. «Деятельность художественная, в ее настоящем смысле, только тогда плодотворна, когда она не знает прав, а знает одни обязанности».

В «интервью» использованы цитаты из произведений Л. Н. Толстого: «Что такое искусство?», «Так что же нам делать?» и др.

АПН.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

14

Василий Петрович умер.

За год до смерти почувствовал он первые признаки болезни, той самой, которая раньше называлась скоротечной чахоткой. За год до смерти, когда работал над последним своим памятником, вернее когда уже заканчивал работу, начал он покашливать сухо и неприятно. И все сперва думал, что от курева. Даже папиросы бросил и перешел на дорогие сигареты с фильтром. Но это не помогло. С каждым днем кашель все усиливался, сделался мокрым, продолжительным и изматывающим. Начал Василий Петрович по ночам потеть, а днем уставать, с лица таять и наконец обратился к врачам. Те осмотрели его под рентгеном и без всяких разговоров направили в туберкулезный санаторий под Москву. Оттуда его как тяжелобольного перевели в Крым, но и это не помогло. Только год, по сути дела не вылезая из больниц и санаториев, протянул Василий Петрович. Уж очень была запущена болезнь. И организм немолодой. Совсем немолодой и небереженый, как говорится.

Болезнь особых неприятностей ему не доставляла, не считая, конечно, кашля, но болеть, а особенно валяться по санаториям Василию Петровичу не нравилось. И все бы ничего, но извелась душа за последний, окончательный, пятый по счету памятник.

Когда Василий Петрович убедился, что гранитный обелиск никуда не годится, он не отчаялся, как после неудачи с плитой, но и не бросился, однако, приобретать новый материал. На собственной шкуре он убедился теперь, что камень, а в особенности гранит не терпит торопливости и легкомыслия и наказывает за это самое легкомыслие больно — месяцами работы, брошенной псу под хвост.

Из умных книжек, читанных длинными зимними вечерами под душистый чаек у себя в мастерской, узнал Василий Петрович, что обычно, прежде чем приступить к натуральному камню, скульпторы выполняют работу из глины и смотрят, что получилось. Потому что никакие рисунки, пусть даже в натуральную величину, настоящего представления о вещи не дают.

Достал он через скульптурный комбинат глины, соорудил настоящий скульптурный станок и, подумывая между делом о новом памятнике, стал тренироваться в лепке.

Нельзя сказать, что поначалу это ему легко давалось. Все-таки руки привыкли к рубящему, режущему и строгающему инструменту, а тут приходилось лепить. И тут, правда, был инструмент, приобретенный Василием Петровичем за приличные деньги в специальном магазине для художников, но уж больно он был непривычный... Но то ли со страху, то ли еще как, но вылепил Василий Петрович свою голову и вылепил хорошо. И насчет инструмента приспособился. Работал больше резцами. Прилепит бесформенный кусок глины и обрабатывает резцами и стеками, словно дерево. Ничего, приспособился. Пошло дело. Даже понравилось на новенького. Настолько понравилось, что надумал вылепить себя во весь рост.

В том же скульптурном комбинате выяснил он, как вообще делаются статуи и, в частности, бронзовые. Даже посмотрел, как мастера на заводе их отливают по заказу. Очень ему захотелось изобразить себя в полный рост и потом на заказ отлить из бронзы. Если взять этот материал на прочность, размышлял он, то мрамору не уступит. И по прочности, и по долговечности. Во всяком случае, на мой век хватит.

Хоть и мягче глина, чем, скажем, гранит, но работы с ней не меньше. Ее все время хочется переделывать. Вот в чем беда.

Сначала Василию Петровичу переделывать было жалко. Но постепенно пристрастился к переделкам, да так, что стал пропадать в мастерской целыми днями и ночами. Редко когда ночевал дома, в те лишь дни, когда работа не шла. Сперва очень злился в такие дни Василий Петрович. Он и раньше слышал разговоры насчет вдохновения, но значения им не придавал, и считал, что все от лени. Не хочется человеку работать, вот он и придумывает... Теперь же он на собственном опыте убедился, что это штука довольно реальная и, более того, очень тонкая и капризная.

Вот ведь сошло на него натуральное вдохновение, и он буквально за две недели вылепил свой портрет. Часами потом вглядывался в зеркало и сравнивал — две капли воды. И даже размеры соблюдены. За размерами Василий Петрович почему-то особенно ревниво следил. Тщательнейшим образом перед зеркалом он измерил свою голову похищенным у жены портновским метром и записал цифры на эскизе рядышком с нарисованной головой.

А тем временем Петька его женился и привел в дом молодую жену Люсю. Ее специально предупредили насчет странных занятий Василия Петровича, и знакомство, которое состоялось лишь на третий день после переезда Люси в их квартиру, прошло легко и незаметно. Василий Петрович с легким любопытством оглядел сноху, помял ее руку своей мозолистой и, вспомнив, зачем пришел, взял, что было нужно, и отправился в мастерскую.

Как же получилось, что родной отец не гулял на свадьбе собственного сына? Может, свадьбы не было? Нет, свадьба была, да еще какая! Комсомольская. Справляли ее в клубе Петькиного завода и приглашал на нее Петька отца, правда, больше потому, что на заводе знали, что у него есть отец, и не позвать было просто неприлично. Но попало это событие как раз на самую горячку в мастерской, на самое, так сказать, вдохновение, и, выслушав приглашение, Василий Петрович согласно и доброжелательно закивал головой, продолжая думать о своем, потом как-то замотался с памятником и совсем забыл. А накануне свадьбы ночевал в мастерской и утром, когда надо было ехать в загс, не пришел, и Петька не пустил мать, которая рвалась в сарайчик за отцом. Припомнил, наверное, ту самую оплеуху, которую схлопотал безвинно, припомнил весь последний год и не пустил.

Литература, искусство

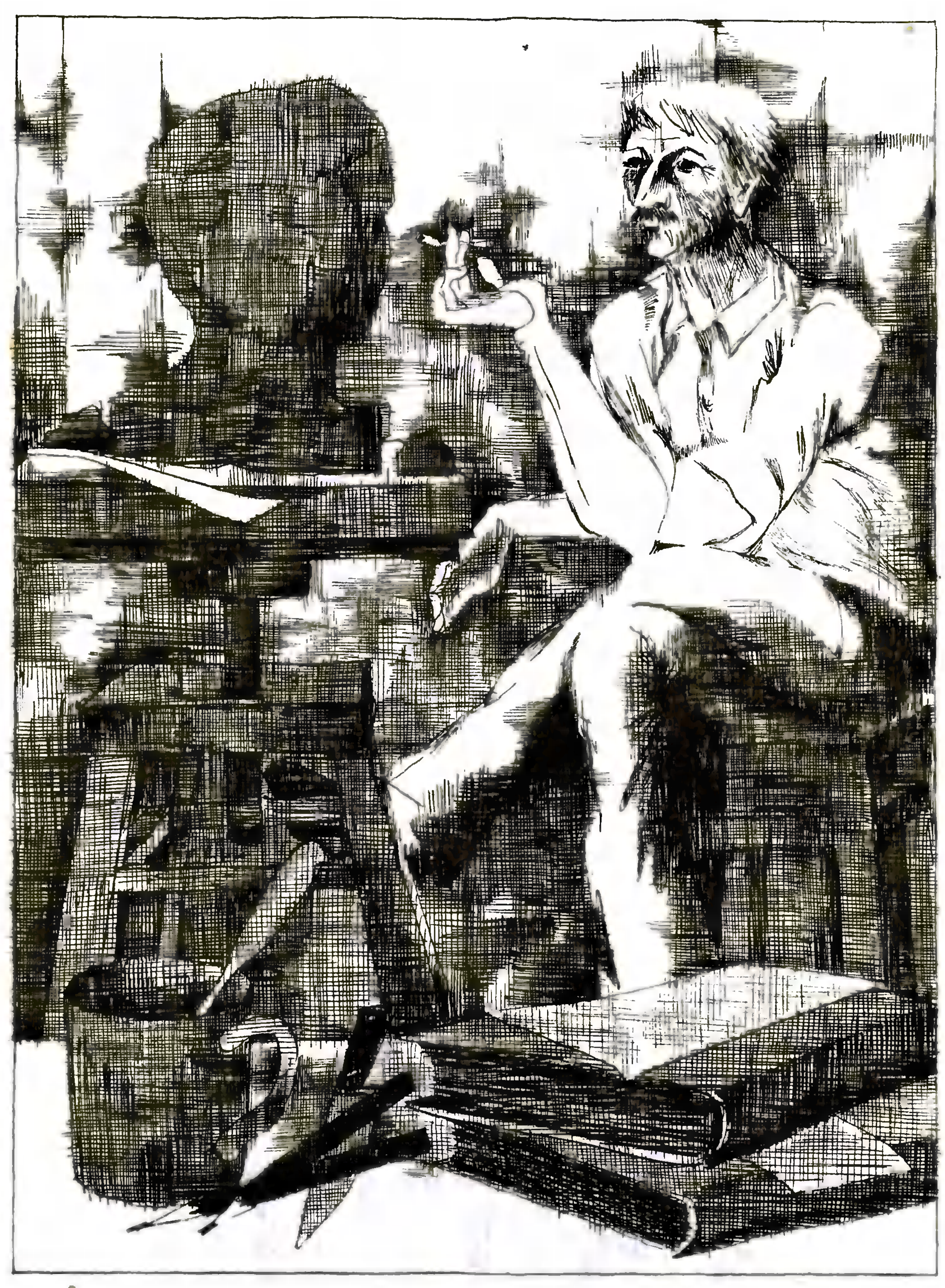
Ю. ПЕРОВ

Рисунки А. Бисти.

ПОВЕСТЬ

Окончание, начало см. в № 8.

ПАМЯТНИК

А Василий Петрович так и не вспомнил о свадьбе до самого знакомства с молодой снохой.

И в тот же самый момент Зина поняла, что у нее теперь нет мужа. И так горько ей стало, так беспросветно, что захотела она выплакать свое новое горе, но не смогла.

До последнего времени она все-таки надеялась, что пройдет это увлечение у Василия Петровича, что закончит он наконец все свои дела и вернется и станет прежним, добрым, тихим и внимательным. Опять будет смотреть футбол и хоккей по телевизору, засыпать на кинофильмах о любви, пить пиво по воскресеньям, приносить полностью получку и ходить вместе с ней покупать внучке подарки. Теперь надежды не стало. Пошла Зина на последнее средство. Поставила в их спальне раскладушку и стала ложиться отдельно. На это ее действие Василий Петрович сперва никак не отозвался, а потом спокойно предложил, чтоб она спала на кровати, а он будет спать на раскладушке.

Через два месяца он купил пружинный матрац и поставил его на ножки. И как ни в чем не бывало... Правду сказать, не придавал Василий Петрович этому событию соответствующего значения, а рассудил по-простому: мол, уж годы не те, чтоб в обнимку спать. У каждого своя привычка. Кто любит на боку, а кто на спине, а когда на спине спишь, то храпишь во всю ивановскую. Какой тут отдых человеку рядом?

Ему казалось, что он освоил глину, когда долепил портрет, на самом деле все было не так просто. И не в секретах всевозможных тут было дело, хотя и секретов было достаточно. Не мог он ее как следует почувствовать руками. Не принимала душа этот материал.

С собственной персоной, которую он собирался выполнить в полный рост и в натуральную величину, он мучился чуть ли не полгода. Сперва задумал он выполнить себя стоящим по стойке смирно, а уж потом надеялся придать рукам и ногам другое положение. Какое именно — ему и самому пока было неясно.

Это положение самого себя на постаменте, или, другими словами, позу, он искал долго и упорно. Не с рукой же за отворотом себя изображать. Что он, Наполеон, в самом деле? Больше того, он долго не мог решить, будет ли на нем пиджак, пальто или телогрейка. А если, скажем, пальто, то какого фасона?

Его собственное темно-синее пальто со светлым каракулевым воротником для изображения во весь рост явно не подходило, да и не нравилось в смысле обыкновенной носки оно Василию Петровичу уже давно. Так уж донашивал, потому что дорогое и теплое.

В конце концов он решил изобразить себя в рабочем комбинезоне, которого, строго говоря, у него никогда не было (фасон спецодежды на фабрике был совершенно другой), но который давал бы недвусмысленно понять, что под памятником захоронен рабочий человек.

Сперва хотел дать себе в руки топор. Долго думал, как бы его приспособить. Опущенным вдоль тела? Вроде, стоит человек, работу кончил и опустил уставшую руку с топором... А другую руку куда? С другой рукой ничего не получалось. В карман ее не засунешь... Хоть бы папиросу в руку, и то уж было бы легче. Но на кладбище с папиросой вроде неудобно.

Но нашел! Нашел, да еще как! И топор все-таки пригодился. Значит так, в общих чертах: стоит мастер, по топору видно, что деревянных дел, а плотник или столяр — это не важно, левую руку зацепил большим пальцем за лямку, рука же сжата в кулак. Это особенно нравилось Василию Петровичу, когда он репетировал перед зеркалом и с тихой гордостью рассматривал свой кулак, переплетенный жилами, как на картинке учебника, а следовательно, натруженный. Правая рука опущена вдоль туловища вместе с топором. И сжата она слегка, только-только чтоб удержать топор. Это должно показывать, что работа сделана, закончена и наступило расслабление. И жилы на правой руке столь же рельефны, но уже от усталости. Значит, правая — усталая и расслабленная, а левая — судорожно сжата в кулак и напряжена. Это должно говорить о том, что мысли все натянуты в душе мастера, как струны. Что хоть и кончилась работа, но мысли, рабочая горячка еще не отпустили.

А голова... Вот с головой тут самый главный фокус. Долго потел над головой Василий Петрович. Все ему хотелось поднять ее повыше, устремить в будущее. Хоть и неудобно было как-то устремлять, но ведь не опустишь... Не раб же он, а вполне сознательный советский рабочий. Передовик производства. А как только он ее задирал, еще на рисунках, так делалось ему не по себе. Становился весь памятник похож на скульптуру, какие обычно стоят по паркам культуры, на станциях метро и еще на крышах некоторых домов. Да, с головой была незадача. Просто проблема была с головой, и казалось, что неразрешимая. И вот как нашел он ее решение.

Стоял он задумавшись и рассматривал очередной эскиз, очередную творческую неудачу и случайно скосил глаза на зеркало, которое стояло рядом на полу. И увидел себя со склоненной на бок головой, с полными глубокого раздумья глазами.

Так и решил он проблему собственной головы. И еще больше склонил он ее на рисунке. И даже чуть-чуть вниз опустил и вперед самую малость подал. И именно наклончик вбок снял со всего облика приниженность, которой он так боялся. Ведь перед собственными мыслями не грех и склониться. Совсем другое значение появилось у всей фигуры. Стоит мастер. И не работу очередную закончил, а всю трудовую жизнь, и вглядывается, что же из-под его рук вышло, что же он такое сотворил, наработал. Оценивает свою жизнь и размышляет. Подводит итоги...

15

Вдруг Василий Петрович начал спешить. Если раньше он работал с чувством, с толком, в охотку, то теперь заторопился, будто делал работу к сроку.

Прежде всего стало понятно, что бронзовую статую он не потянет, не по карману...

Он развалил глиняного гиганта с топором в руке. Развалил, надо сказать, скрепя сердце, потому что, дело прошлое, работа у него вышла. И страшно себе представить, какая работа.

Глину он попробовал размочить в специальном ящике. Но глина не мокла и он ее выбросил.

Расчистил он мастерскую, вымыл пол и сел колдовать над блокнотом.

Дни шли, а ничего путного ни в этом блокноте, ни в другом, ни даже в третьем не появлялось.

Надоумил же его начальник цеха Борис Владимирович. Он однажды вел по цеху какую-то делегацию, да и не делегацию, а так, бывших однокурсников, и показывал им свое хозяйство. С особым удовольствием показывал Василия Петровича.

Остановились они неподалеку и перекрикивались, потому что работала в цеху циркулярка. Но вдруг циркулярка смолкла, а начальник то ли не смог сразу остановиться, то ли, увлекшись своей мыслью, не заметил, что внезапно стало тихо, и Василий Петрович ясно расслышал конец фразы.

— И нет ничего красивее этого, — кричал Борис Владимирович. — Мастерство — это гармония движений, а гармония — это и есть подлинная красота.

Потом начальник, конечно, опомнился и замолчал, но было поздно. Василий Петрович, конечно, понял, что речь шла о нем. О том, как он красиво работает. А он тем временем фуговал хорошую сосновую доску, и фуганок летал в его руках легко и стремительно, как ткацкий челнок. И, как челнок, вел кудрявую ленту стружки и обнажал ослепительное тело доски, ряд за рядом, с неукоснительной точностью, будто доска эта была заранее разлинована только одному мастеру видимыми линиями.

Долго еще гости вместе с Борисом Владимировичем любовались на его работу. А он еще наддал, повеселевший и окрыленный. Ему стала ясна тема будущего памятника.

Он работал и как бы со стороны наблюдал за собой и даже чуть-чуть улыбался, довольный тем, что вот начальник стоит любуется, а сам не знает, какую важную идею он только что подсказал.

В мастерской он прежде всего установил поудобнее зеркало, спасенное со шкафа Никиты Епифанова, достал фуганок, хватился — доски порядочной нет. Все израсходовал. Сбегал на стройку, достал доску и стал позировать. И стесав доску-сороковку чуть ли не до основания, он решил, что именно поясной портрет, именно с фуганком и именно на замахе он и будет делать. В натуральную величину и из гранита, лучше всего из серого и не полируя весь портрет, а только, в крайнем случае, руки, лицо и фуганок.

Он даже не стал рисовать, а приступил сразу к маленькой модели в глине.

Сноровку кое-какую он уже приобрел, и дело двинулось споро и весело. Во всем ощущалось то самое лихое настроение, которое он обычно испытывал, фугуя хороший, качественный материал.

С гранитом и с глиной для большой модели было сложнее. Денег не было. Опять пришлось залезть в долги на фабрике. Доставил он и глыбу и глину в мастерскую, все одним махом на одной машине и, еле переведя дух после разгрузки, приступил к лепке.

Принялся и спохватился, задумался. Куда он спешит, как на пожар? Никогда еще с ним не было так, чтоб приступал к работе, не перекурив предварительно, не поразмыслив, что и к чему... Ничего он не мог ответить на эти вопросы. Только твердо знал, что надо спешить.

Он не давал теперь себе ни минуты передышки. И не то чтоб торопился в самой работе, нет, он ее делал спокойно и вдумчиво, как и прежде, но теперь уж не прекращал, пока не валился от усталости на топчан. Чаще всего у него и сил не было подняться «туда на четвертый», «к ним» — так он теперь думал о своих.

Быстро, очень быстро он покончил с глиняной моделью. Одним духом, одним запоем покончил. И, не мешкая, взялся за гранит.

Дело было зимой, но доходило до того, что Василий Петрович открывал по ночам дверь настежь, не боясь выстудить мастерскую. Во-первых, он сам разогревался от тяжелой работы до такой степени, что, казалось, сунь его в сугроб — зашипит. Во-вторых, после того как он законопатил все дырки и щели, в мастерской стало трудно дышать. Каменная пыль и табачный дым, — а Василий Петрович, работая над скульптурой, курил почти беспрерывно — висели в воздухе часами. Доходило до того, что он начинал плохо видеть. Все было размыто, как в сильном тумане. Глаза ел дым, а на зубах скрипела гранитная пыль.

Опомнился от горячки Василий Петрович тогда, когда гранитная глыба стала отдаленно напоминать модель. Это еще не была скульптура, но уже чувствовался в ней замысел мастера. Просматривалась напряженная линия спины, стремительный взмах рук, набыченная голова... Посмотрел Василий Петрович на творение рук своих и опомнился.

В граните скульптура получалась еще динамичнее, еще жизненнее. Ничего каменного, застывшего в ее линиях не было. Того и гляди, выбросит мастер отведенные в сильном замахе руки и просвистит фуганок.

Часа три сидел Василий Петрович на своей табуретке, дымил и наблюдал, как дым перламутровыми слоями нанизывается на гранитную голову, а потом поднялся, извлек из дальнего угла лом и, потихонечку подваживая скульптурный станок вместе с незаконченным портретом, стал по вершку передвигать его в дальний угол, чтоб поставить рядом с пирамидкой.

Не такой был Василий Петрович человек, чтоб не понять, что нельзя ставить на кладбище вещь, в которой изображена сама жизнь, сама сила и движение. Это насмешка и над собой, и над всеми, кто закончил свои жизненные пути и теперь отдыхает здесь в покое, на конечной остановке.

В предыдущей модели была хоть какая-то идея, осмысление, а тут, как на грех, ни одной захудалой мыслишки, кроме такой: смотрите, мол, как хорошо жить, двигаться, работать — стремительно, ловко, весело. Нет, не такой был Василий Петрович человек, чтоб не понимать всего этого. Без всякого сожаления запихнул он незаконченную, а вернее только начатую работу в угол и вновь очистил мастерскую.

16

Последний перерыв был самый продолжительный. Обжегшись четыре раза, Василий Петрович теперь твердо решил не начинать, пока не будет уверен в памятнике окончательно. Ведь почему так получилось, рассуждал он. Знаний не хватало. До всего доходил собственным умом, через ошибки и неудачи. Теперь же он всерьез взялся за литературу. За опыт других.

Он основательно пополнил свою библиотеку, прочитал все книги, и не по одному разу. Изучил историю изобразительного искусства. Ну, конечно, не всю, это только так говорится, но с предметом ознакомился прилично. Знал все течения и направления и постепенно пришел к выводу: ничего лучшего, чем античная скульптура и вообще античное искусство, человечество не выдумало.

С тем и остался, с тем и приступил к новому и, как он теперь был уверен, окончательному памятнику.

Да и искать долго не пришлось. Он взял ту самую, полючившуюся у него с испугу глиняную голову и поставил мысленно ее на небольшую колонну. Притом к колонне пририсовал небольшой карниз в два кольца. Верхнее потолще, нижнее потоньше. Колонну он задумал из черного полированного мрамора. Голову из белого мрамора. Причем решил довести ее до совершенства. Во-первых. мрамор, отделанный до тонкостей, лучше выглядит, а во-вторых, ему все-таки такая кропотливая работа была больше по душе.

Начал он за полгода до болезни, а заканчивал в промежутках между больницами и санаториями, преимущественно в теплую погоду, чтобы можно было работать с приоткрытой фрамугой.

Эту фрамугу он вырезал специально под самым потолком для вентиляции. Врачи еще на первом осмотре долго расспрашивали его о работе, и он понял, что болезнь его произошла отчасти от каменной пыли, которой он дышал почти пять лет подряд. Хоть и не признался в этом врачам.

Правда, он считал, что болезнь эта временная, как и его работа, что стоит только наладить вентиляцию, строго соблюдать режим, не перерабатывать и не переутомляться, подлечиться как следует, закончить совсем работу и все будет хорошо.

Потом можно будет вернуться к нормальной спокойной жизни. А там, глядишь, пенсия и все будет так, как хотелось.

Правда, в душе он крепко побаивался другого конца. Ему не давала покоя та внезапно охватившая его торопливость. Но он отгонял от себя страшные мысли и с удовольствием выслушивал приятные разговоры в санаториях от таких же, как он, больных. Они часто собирались за доминошным столиком и, отложив фишки в сторону, обнадеживающе рассуждали, что не те, мол, времена и что теперь от такой болезни не умирают.

Памятник он все-таки закончил. Во всяком случае, все каменные работы. Ему оставалось только выложить сусальным золотом надпись, но из-за больниц он все никак не мог выбрать время.

Наконец, такое время нашлось, и он за три дня, потея и часто отдыхая после утомительных приступов кашля, завершил работу. Рука автоматически потянулась к заветной полочке, где у него в былые времена хранились сигареты, опомнился, но не удержался. И сигареты, как на грех, нашлись. Почти полпачки. Он взял одну, хорошенько размял, долго колебался, но, наконец, решил себя побаловать в честь такого праздника и закурил. И кашель тут же прошел, и сделалось сладко в груди, голова приятно закружилась.

Черно-белый памятник стоял посреди мастерской и, казалось, не имел к ней никакого отношения. Стоило только удивляться, что это он, Василий Петрович, своими руками сотворил такое.

Вторую сигарету Василий Петрович выкурил уже без особого удовольствия. Потом взял специально припасенную чистую тряпочку, тщательно протер весь памятник, потушил свет, выключил электрокамин, которым обогревался, несмотря на теплую летнюю погоду, закрыл дверь на замок и поднялся на четвертый этаж.

Только он переступил порог, как очень сильно закашлялся, чем страшно напугал маленькую Петькину дочку. У него открылось кровотечение и не прекращалось три часа. Приезжали врачи на «скорой помощи». «Скорая» уехала, а спустя минут десять Василий Петрович умер.

17

Зины не было дома, когда случилось несчастье. Люся, сноха покойного, выросшая в городе и до сих пор смерти в глаза не видавшая — ее родители были молодые и, слава богу, здоровые, — перепугалась до обморока. Зато маленькая трехлетняя Любочка успокоилась. Дедушка замер на своем пружинном матрасе, перестал кашлять, и Любочка теперь могла к нему подходить и гладить по руке.

— Дедушка миленький, — говорила она, — дедушка хорошенький, отдыхает.

Любочка заботливо подтыкала одеяло в ногах, показывала своим куклам и медведям пальчик у губ и шептала им, чтоб они не озорничали.

Врачи «скорой помощи», которые и зафиксировали смерть, были молодые. Это была та же бригада, что спасала Василия Петровича от приступа. Для них все было ясно, и главный, с бородкой, явно кокетничая перед хорошенькой Люсей своей мужественностью и опытностью, сделал несколько распоряжений, подобающих для такого случая. Разговаривал

он суровым голосом и сжимал челюсти так, что желваки играли под румяными щеками и бородка двигалась то вверх, то вниз.

Люся ничего из этих распоряжений не поняла, а скорее всего и не услышала. Она стояла перед врачами, зажав рот, и покачивалась. Врачи ушли, так и не сказав самого первого, что нужно было бы сказать в этом случае. Они не сказали Люсе, чтобы она укрыла простыней покойного, и не сделали это сами.

Когда стукнула дверь за врачами, Люся рухнула в кресло и потеряла сознание.

Пришла она в себя, когда в лицо ей брызнули водой. Открыла глаза и увидела перед собой незнакомое лицо.

— Ничего, ничего, дочка, — скороговоркой пробормотал мужчина. — Теперь ты оклемаешься. Это у тебя без привычки... Я сам в первый раз, когда увидел, давно это было, давно, тоже чуть с копыт не брякнулся. Теперь ты сиди, а я позвоню. Я мигом. Сейчас Зине позвоню, потом к нему на фабрику, чтоб знали. Может, захотят проститься. Ты ничего. Ты не бойся. Я его простыночкой прикрыл. Потом я сбегаю до старушек. Тут у нас во дворе есть две, потом нужно будет к доктору насчет заморозки, ну, так это мой свояк знает... Свояк сделает. Свояк его хорошо знал... Уважал как мастера и человека... — в этом месте незнакомый мужчина жалобно скривил лицо, и из его глаз брызнули крупные, прямо детские слезы. Он и заревел громко, по-детски, со всхлипом, шмыгая носом, размазывая слезы по лицу кулаком.

Никита Епифанов возвращался с работы и увидел «скорую помощь» и мрачных врачей у подъезда, где жил Василий Петрович, его закадычный дружок, и сердце у него екнуло, предчувствуя беду. Он спросил врачей — те ему рассказали. Он опрометью бросился на четвертый. Дверь была открыта. Он кинулся приводить в чувство молодую, не забыл погладить Любочку по головке и успокоить, ее, хотя она спокойно занималась своими куклами.

Теперь он набирал телефонный номер и объяснял Люсе:

— Я друг его, понимаешь, дочка, приятель, мы с ним, бывало, — и тут он снова не мог удержаться от рыданий и так сквозь рыдания и разговаривал с Зиной.

— Зин, это я, Никита Епифанов, я от тебя звоню, Зин, нашто, Василий Петрович, да вот, отошел... Да, вот... Але, але! Зин, где ты? Але... Это кто? Зин, это ты? Не пойму чего-то... Девушка, да... Это я из ее дома. Василий Петрович умер... Вы уж там ее в такси, что ль. Капель там дайте, что ль. Проводили бы до дому.

На фабрику Никита Епифанов звонил, уже немного успокоясь. Представился родственником Василия Петровича. К телефону подошел сам Борис Владимирович и разговаривал с Никитой как с родственником. Он заявил, что фабрика возьмет на себя все расходы, только нужно будет сохранить все квитанции для отчета. Пускай он, Никита Андреевич, возьмет на себя оформление всяких бумаг в загсе и так далее. Гроб сделают на фабрике, и об этом беспокоиться нечего. Тут Никита Епифанов от себя, в приливе чувств, добавил, что поминки возьмет на себя его жена, потому что от Зины сейчас нельзя требовать, потому что Зину нужно оберегать.

Потом приехала Зина. Теперь уже Люся успокаивала ее как могла, а Никита Епифанов руководил всеми практическими делами. Он, как и хотел, привел двух старушек и только спросил у Зины, во что обрядить. У той, оказывается, все было приготовлено. И чистое белье, и рубаха, и костюм черный из химчистки. Не то чтоб она ждала кончины мужа, но участковый врач, с которым она тайком поговорила, предупредил ее, что дела плохи. Она, конечно, не поверила, но знала, что все должно быть наготове.

Старушки сделали свое дело. Обмыли, обрядили, все честь по чести. Потом пришла жена Никиты Епифанова и тоже, поголосив для порядка, — как-никак, они были в свое время в хороших отношениях, — подключилась к хлопотам.

А хлопот, когда человек умирает, как известно, много.

Потом приехал Борис Владимирович, постоял над покойным, помолчал, сурово сдвинув брови, потом понимающе обнял за плечи Зину и сказал ей всякие слова, в которых чувствовал необходимость. Потом отвел Никиту Епифанова на кухню, там достал из пиджака маленькую фляжку коньяка, молча налил в два стакана, и так же молча они выпили. Потом он взял у Никиты Епифанова свидетельство о смерти и сказал, что если они не возражают, то фабрика хотела бы проститься со своим лучшим и старейшим работником и устроить гражданскую панихиду в своем актовом зале. Если Зина и все согласятся, то завтра утром он пришлет гроб, потом, когда назначат день похорон, тело привезут в актовый зал, а уже оттуда — на кладбище. Если, конечно, Зина не будет возражать. И пускай они ни о чем не беспокоятся. Фабрика возьмет на себя все. Автобус будет, оркестр. Фабрика очень обязана Василию Петровичу. Он был лучший работник. Просто талантливый мастер своего дела. Память о нем на фабрике останется навсегда.

Никита Епифанов сочувственно поддакивал и говорил со своей стороны много хороших, теплых слов. Вспомнил о шифоньере и вообще о многом.

И как будто не было этих пяти лет разлада между ним и покойным Василием Петровичем. Никто ни одним словом не вспомнил о последних, странных годах его жизни. Словно и непонятное увлечение Василия Петровича было частью той самой болезни, которой он мучился последний год и от которой умер. И вспоминать об этом неделикатно.

18

Борис Владимирович позвонил уже к концу дня. Подозвал к телефону сперва Никиту Епифанова.

— Значит так, Никита Андреевич, — сдержанно сообщил Борис Владимирович, — гроб, как я говорил, будет завтра к девяти часам. Вам его привезут и вообще помогут, а с кладбищем тут такая история... На центральных не принимают: мы на машине все объездили. Ничего нельзя сделать. Съездили на парочку загородных. Там тоже сложности, но кроме этого — очень далеко... В крематории нам пошли навстречу. Я сейчас и звоню из крематория. Так что поговорите с Зинаидой Михайловной и с детьми... Я еще позвоню минут через 15—20.

Никита Епифанов уже созвал семейный совет, на котором присутствовала вся семья Василия Петровича и Никита Епифанов с женой Екатериной Ивановной.

Зина, услышав эту новость, испуганно вскрикнула и, закусив черный платок и еле сдерживая слезы, стала беспомощно оглядываться на детей. Она не знала, как реагировать. Она не знала, хорошо это или плохо — крематорий. Это было иначе, нежели она себе представляла, а лучше или хуже — она не могла понять.

Старшая дочь Василия Петровича Нина сказала:

— Конечно, крематорий лучше, чем загородное кладбище. Крематорий от нас в получасе езды. Можно будет часто навещать папу. А за город не всегда с детьми выберешься. В крематории красиво. Мы там Генкиного дядю хоронили. Хорошо, торжественно. Орган играет. Надо в крематорий.

Муж старшей дочери Нины понимал, что решающего голоса он сегодня не имеет, но, когда речь зашла о похоронах его дяди, поддержал Нину и сказал, что крематорий это хорошо и современно.

Петька долго молчал. Он-то знал, что теперь его слово решающее, но молчал. Думал. Все так же молча смотрели на него. Но вот он отрицательно покачал головой каким-то своим тайным мыслям и произнес коротко:

— Мне все равно. Не имеет значения...

Люся молчала.

Никиту Епифанова Борис Владимирович убедил своим телефонным звонком, разумным и авторитетным, и он, ни секунды не сомневаясь, горячо высказался за крематорий.

Жена Никиты Епифанова хотела было подчеркнуть дешевизну кремации, но вовремя подумала, что говорить об этом сейчас неудобно, и промолчала.

— Крематорий, так крематорий, — прошептала Зинаида Михайловна, и в ту же секунду раздался телефонный звонок.

Ты смотри... Надо же! Почти вся фабрика пришла. Я-то думал, что на панихиде отбудут и по домам. Нет, ты смотри, все приехали. И автобусы пришли с фабрики. Только, наверное, кто не вместился в автобус, те своим ходом. Уж очень много народа... Любили Василия Петровича. А как хорошего человека не будешь любить? Эх, жалко, он-то не видит, думал Никита Епифанов, и на душе его было и радостно и грустно одновременно. А когда заиграл орган, и гроб медленно стал опускаться в черный слепой люк, дернули мурашки по коже и подкатили рыдания, сдержать которые не было сил и не хотелось их сдерживать. Заплакали все. Зина забилась и обхватила Петра. Нина сбоку поддерживала ее, и неясно было, поддерживает или сама за нее держится.

Никита Епифанов за полгода до смерти знал о болезни Василия Петровича. Встречая во дворе и видя, как бывший закадычный дружок тает прямо на глазах, невольно задумы

вался о близкой развязке. Нельзя, рассуждал он, нельзя на всех плевать, от всех отворачиваться. Люди не прощают такого.

И теперь Никита Епифанов плакал оттого, что хватило в нем жалости пожалеть и простить Василия Петровича. Плакал потому, что помнил о нем только хорошее. Помнил тот славный месяц, который они прожили, считай, бок о бок. Помнил работу его, глядя на которую душа радуется. Плакал и оттого, что люди вокруг были добрые и тоже простили Василия Петровича.

Ну, мало ли что может быть. Ведь не убил никого, не ограбил, не обидел. В общем-то обидел, но ведь других не больше, чем себя. Ведь и самому было тяжело в одиночку. Оттого и болезнь сглодала. Веселого человека никакая болезнь не берет....

И Петька простил. Он лил горючие слезы по тому отцу, которого помнил с детства. У которого руки были жесткие и горячие. Он плакал по отцу, который первый раз привел его в свой сарайчик и открыл перед десятилетним Петькой волшебный путь ремесла. Он вспомнил, как ходили с отцом на стадион, когда телевизора не было. Как потом вместе ездили в деревню. Пожалуй, никто на свете не любил и не знал деревья лучше, чем его отец.

Догадывался Петр, чем занимался в своем сарайчике отец. Кроме того случая, закончившегося затрещиной, Петр ни разу больше не заговаривал на эту тему, но, складывая крошки наблюдений, он угадывал, чем занимается отец.

Сперва он винил себя за тот случай. Но думал, что пройдет все это, отойдет отец и введет его в новое свое занятие, в новый мир. Но отец просто перестал его замечать. Этого Петр простить не мог и убедил себя, что отец просто свихнулся на старости лет. Но когда он умер — это убеждение развеялось бесследно. Теперь нужно было отдавать последний долг, а Петр, хотел того или не хотел, но считал себя должником. Должником и виноватым... Случись ему подойти в то время к отцу по-человечески, не такой замкнутой была бы его жизнь, не такой обреченной и беспросветной.

И плакал Петр от бессилия, от чувства вины перед отцом. Плакал и потому, что теперь, после его смерти, его первым сыновним долгом было пойти в сарайчик и там найти последнюю волю отца. Плакал потому, что не пошел, струсил, побоялся оказаться неправым на всю жизнь, хотя понимал, что пойти в сарай придется. Но не сейчас... Только не сейчас... Потом.

Борис Владимирович, когда загудел орган и стал опускаться гроб, заиграл желваками, чтоб удержаться от слез. Ему не в чем было себя упрекнуть, и тем более ему не хотелось, чтоб хоть кто-нибудь, пусть даже про себя, упрекнул бы его в лицемерии. Он сделал все от него зависящее. И когда сделал, то был очень доволен. Он понимал, что полностью отдал должное человеку, которого пусть не любил сильно, как любят людей близких, но уважал. И ему было светло на душе оттого, что и вся фабрика поддерживала его. В этом он видел, прежде всего, подтверждение своей теории, что ничего на земле не проходит бесследно. Лишь бы человек делал дело с душой и с мастерством, и тогда вся его жизнь прожита не зря. И пусть это дело будет не мирового масштаба.

Эту теорию, конечно, не он сам придумал, но как часто бывает, он сам, лично, а не по чьей-то указке открыл ее для себя и принял, и она стала его теорией, его жизненным правилом. Это произошло, когда Борис Владимирович, закончив Высшее художественное училище (бывшее Строгановское), убедился, что ничего путного он не создаст, и, помыкавшись по различным художественным шарашкам, и то в качестве подмастерья у своих более талантливых однокурсников, наконец прибился к мебельной фабрике сперва художником-дизайнером, а потом и начальником цеха нестандартной мебели.

Зинаида Михайловна ничего не понимала, что происходит. Она была как в тумане. Что-то делала, что-то говорила, куда-то шла. И только когда гроб стал медленно опускаться, наступило просветление. Все вокруг стало резким и отчетливым. Она увидела, как гроб слегка дрогнул и медленно стал тонуть в темноте. За сердце схватила нестерпимая боль, в глазах ее все замелькало. Она бросилась, рванулась, опрокинулась, поплыла в чьих-то руках, захотела увидеть сына, но не нашла, закричала что-то, захлебнулась и затихла наедине со своей болью.

Очнулась она дома, за столом. Жена Никиты Епифанова Катерина уговаривала ее выпить водки. Зинаида Михайловна жалобно качала головой и отстраняла стакан. Но Катерина была настойчива и знала, что делает. Зинаида Михайловна выпила водку одним духом, закусывать не стала, почувствовала, что боль в груди не то чтоб утихает, но проваливается куда-то вниз. Она поняла, что теперь не сможет сидеть вместе с гостями, что сейчас упадет или сделает что-то страшное. Она неловко поднялась и объявила, что не может дольше сидеть, что просит дорогих гостей хорошо выпить и закусить, помянуть Василия Петровича. Она сказала, что никогда не забудет всех и что они сделали, что приглашает их всех на девятины, а сейчас просит ее отпустить в другую комнату, потому что она больше не может...

19

Борис Владимирович и после похорон не оставил семью Василия Петровича без внимания. Они вместе с Никитой Епифановым съездили в крематорий за прахом покойного и подготовили все для захоронения в стене Донского монастыря, к территории которого и примыкал московский крематорий. Захоронение состоялось накануне девятин. Конечно, можно было и раньше, но раньше не все было готово. А Борис Владимирович хотел, чтоб все было как следует. Он достал у своего дружка пластину титанового сплава и отдал в специальную мастерскую. Там красиво выгравировали даты и имя Василия Петровича. В фабричных мастерских выточили красивую урну, наподобие бронзовой вазы. Отполировали и покрыли толстым слоем специального лака, чтоб блеск дольше держался. В урну вмонтировали фотографию Василия Петровича. В общем, все было сделано честь по чести. Не формально, а с большим участием. Борис Владимирович обзвонил всю Москву, связался с реставраторами, напомнил им о том, что для них сделал в свое время Василий Петрович, и те по своим каналам добились разрешения на захоронение в древней монастырской стене, а не в колумбарии.

И потому, что сделано было все возможное и невозможное, и потому, что не было сил отказаться от настойчивых приглашений Зинаиды Михайловны, Борис Владимирович и два каменщика-реставратора, которые не доверили эту работу крематорским служащим, собственными руками вырубили нишу в старинном кирпиче, оказались на девятинах в доме покойного Василия Петровича.

Один из них, между прочим, и был тот самый угрюмый каменщик, расколовший мраморную плиту. А стало быть, тот самый, из-за которого вся оставшаяся после того случая жизнь Василия Петровича приняла совсем другой оборот. Но каменщик, разумеется, этого не знал.

Зинаида Михайловна к девятинам немного отошла. Готовя различные закуски на кухне, она говорила дочери:

— Мне-то и легче и тяжелее оттого, что и не жили мы в последние годы. Ты же знаешь все. Вот думала, грешным делом, помрет и не вспомню на другой день. А видишь, как получилось. Он помер, а у меня душа ноет. Ему теперь все равно... А я места себе не нахожу. Хорошо, что хоть на работу ходить надо. Иначе не знаю, что и делала бы. Вчера опять его видела. Прихожу с работы, а он сидит здесь, у окна на кухне, на своем месте, и спрашивает, как раньше: «Ну, что, мол, мать, кормить-то будешь?» А я ему и отвечаю: «Сейчас, сейчас, Васенька. Сам-то разогреть не можешь, куда ты без меня?» Я ему отвечаю, а сама про себя думаю, ведь не может он так сидеть на кухне. Он ведь помер... И как только это подумала, так он сразу и пропал. Я перепугалась, страх...

Катерина Епифанова, заглянувшая на кухню и услышавшая рассказ, деловито объяснила:

— Так бывает. И нечего раскисать... Все дело в привычке. Вы вон ведь сколько прожили вместе. Считай, тридцать лет. Что ж тут говорить? Бывает. И нечего бояться, нечего думать. Тебе теперь о себе надо думать. Ему уж ничем не поможешь.

Первым не выдержал Петр.

Он весь вечер выжидающе смотрел на своих — на мать, на сестру — и все ждал, что кто-нибудь из них заговорит о главном, но они молчали. И встретя его вопрошающий взгляд, виновато опускали глаза.

Застолья не получилось. Каменщики держались особняком и чувствовали себя неловко. К Борису Владимировичу обращались как к начальнику, а он понимал, что никакой он не начальник, особенно в такой ситуации, он даже сказал об этом. Поднялся со стопкой водки в руках, долго смотрел на нее,

будто в стопке видел изображение Василия Петровича, потом медленно, тщательно подыскивая слова, заговорил:

— Мы работали вместе десять лет, и все десять лет я завидовал Василию Петровичу и учился у него. Завидовал потому, что он имел призвание и служил ему всю жизнь, а учился у него верности своему долгу, своему ремеслу.

И тут Петра прорвало. Он стал выбираться из-за стола, не обращая внимания на жену, которая вцепилась в него мертвой хваткой. Она-то сразу поняла, к чему идет дело, и зашептала ему на ухо:

— Не смей, не порть вечер. Имей хоть уважение к покойному отцу. Не позорь всех нас.

Это словно подхлестнуло Петра, да, к слову сказать, он был уже к тому времени крепко выпивши. Хоть ему самому казалось, что водка на него сегодня не действует, но выпил-то он очень прилично.

Он встал и пошатнулся оттого, что жена его чересчур сильно дернула за полу пиджака.

Мать испуганно ахнула и прижала руку ко рту. Сестра посмотрела на него уничтожающе и даже сделала жест рукой, словно приказывала маленькому ребенку не вертеться. Но Петр все-таки остался стоять. Сперва он взял было в руки стопку водки, как человек, который хочет произнести тост, но потом со стуком, расплескав водку, поставил ее на стол.

Он, было, начал говорить, но не смог и заплакал.

— И что вы все на меня?.. Что я меньше вашего любил его? Что он мне не дорог? Почему мы молчим, будто он преступник какой, будто он сделал что-то стыдное. Мы ведь и не знаем, что он сделал... И не знаем, и посмотреть боимся, и узнать боимся... Вот мы боимся, а мне все время, как он умер, думается, что мы виноваты во всем. Потому и боимся узнать, что он там сделал. Ты-то хоть, — обратился он к матери, — была там после смерти?

Мать испуганно покачала головой.

Он вдруг успокоился. Голос перестал дрожать, и вся фигура как-то обмякла.

— Вы, наверное, думаете, что я пьяный... А я просто не могу так. Я должен знать, что это было. У меня умер отец. Больше всего в жизни я бы хотел его уважать и помнить. А для этого я должен знать, что это было. Куда он дел пять лет своей жизни? Почему он нас не впустил в эти пять лет? Почему он нас выкинул. За что?

— Борис Владимирович, я вас очень прошу, пойдемте со мной, и вы тоже, — сказал он каменщикам. — И ты, дядя Никита Епифанов. Вы его знали, и вы старше меня. Вы мне скажете.

И все поняли, что это не пьяный скандал, не истерика. Все сразу стали трезвые и серьезные и, не спрашивая, куда надо идти и зачем, поднялись из-за стола.

Мать сама принесла ключи, но пойти не смогла.

20

Хоть и храбрился Петр за столом, хоть и упрекал родных в трусости, а сам боялся до оцепенения, что сейчас откроется дверь и все увидят что-то действительно стыдное. Запустение, хаос, следы душевной болезни.

Напряжение было настолько велико, что, когда защелкали и замигали фиолетовыми молниями лампы дневного света, Петр от неожиданности отпрянул. Ведь и о дневном свете он не знал. Ничего он не знал...

Первое, что бросилось в глаза, — это идеальный порядок, чистота, особый вкусный уют, который бывает в мастерских художников после того, как очередная работа закончена и сделана генеральная уборка. В воздухе, кажется, еще не рассеялся, еще стоит накал горячих рабочих денечков, но во всех предметах уже чувствуется спокойствие и удовлетворение и даже некоторое самодовольство...

Это поразило Петра не меньше, чем треск люминесцентных ламп.

Второе, что он увидел, — это памятник.

Он стоял прямо на чисто подметенном деревянном полу ослепительно черный и ослепительно белый. Черный цоколь сверкал и излучал мрачное торжественное сияние, а белый мрамор головы, казалось, вбирал в себя свет и был переполнен этим светом, как зрелый сочный плод.

Тот самый угрюмый каменщик, из-за которого вся жизнь Василия Петровича приняла такой неожиданный оборот, раздвинул стоявших рядом Никиту Епифанова и Бориса Владимировича и решительно шагнул к памятнику.

Он подошел и прежде всего погладил руками цоколь. Потом отступил на шаг, потом снова вплотную приблизился к памятнику и поднял, было, руку, однако же дотронуться не решился и опустил руку. И отошел в темный угол, туда, где когда-то стоял большой ящик с глиной, а теперь находились накрытые старой мешковиной ранние памятники Василия Петровича.

Он вдруг отчетливо вспомнил то самое утро и понял его настоящее значение. Ему стало неуютно и жутковато.

Борис Владимирович напрочь лишился дара речи. Он просто ничего не понимал. С большим трудом он догадался, что памятник изображает самого Василия Петровича. И не потому, что портрет был не похож на покойного. Портрет был абсолютно точным.

Никита Епифанов был, пожалуй, в лучшем положении. Он был внутренне подготовлен. Примерно через неделю после того, как бывший закадычный дружок обошелся с ним очень грубо и не по-дружески, он взял грех на душу и подсмотрел поздно вечером в маленькую щелочку, чем же Василий Петрович занимается. Подсмотрел и увидел, и не понял, а только еще пуще разгорелось его любопытство. И вплоть до того момента, как законопатил Василий Петрович все дырки в своем сарайчике, Никита Епифанов разок-другой в недельку, поеживаясь от стыда и воровато оглядываясь, приникал к своей смотровой щели и подолгу наблюдал Василия Петровича. И почему-то завидовал ему. Наверное, оттого, что тому было куда уйти от надоевшего телевизора, от не всегда доброй и ласковой, хотя в общих чертах положительной жены, и еще потому, что он видел, как бывший его дружок и радуется, когда что-то получилось, и сердится и швыряется инструментом в сердцах, одним словом, живет. Живет не так, как он, Никита Епифанов, а значительнее, интереснее.

И лишь когда он убедился, что делает Василий Петрович памятник самому себе, Никита Епифанов немножко успокоился. Он счел это занятие ненормальным и стыдным и перестал завидовать. Но тогда делалась всего-навсего маленькая и простенькая пирамидка. Теперь же, увидев произведение, которое, хочешь не хочешь, требовало уважения, Никита Епифанов крепко задумался.

И еще его поразила в самое сердце перемена в самой мастерской. Этих перемен он не видел и не ожидал. Мастерская сама по себе была произведением искусства. На такую мастерскую он, Никита Епифанов, не задумываясь, променял бы свою сплошь заставленную гарнитурной мебелью комнату. Это было настоящее мужское жилье. Собственное, сокровенное, в которое даже немножко неудобно входить, настолько каждая вещь говорит о хозяине, о взаимной преданной и бескорыстной любви.

Второй каменщик, молоденький, длинноволосый, с тонкой шеей и прозрачными усиками, которого называли Колюшкой, обошел памятник вокруг и, приметив острым холодным глазом эскизы, расставленные по полкам, принялся их рассматривать и даже не постеснялся их повертеть. Он же обнаружил и заваленные старыми мешками другие работы. Он даже пытался вытянуть на середину гранитную композицию с фуганком. Но одному ему было не под силу. На помощь к нему пришел угрюмый, и вдвоем они вытянули незаконченную скульптуру поближе к свету.

Петр понимал, что от него все ждут разъяснения, но, чтобы давать эти разъяснения, он сам должен был все осмыслить, все понять, а вот с этим-то и не получалось... Он знал только начало. А потом была стена, разглядеть за которой что-либо было невозможно. Вот он проник за стену, и опять невозможно совместить то, что он увидел, с самым началом.

А Колюшка уже подошел к книжным полкам и наугад выдернул пару книжек. Одна из них называлась «Микеланджело», другой том оказался «Историей искусства».

Вся эта длинная и многозначительная сцена протекала в абсолютном молчании. Каждый, оказавшись в этой мастерской, вдруг настроился на философский лад и притом так серьезно настроился, будто его спросили о чем-то самом главном, и спросили так строго, что не ответить или ответить не подумав, а так, лишь бы что, он не мог.

Угрюмый каменщик думал о бренности жития и о роковых случайностях, которые могут перевернуть жизнь каждого с ног на голову.

Молодой втайне писал маслом, готовился поступить в художественное училище и теперь с интересом прослеживал путь художника к мастерству. Тем более что он был свидетелем редкого случая, когда весь путь можно было проследить, что называется, не сходя с места.

Борис Владимирович находился в расстроенных чувствах. Он ругал себя последними словами за то, что просмотрел в покойном Василие Петровиче что-то, чему, правда, он пока не знал названия. Но все равно ему было до смерти обидно, что так бесславно развеялся им самим придуманный миф о собственной проницательности и чуткости. Короче говоря, он чувствовал себя обманутым и обойденным.

Никита Епифанов вдруг перестал думать, что делать памятник себе есть что-то стыдное, неприличное и даже аморальное. А раз он перестал так думать, то сразу его заели угрызения совести. Ведь он знал, что наверняка есть памятник, но в отместку за нетоварищеское поведение Петровича не подсказал всем, что хоронить следовало бы на кладбище и установить этот памятник. Еще слезы крокодиловы лил в крематории. Еще врал самому себе, что простил... Словом, Никита Епифанов за те несколько минут, что прошли в молчании, полностью себя изничтожил и смешал с землей. И снова ему хотелось плакать от жалости к Василию Петровичу, дружку закадычному, корешу дорогому, который правильно сделал, что обиделся и послал его, Никиту Епифанова, куда подальше, когда тот нахально пытался залезть в его тонкую, как оказалось, душу.

Вот так и горевал простодушный и честный Никита Епифанов. Он был из тех людей, что прежде всего объявляют виноватыми себя, а потом уж ищут вину других.

Петр стоял в углу и зачарованно смотрел на памятник... О чем он думал — сказать трудно. Скорее всего ни о чем. Мысли разбегались.

Каждого мучили невысказанные слова, и никто не решался нарушить торжественную и тяжелую тишину. Вдруг тень возникла в светлом проеме двери и все, невольно вздрогнув, обернулись. На пороге мастерской стояла Зинаида Михайловна. Из-за нее выглядывали Нина, сноха Люся и Катерина, жена Никиты Епифанова. Женщины еще ничего толком не увидели и не поняли, но удержались от ахов, охов, удивлений. Наверное, на лицах мужчин они прочли особое настроение и доверились ему.

Но вот Зинаида Михайловна ступила через порог и остановилась перед памятником. Сперва она вглядывалась в него как человек, который увидел знакомое лицо и никак не может вспомнить, откуда же оно ему знакомо. Потом тень догадки и озарения мелькнула в ее глазах, колени ее подломились, и она рухнула на пол и обняла черный мраморный, мрачно мерцающий столб, как обняла бы ноги дорогого ей, любимого, живого Василия Петровича, и заголосила, забилась в плаче, омывая слезами камень.

Никто из женщин не бросился ее поднимать, никто из мужчин не проронил ни слова, только Никита Епифанов зашмыгал носом и торопливо поднес ладонь к глазам — слезы потекли из-под ладони.

21

...Когда все вернулись в квартиру, две старушки, которые обмывали и обряжали покойного и потому были тоже приглашены на девятины, застыли с рюмками красного вина и теперь не знали, как поступить дальше. Они смущенно поставили рюмки на стол и покосились на Генку, мужа Нины. Он в мастерскую со всеми не пошел, а весьма обстоятельно кушал холодец, поливая его сверху хреном.

Все вошли сразу, но шуму и суматохи не было. Даже стулья не двигали по полу, а аккуратно приподнимали и тихонько ставили. И сюда, в квартиру, незримо проникло то особенное настроение, воцарившееся в мастерской. Угрюмый каменщик решительно наполнил все рюмки, внимательно оглядел стол: не просчитался ли, и, не садясь, сказал глухим голосом:

— Такая судьба! — и добавил: — В общем, выпьем за Василия Петровича...

И все молча выпили, и каждый невольно подумал о своей судьбе. И еще подумали о Василии Петровиче, но как-то расслабленно, с умилением и жалостью, хотя никто из них не знал того, что знал каменщик.

— Это ведь я, — сказал он и строго оглядел всех, словно хотел предупредить обязательные возражения. — Это я виноват. Мало ли было со мной таких случаев... А этот помню, как сейчас, хоть и прошло пять лет. Дай, говорит, мне. Зачем? — спрашиваю. Матери, говорит, на могилку... — Каменщик грустно замолчал, хотел было добавить еще пару слов, но, обведя всю компанию безнадежным взглядом, махнул рукой и сел. Чего там, мол, говорить. Разве кто поймет? Такое пережить надо.

— Матери-то он и не помнил, — тихо сказала Зинаида Михайловна.— Мать-то еще до войны схоронили. А потом немец кладбище разбомбил. Где та могилка, разве найдешь?..

— А странно... — сказал каменщик, и все повернулись к нему. — Работал человек по дереву. Был мастер. Чего еще надо? Нет, перешел на камень — все сначала. А это трудно, это разные стихии... Живое и мертвое. И тут стал мастером. И каким! Такой работы я давно не видел. А если б он всю жизнь по камню работал? Вот к чему настоящий-то талант у него был? Я думаю, к камню. Конечно, насчет таланта я судить не могу в точности, но работа редкая.

Петр переводил взгляды с одного на другого, он словно не понимал, о чем идет речь, и постоянно обращался к Борису Владимировичу с немым вопросом. Он, очевидно, считал его за самого старшего и самого умудренного, но тот всякий раз в смущении опускал глаза. В душе Бориса Владимировича была полная сумятица.

Никита Епифанов, стараясь не встречаться с осуждающим взглядом жены, налил себе стопку водки и торопливо выпил ее маленькими глотками, видимо, хотел протолкнуть поглубже застрявший в горле ком. Запил водку тепловатым, погасшим пивом и немножко успокоился.

— Да... — вдруг сказал свояк Никиты Епифанова, доселе незаметный ни за столом, ни в мастерской, — промахнулись мы насчет крематория, — и он осуждающе посмотрел в сторону Бориса Владимировича. — Нужно было добиваться места на кладбище. А то куда его теперь? Я имею в виду памятник...

Всем сделалось неловко. Никита Епифанов даже дернул свояка за рукав, но тот не унимался.

— Да что ты дергаешь, — сказал он. — Я говорю, жалко — такая вещь пропадает, а могла бы стоять на месте...

Никита Епифанов оглядел комнату, увидел фотографию покойного, перевязанную черной лентой, и сказал:

— Он ничего не жалел. Копейки лишней не имел, а зарабатывал не меньше нашего. Нет, правильно Петрович, царствие ему небесное, подумал заранее...

— Ты на что же, Никита Андреевич, намекаешь?— тихо спросила Зинаида Михайловна.

— А ничего я не намекаю, — не смутился Епифанов, очевидно, он возражал самому себе, отвечал на свои давнишние вопросы, — ничего в этом нет такого, если человек сам побеспокоится... Вон мы были в позапрошлом году в Грузии на курорте, ходили на кладбище, так у них там это запросто и обыкновенно. Человек сам себе все готовит, конечно, не от недоверия к семейным, а для того, чтоб было все по его вкусу... Всякому хочется, чтоб его подольше помнили.

— А за что я его буду помнить, — срывающимся от слез голосом сказала дочка Василия Петровича Нина.— Я уж и забыла, когда видела его в последний раз. А внучку-то родную он, считай, совсем не знал. В последнее-то время и на руках ни разу не подержал. Я уж не говорю о том, чтоб гостинец там или шоколадку купить. Ведь он не только от меня отвернулся. Он и от матери и от Петьки ушел. От всей жизни ушел. За что же я его буду помнить? — спросила она и заплакала, уже не скрываясь.

— Ты брось об отце так...— смущенно возразил Никита Епифанов, — он — отец! Этим все сказано. Он тебе жизнь дал, воспитание. Обязана помнить!

— В том-то и трегедия, Никита Андреевич, что никто не обязан,— мягко возразил Борис Владимирович. — Помнят людей за дела их. А что покойный делал последние годы? Пытался, как говорится, обеспечить себе долгую память. Отошел от семьи, от работы, где его любили и уважали, от коллектива, замкнулся на своей идее, да и погиб, как я понимаю, из-за нее! Сжег сам себя. Работа, конечно, проделана грандиозная, а для чего? Чтоб увековечить память о себе, между тем затаптывая ее собственными ногами. И сами-то вы, Никита Андреевич, помните только его замечательную работу, то есть то последнее, что он сделал для людей, а не для того, чтобы себя увековечить. Ведь настоящий художник, в конце концов, работает для людей, и бессмертие ему дарят люди, а тут получилось наоборот. Он сам настаивал на своем бессмертии, и это уже выглядит как вымогательство. В этом-то его ошибка. В этом его трагедия.

— В чем же здесь трагедия? — взволновался Колюшка.— Ведь сколько он успел! Люди на это всю жизнь кладут, а он за пять лет... Хотел бы я прожить такие пять лет.

— А потом умереть? — с горькой улыбкой спросил Борис Владимирович. Он невольно узнавал в Колюшке себя молодого, и это его расстраивало, подтачивало уверенность в себе теперешнем.

— Что смерть? — сказал другой каменщик. — У каждого своя судьба.

— Судьба, судьба,— сказал Борис Владимирович. — Это все мистика. Очевидно, и покойный был склонен к этому. Я не удивился бы, если б узнал, что Василий Петрович был человеком верующим.

— Не был он верующим, — сказал угрюмый. — Тогда, выходит, и я верующий потому, что реставрирую божьи храмы? Мастерство переживает все религии! Мастерство переживает все! Что есть мастерство? Это воплощенный дух человеческий. Вот строили люди храмы во славу господа бога, а мы их реставрируем. Во славу чего? Во славу человека! Мастера! И вообще я уверен, что памятники придумали безбожники. Они не надеялись на загробную жизнь, на бессмертие в другой жизни. Они на это не рассчитывали. Им подавай в этой жизни хоть камень, хоть курган, хоть холмик над могилой. А если ты веришь, что там, за пределом, тебе еще жить, то здесь, на земле, и беспокоиться нечего.

— Но ведь в те же скифские курганы клали полное, как говорится, снаряжение для будущей жизни, для запредельной,— возразил Борис Владимирович.

— Ну, уж тут, знаете, на бога надейся, а сам не плошай.

— Оригинальный, конечно, поворот, — усмехнулся Борис Владимирович, — но к данной ситуации он отношения не имеет.

— Но кто же имеет право отвернуться от жены, от детей? — спрашивала в пространство Зинаида Михайловна.

— Мастера получаются только из самых стойких,— упрямо повторял молодой каменщик.

— Но почему именно памятник?— спрашивал Борис Владимирович. — Откуда эта болезненность? Вот вы на что ответьте.

— Судьба! — отвечал угрюмый, а Никита Епифанов вспоминал своего друга и то и дело утирал слезы и говорил дрожащим голосом:

— Да никогда в жизни он этих слов и не произносил. Я не слышал от него ни «художника», ни «судьбы», ни «мастера», хотя мастер он был. Теперь-то я знаю, почему такое вышло. Ведь каждому на любое дело нужно оправдание. Вот он и оправдывался, мол, не баловством занимаюсь, мол, памятник — дело нужное... Это он головой так думаал, а душа-то вон куда его стремила, руки-то свое брали. Знаю я это, знаю.

И он вдруг подошел к жене, обнял ее, неловко уткнулся в ее полную открытую шею и забормотал:

— Катенька, родная моя, прости меня, ты прости.

И обратя ко всем свое искаженное душевной мукой, мокрое от слез лицо, продолжал голосом твердым и страстным:

— Вот она сидит!.. Ведь у нее талант, а я ее ругаю... Она ведь поет у меня, голубушка. Так поет, что в жизни... — Он всхлипнул и покривился...— В жизни я такого не слышал. А разве она поет? Когда ей петь-то? Росла ведь в войну, работала с утра до ночи. Когда петь-то? А кто ей сказал? Я ей говорил — у тебя талант, а что я профессор, чтоб меня слушать? Теперь-то она молчит. И на праздники не споет — стесняется. Мол, куда мне, не девочка, не в клубе. Молчит она теперь и только со мной, с подлецом, ругается. Душа-то у нее как в темной клетке. Где уж тут петь...

Он заплакал, уже не скрывая своих слез.

— Эх, люди! Да зачем же вы себя губите, душу свою зачем в клетку запираете? А если кто запоет при вас, еще и пальцем показываете. Да пойте же вы, не стесняйтесь! Пой, Катенька, пой, соловушка моя! Закрой глаза и пой!

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

СТРАННАЯ ЖИЗНЬ ВАСИЛИЯ ПЕТРОВИЧА

В жизни почти каждого человека наступает час, когда он с тревогой и недоумением, как незнакомого, спрашивает себя: «Кто ты? Зачем живешь?» И плохо ему, если на эти вечные вопросы нет достойного ответа. Для Василия Петровича, героя повести Ю. Перова, таким часом стали похороны земляка. Смерть, казавшаяся чем-то далеким и нереальным, вдруг предстала как нечто неотвратимое, неизбежное. И перед лицом этого неизбежного наш герой задумался над своим собственным существованием.

За плечами у него были долгие годы работы в цехе мебельной фабрики, работы, которую он выполнял умело и с любовью. Еще был дом, привычные семейные отношения, маленькие радости — футбол, пиво, вечера у телевизора. И вдруг все это потеряло свою привлекательность, более того — стало помехой тому новому занятию, которое целиком поглотило все его время и помыслы. Своими руками сделать памятник на свою будущую могилу — как пришло в голову человеку такое неожиданное и странное решение?

С самого начала Василию Петровичу претила мысль о безобразном кресте из водопроводных труб, который (так подумалось ему) могут водрузить на его могиле. Никогда не задумывавшийся над вопросами веры, он тем не менее интуитивно сознавал, какое глубокое равнодушие к ушедшей жизни, прожитой рабочим человеком, выражает этот крест. Честный труженик вправе рассчитывать на более уважительную память о себе. Так рассуждал герой — и был по-своему прав. К сожалению, на этом его правота и кончается. Постоянные неотвязные мысли о том, что будет после его кончины, о том, какой памятник будет стоять на его могиле, хотя и были лишены мистической, религиозной окраски, однако оказывали разрушающее воздействие на его личность.

По-иному стал он относиться и к своей работе. «Итоги квартала, а вместе с ними и прогрессивка, полагающаяся в случае, если эти итоги удовлетворительные, и почетные грамоты, или даже, может быть, переходящее знамя — все это еще недавно составлявшее его жизнь, вдруг перестало его интересовать... Работал он не хуже, но как-то машинально, без огонька, без души. Браку не давал, тут уж ничего не скажешь — выручал опыт, а вот блеска в его работе теперь не наблюдалось. Тускло трудился, скучно. Норму выполнял — ни процентом больше».

Под влиянием постоянных мыслей о запредельном естественное течение его жизни было нарушено, и в результате печальный конец: человек отвернулся от жизни, а она отвернулась от него. Человек современный, свободный от религиозных предрассудков, Василий Петрович, как бы ни заблуждался, как бы далеко от реальной жизни ни уводила его ложная идея, все же чувствует себя хозяином своей судьбы. К сожалению, рачительного хозяина из него не вышло. И хотя, работая над памятником, последовательно идя от простого к все более сложному, испытывая разный материал, он совершенствует свое мастерство и вкус, но ложная направленность его творчества несет в себе зерно неизбежного поражения.

Надо сказать, что Василий Петрович смутно сознает некоторую неестественность своих занятий, ведь он не только свою жизнь, но и жизнь близких (не спросив их согласия) приносит в жертву своему памятнику. Однажды у него в ответ на попытку самооправдаться («Я ведь не для себя») мелькает: «Как же не для себя? Точно для себя — и ни для кого больше». Эта мысль пришлась Василию Петровичу не по душе, и он постарался ее отогнать, да так удачно, что с той поры она ни разу у него больше не возникла.

Автор ведет свое повествование как бы в двух планах. Он показывает становление мастера, его путь к совершенству. Его подстерегают неудачи — то из-за нелепой случайности, то из-за недостаточного опыта. Один за другим отвергает Василий Петрович уже сделанные памятники. Причина этого не только их эстетическое несовершенство, но и растущая требовательность художника. В каждом таком поражении заключена и победа — над материалом, над собой.

Пожалуй, наиболее многозначительная его «неудача» — создание памятника, который выражает упоение любимым трудом. Но, как сказано в повести, «не такой был Василий Петрович человек, чтобы не понять, что нельзя ставить на кладбище вещь, в которой изображена сама жизнь, сама сила и движение... Смотрите, мол, как хорошо жить, двигаться, работать». Так вопреки воле создателя «земное» берет верх над кладбищенскими замыслами. Он работает над памятником серьезно и вдумчиво. Создавая очередной вариант, намереваясь изобразить себя в натуральную величину, выбирая позу, выражение лица, мастер невольно задумывается над общими закономерностями изображения современного рабочего человека. «Долго потел над головой Василий Петрович. Все ему хотелось поднять ее повыше, устремить в будущее. Хоть и неудобно было как-то устремлять, но ведь не опустишь... не раб же он, а вполне сознательный советский рабочий. Передовик производства... Наклончик вбок снял со всего облика приниженность, которой он так боялся. Ведь перед собственными мыслями не грех и склониться. Совсем другое значение появилось у всей фигуры. Стоит мастер. И не работу очередную закончил, а всю трудовую жизнь, и вглядывается, что же... из-под его рук вышло, что же он такое сотворил, наработал. Оценивает свою жизнь и размышляет. Подводит итоги...»

Как будто два Василия Петровича живут в одном обличье, и судьба их складывается по-разному. Мастер, художник пробует, дерзает, судит себя самым взыскательным судом, а другой отгораживается от жизни, от друзей, от работы, на которой (об этом не следует забывать) и приобрел он свои «золотые руки». Его главная жизнь проходит теперь почти исключительно в стенах сарая. Именно здесь средоточие всех его интересов. Он заботливо и любовно устраивает себе мастерскую, не жалеет сил и трудов, чтобы обычный сарайчик, где еще не выветрился запах квашеной капусты, превратить в обиталище мастера, святая святых. «Он теперь спешил домой. Нет, не домой! В свой сарайчик! В свою мастерскую! В студию!» Ирония судьбы заключается в том, что именно сарайчик, где Василий Петрович пережил высокие радости творчества, стал непосредственной причиной его гибели — не было притока воздуха в его тесные стены.

Грустно читать последние страницы. Близкие и друзья собрались помянуть Василия Петровича. Только теперь, когда ничего изменить уже нельзя, узнали они о его странном занятии, увидели плоды его трудов. Разговор за столом — подведение итогов, слова собравшихся звучат как эпитафия мастеру. Близкие корят себя за то, что вовремя не приглядели сь к Василию Петровичу, не разглядели его талант, позволили ему отгородиться от жизни, уйти в себя. Мысль о том, что разобщенность, разъединенность людей, отсутствие доброго и сердечного внимания к близким больно ранят души и калечат судьбы, отчетливо звучит в финале повести.

Безвременно ушел из жизни Василий Петрович. Не пригодился, остался в сарае талантливо сделанный им памятник, заставляя близких горевать и печалиться еще больше.

Что и говорить, каждому хочется оставить долгую память о себе, о своем пребывании в этом мире. Это важно для человека, так как другого мира нет и не будет. И все о себе надо высказать здесь, сейчас, другого случая не представится. Ну, а долгая добрая память явится естественным результатом жизни, прожитой щедро и активно, с пользой и родостью для других. Что касается надгробий, то о них пусть пекутся оставшиеся, это их дело и забота. К таким выводам приводят размышления над странной судьбой героя повести.

О чем писали
русские газеты и журналы
в сентябре 1878 года

В одном из последних номеров «Церковно-Общественного Вестника» помещена статья, затрагивающая весьма щекотливый и серьезный вопрос о «поголовном бегстве лучших питомцев семинарий в высшие светские учебные заведения». Газета только ставит этот вопрос, но не разрешает его. По ее словам, те меры, которые до сих пор принимались в духовно-учебном ведомстве против эпидемии поголовного бегства лучших сил, не только не достигали цели, но, напротив, еще более развивали одно непреодолимое желание в более живых и даровитых натурах — желание убежать как можно скорее из вертоградства семинарской науки. Положение вещей таково, что поневоле приходится думать о реформах. Так, например, факт упадка религиозных верований в обществе, факт энергического поворота к рационализму в раскольничьей среде простого народа, факт бегства лучших сил от духовного звания — несомненны, а между тем средств для борьбы со всем этим недостает... Духовно-учебное начальство отлично это понимает и потому благоприятствует мысли о реформах. Несмотря на это, нужно признаться, идет оно по пути реформ так медленно, а главное, так нерешительно, что как будто даже и вовсе не идет, а только собирается идти. И пока эти сборы происходят, практика успевает доказать, как дважды два четыре, что те полумеры, какие до сих пор принимались, ни к чему не приводят, все равно как бы их не было.

«Неделя»

В современном расколе мало слепого пристрастия к старине... Так называемые староверы — это критики существующего, они стоят за старину, они прикрываются популярным знанием старины только в тех случаях, когда она им кажется более соответствующей потребностям народа, их общественным и нравственным идеалам. Там же, где старина противоречит их идеалам, где старая книга, старые обычаи являются поддержкою порядка, не одобряемого их разумом, там передовой раскол является смелым новатором, реформатором, рационалистом, отрицающим старые авторитеты... Скептицизм некоторых, наиболее рационалистических ветвей раскола доходит до того, что они не затрудняются оспаривать самое св. писание, признавая, что «писание есть меч обоюдоострый», что «все еретики писанием изуродовались». В самих основных фактах и догматах христианской религии они стали видеть только аллегорию, морализующее обобщение различных психических и исторических истин. Так, почти все беспоповские согласия рассматривают пришествие антихриста на землю как иносказание... Таинств многие из них также не признают... Многие из них называют простым древом и животворящий крест, на котором пострадал Христос, и отказываются поклоняться ему. Самые же крайние секты раскола, как бегуны и странники, особенно же появившаяся недавно секта «немоляков», доводят свой рационализм до чистого деизма.

«Голос»

Ю. ОГНЕВ,
старший
научный сотрудник
Института Дальнего
Востока АН СССР

30 лет
ПО ПУТИ СОЦИАЛИЗМА

9 сентября 1948 года стало поистине знаменательной датой в жизни нашего дальневосточного соседа и друга — корейского народа. В этот день было провозглашено образование первого за многовековую историю Кореи суверенного, независимого от чужеземного господства и диктата государства — Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР). Многие века Корея находилась в вассальной зависимости от Китая. На господство в Корее постоянно претендовала и Япония. В 1910 году ей удалось утвердиться там, превратив Корею в свой колониальный придаток, объект хищнической эксплуатации и беззастенчивого ограбления. 35 долгих лет хозяйничали в стране японские империалисты, варварски подавляя ее культуру, пытаясь искоренить в народе национальное самосознание и демократические устремления.

И все эти долгие годы он не переставал бороться за независимость своей родины. Особую силу и размах, реальную перспективу и целеустремленность эта борьба приобрела после победы Великой Октябрьской социалистической революции, которая открыла новую эру в истории человечества, положила начало общему кризису капитализма, в том числе и его господства в колониальных и зависимых странах. «Мудрое ленинское учение о стратегии и тактике освободительной борьбы, его предельная ясность и целеустремленность, — писал Генеральный секретарь Трудовой партии Кореи (ТПК), президент КНДР Ким Ир Сен, — нашли живейший отклик в сердцах настоящих корейских патриотов и породили целое поколение страстных приверженцев и последователей этого учения. Борьба нашего народа поднялась на новую ступень, ленинское учение придало ей острый политический характер и целеустремленность»[1].

В совместной борьбе против агрессии японского империализма на Дальнем Востоке складывалось и крепло интернациональное братство советского и корейского народов. Разгром в августе 1945 года Красной Армией японских войск в северо-восточном Китае и Корее принес ее многострадальному народу освобождение от колониального рабства и положил начало коренным социальным преобразованиям.

«На протяжении XX века наша страна дважды стояла у истоков крупнейших перемен в облике мира, — говорил товарищ Л. И. Брежнев. — Так было в 1917 году, когда победа Октября возвестила о вступлении человечества в новую историческую эпоху. Так было в 1945 году, когда разгром фашизма, решающую роль в котором сыграл Советский Союз, поднял могучую волну социально-политических изменений, прокатившуюся по всей планете, привел к укреплению сил мира во всем мире»[2].

В августе 1945 года корейский народ восторженно приветствовал советских воинов-освободителей, которые, выполняя свой интернациональный долг, решительно и быстро ликвидировали аппарат японского колониального господства. В северной части Кореи[3] были разоружены, взяты в плен, а затем эвакуированы все японские войска, жандармерия и полиция, полностью ликвидирован колониальный аппарат, освобождены патриоты, десятки лет томившиеся в японских тюрьмах. Корейцам была предоставлена и гарантирована подлинная свобода слова, печати, собраний и организаций, оказано содействие в установлении демократического, народного самоуправления, приняты необходимые меры для восстановления разрушенного колонизаторами народного хозяйства и улучшения материального благосостояния трудящихся. Мероприятия Советской военной администрации в Северной Корее были направлены на обеспечение национальной неза-

---

[1] Ким Ир Сен. Избранные статьи и речи. М., 1962, стр. 126.

[2] Л. И. Брежнев. Ленннскнм курсом, т. 5, М., 1976, стр. 286.

[3] По соглашению между союзными держааами ответственность за осуцествление условнй безоговорочной капитуляцнн Японни на территории Кореи возлагалась иа советское командованне к северу от 38-й параллели и на американское — к югу от нее.

Пхеньян. Народный дворец культуры.

Одна из улнц современного Пхеньяна.

Фото из журналов «Корея» и «Корея сегодня».

На отдых в пионерский лагерь.

Поливной рис — основа корейского земледелия.

Молодые таланты.

висимости, прогресса, на решение национально-освободительной задачи корейской революции. Все крупные промышленные предприятия, транспорт, средства связи, банки и другие ключевые отрасли экономики, принадлежавшие оккупантам, были переданы народной власти.

Освобождение Кореи вызвало небывалый подъем демократического движения как на Севере, так и на Юге полуострова, где также стала утверждаться народная власть, однако прибытие туда в сентябре 1945 года (уже после капитуляции Японии) американских войск крайне осложнило политическую обстановку. Местная реакция, оказавшаяся после ликвидации японского господства беззащитной перед лицом своего собственного народа, обрела в них новых покровителей. В Южной Корее стали формироваться контрреволюционные силы, развернувшие борьбу против демократов и патриотов. Американская администрация не признала и разогнала демократические органы власти, созданные на Юге.

Пребывание советских войск в Северной Корее явилось надежной гарантией от попыток иностранных капиталистических хищников снова прибрать ее к рукам. Здесь развернулась народно-демократическая революция, которая ставила своей задачей ликвидацию остатков колониального режима, уничтожение феодальных пережитков и создание условий для развития Кореи по пути строительства социализма. Коммунисты Северной Кореи выступали за создание демократической республики, конфискацию и передачу крестьянам всех земель, национализацию фабрик и заводов, принадлежавших японцам и коллаборационистам, а также за проведение других социальных преобразований.

Эта программа была осуществлена в Северной Корее полностью и в короткие сроки при активной поддержке широких слоев населения, объединенных в Единый демократический национальный фронт, сформированный в конце 1945 года под руководством коммунистов в составе различных политических партий и массовых общественных организаций. В феврале 1946 года на совещании представителей народных комитетов, политических партий и общественных организаций в Пхеньяне был создан высший орган новой власти — Временный народный комитет Северной Кореи.

Вскоре он принял закон о земельной реформе, которая была проведена менее чем за месяц и передала землю в руки тех, кто ее обрабатывал. Кстати сказать, на основании этого закона были также конфискованы земли буддистских монастырей и поделены между батраками и арендаторами, которых прежде эксплуатировали монахи. 10 августа 1946 года был принят закон о национализации промышленности, средств связи и банков, принадлежавших ранее японцам и прояпонским элементам, под действие которого подпали практически все крупные предприятия. Народная власть одновременно осуществила важные социальные преобразования. В частности, в 1946 году были введены 8-часовой рабочий день и система социального страхования, принят закон о равноправии женщин и др. В результате уже к 1947 году в Северной Корее были в основном решены общедемократические, антифеодальные задачи революции, и ее народ вступил на путь строительства социализма.

Что касается Южной Кореи, то американские оккупационные власти в мае 1948 года инсценировали там сепаратные «выборы» и сформировали марионеточное правительство во главе со своим ставленником Ли Сын Маном.

Демократические силы корейского народа противопоставили этому раскольническому неоколониалистскому курсу единый фронт борцов за независимость и единство страны. Созванное по инициативе ТПК летом 1948 года совещание руководителей политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи решило провести свободные выборы в обеих частях полуострова и создать центральное правительство. В конце августа 1948 года на Севере и Юге Кореи в обстановке высокого политического подъема состоялись выборы депутатов в Верховное народное собрание. 9 сентября 1948 года оно провозгласило создание Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР), приняло ее консти-

туцию и образовало ее правительство.

Советский Союз первым признал КНДР и установил с ней дипломатические отношения. Вскоре молодая республика установила их со всеми социалистическими странами. Верховное народное собрание КНДР обратилось к правительствам США и Советского Союза с предложением об одновременной эвакуации из Кореи американских и советских войск. СССР незамедлительно откликнулся на него и, не дожидаясь согласия США, в одностороннем порядке к декабрю 1948 года полностью вывел свои войска из Северной Кореи.

Однако стремление корейского народа к национальному возрождению и социальному прогрессу натолкнулось на упорное сопротивление опиравшихся на американские штыки реакционных сил Южной Кореи. Осуществляя свои неоколониалистские планы, США в 1950 году прибегли к вооруженному насилию и навязали корейскому народу трехлетнюю разрушительную войну, принесшую ему неисчислимые бедствия и страдания. В тяжелых сражениях за честь, свободу и независимость своей родины патриоты проявили невиданный героизм и самоотверженность, и интервентам не удалось сломить волю корейского народа. Его мужественная борьба против агрессоров, активная военно-экономическая, политическая и дипломатическая помощь и поддержка СССР и других социалистических стран, всех миролюбивых сил мира поставили прочный и надежный заслон перед экспансионистскими планами империалистов, вынудив их прекратить войну и в июле 1953 года подписать соглашение о перемирии. Уничтожение в Корее целых городов, колоссальных материальных и культурных ценностей, накопленных народом за длительный период его истории, истребление мирного населения, в том числе стариков, женщин и детей, — все это останется одной из позорнейших страниц в истории США.

В таких вот неимоверно тяжелых условиях корейский народ приступил к строительству социализма. Стоявшие перед ним трудности к тому же еще усугублялись унаследованными от периода японского владычества отсталой и однобокой экономикой, значительными пережитками феодализма и массовой неграмотностью. Благодаря самоотверженному труду всего народа под руководством ТПК и братской помощи социалистических стран эти препятствия были успешно преодолены и осуществлены коренные социально-экономические преобразования: полностью и навсегда искоренены эксплуатация и угнетение, создана прочная материально-техническая база социализма.

Поистине огромны культурные достижения страны. Следует иметь в виду, что тут приходилось начинать с ликвидации последствий колониализма, прежде всего массовой неграмотности. До Освобождения лишь незначительное меньшинство корейских детей имело возможность учиться в средней школе, преподавание в которой к тому же велось на японском языке и по японским программам. В начале 70-х годов в республике уже насчитывалось свыше 140 вузов и 500 техникумов. В последние годы в КНДР вводится всеобщее обязательное 11-летнее обучение. Две трети детей дошкольного возраста посещают детские сады и ясли.

Если до Освобождения в Корее почти полностью отсутствовала своя техническая интеллигенция, то ныне в народном хозяйстве КНДР трудится более 600 тысяч инженерно-технических работников. Академия наук КНДР объединяет около 20 научно-исследовательских институтов. Кроме того, здесь имеются Академии общественных, педагогических, медицинских и сельскохозяйственных наук.

Успехи социалистического строительства в КНДР в огромной степени обусловлены такими благоприятными факторами, как существование мировой социалистической системы, интернациональная поддержка и помощь, оказанные КНДР братскими странами.

Величие и благотворность всех этих социалистических преобразований становятся еще более впечатляющими, если учесть, что на протяжении многих веков в Корее активно насаждались феодальная идеология, различные реакционные идеи и верования. На разных этапах исторического развития корейцы испытали на себе влияние многих религиозных догматов, которые брали на вооружение правящие классы. Еще в IV веке сюда из Китая проникают буддизм, достигший своего наивысшего расцвета примерно к X веку, и конфуцианство, которое вплоть до XX века практически играло на полуострове роль государственной религии. Корейских феодалов особенно привлекали в нем почитание «небом установленного» миропорядка, культ правителя и строгая кастовая иерархия. В соответствии с конфуцианскими догмами складывались и отношения в семье: неограниченная власть мужа и отца над женой и детьми и даже соподчинение последних по полу и возрасту и т. д. и т. п. В нашем веке эта религия утратила в Корее свое былое влияние, однако многие ее догматы, особенно те, что регламентируют семейные отношения, и поныне еще бытуют среди некоторой части людей старшего поколения.

В начале прошлого века, на пороге активной экспансии западных держав на Дальнем Востоке, в Корею начало проникать христианство. Однако к концу этого столетия, несмотря на упорную, иногда фанатичную, деятельность миссионеров, в стране насчитывалось менее 30 тысяч христиан.

Характерное для Кореи одновременное распространение различных конфессий приводило к возникновению синкретических сект, например «Тонхак» («Восточное учение»). Последняя, в частности, соединила в себе элементы конфуцианства, буддизма и даосизма. Ее учение сводилось к призыву создать «царство божье на земле» усилиями равных перед «небом» и друг другом людей, не дожидаясь помощи сверхъестественных сил в борьбе с угнетением.

Кстати, под лозунгами этой секты выступали участники крестьянского восстания 1893—1894 годов. В период японского господства деятельность «Тонхак» была запрещена, так же, впрочем, как и других культов, кро-

ме синтоизма, буддизма и христианства. Из течений тонхаковского толка самым влиятельным вплоть до освобождения Кореи оставалось «Чхондогё» («Учение небесного пути»). Оно проповедовало ненасильственное сопротивление «злу» вообще и японским колонизаторам в частности.

В период японской колонизации (1910—1945 гг.) корейцам навязывалась государственная религия метрополии — синтоизм — с его культом императора, богини Аматэрасу, шовинистическим милитаристским духом. Однако эти усилия также не дали каких-либо существенных результатов.

В 1946 году в Корее была основана «Партия молодых друзей учения небесного пути» («Чхонудан»), которая вместе с другими прогрессивными организациями вошла в Единый демократический отечественный фронт и сотрудничает с ТПК в строительстве социализма и борьбе за мирное объединение полуострова.

К моменту образования КНДР деятельность религиозных организаций в Северной Корее в целом была незначительной. Наиболее крупной католической миссией, например, здесь был немецкий монастырь на берегу Японского моря близ г. Вонсана. Поскольку эта обитель играла роль опорного пункта западных держав, народная власть предложила миссионерам покинуть пределы республики. Сейчас на территории монастыря разместился Институт сельского хозяйства и рыбного промысла, созданный после Освобождения. Автору этих строк еще в 1949—1950 годах довелось побывать в нем и своими глазами наблюдать, как монашеские кельи переоборудовались под аудитории и лаборатории, как в бывшем кафедральном соборе проходили студенческие собрания, митинги, лекции.

В Северной Корее после ее Освобождения церковь была отделена от государства. В статье 14 Конституции КНДР, принятой в 1948 году, записано: «Гражданам обеспечивается свобода вероисповедания и отправления религиозных культов». Поскольку в ходе народно-демократической и социалистической революции в КНДР были подорваны социальные корни религии, различные верования, распространенные здесь до Освобождения, ныне не играют сколько-нибудь заметной роли в духовной жизни народа. Сейчас в Северной Корее практически нет действующих храмов. Буддистские, например, превратились, по существу, в музеи и исторические памятники.

Советские люди с глубоким пониманием относятся к справедливой борьбе корейского народа за мирное восстановление своего национального единства, за то, чтобы корейцы Севера и Юга жили одной семьей и сами решали свои внутренние дела. Наша страна решительно выступает в поддержку законного требования о выводе из Южной Кореи американских войск, на чьих штыках там вот уже более 30 лет держится антинародный режим военной диктатуры — главное препятствие на пути к достижению национального единства.

СССР строит свои отношения с КНДР на принципах социалистического интернационализма — полного равноправия, уважения суверенитета и национальных интересов, взаимной выгоды и товарищеской взаимопомощи. Они скреплены Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (1961 г.). Советские люди дорожат традиционной братской дружбой с корейским народом, всегда искренне радуются его достижениям и в дни 30-летия КНДР шлют ему сердечные приветствия и поздравления.

ВСТРЕЧА С ФРАНЦУЗСКИМИ СВОБОДОМЫСЛЯЩИМИ

Французское движение свободомыслящих и атеистов представлено тремя организациями: Национальной федерацией свободомыслящих («Свободная мысль»), насчитывающей около 15 тысяч членов и имеющей свои отделения в каждом департаменте Франции, а также входящими в нее «Союзом рационалистов» и «Союзом атеистов».

В нынешнем году в нашей стране побывала большая группа активистов Национальной федерации свободомыслящих в составе 144 человек во главе с ее генеральным секретарем Анри Лекультром и вице-президентом Р. Дальяном. Делегация посетила Москву, Киев и Ленинград.

Французские свободомыслящие встретились в Московском Доме научного атеизма с советскими учеными, работающими в этой области. Директор Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС профессор П. К. Курочкин познакомил гостей с основными направлениями деятельности этого исследовательского центра. Затем советские ученые ответили на их вопросы. В частности, французских свободомыслящих интересовали современное состояние атеизма и религии в СССР, положение церквей в нашей стране, динамика религиозности, организация атеистической пропаганды в нашей стране, а также некоторые особенности аргументации, применяемой советскими учеными в критике религии. Гости проявили живой интерес к литературе, освещающей опыт советских пропагандистов атеизма, интересовались возможностью перевода на западноевропейские языки советских атеистических изданий.

Со своей стороны, А. Лекультр информировал наших ученых о некоторых особенностях работы организаций французских свободомыслящих, кстати располагающих собственной прессой — ежемесячником «Рэзон» («Разум») и газетой «Вуа дэзате» («Голос атеистов»). Все организации автономны в выборе методов, литературы и т. д., а их деятельность координируется административным советом Национальной федерации.

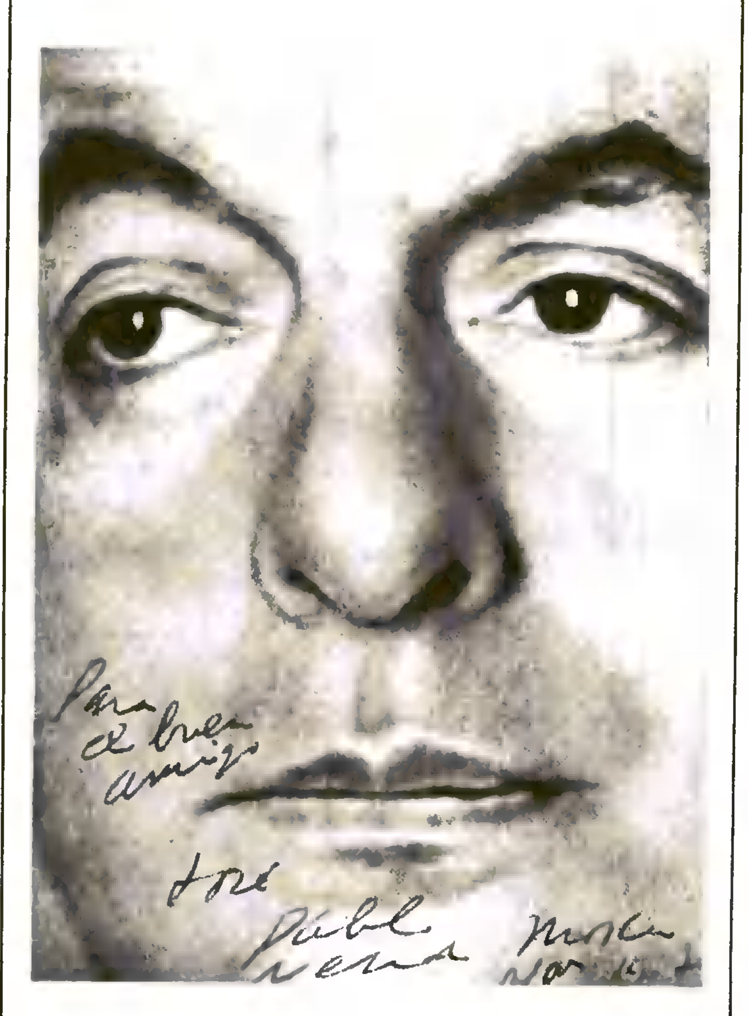
По словам А. Лекультра, основной своей задачей французские свободомыслящие считают антиклерикальную пропаганду, которая очень актуальна в современной Франции, где церковь тесно связана с капиталистическим строем и препятствует продвижению общества по пути социального прогресса. Антиклерикальная пропаганда в стране серьезно затрудняется тем, что церковь активно приспосабливается к современному миру, пытается выдавать себя за фактор, способствующий прогрессу.

Несмотря на постоянное уменьшение во Франции числа верующих, что фиксируется социологами, церковь продолжает играть влиятельную роль в политической жизни, в средствах массовой информации.

Таким образом, французским свободомыслящим приходится работать в крайне сложных условиях, располагая к тому же очень ограниченными средствами. В то время как клерикальная пропаганда ежедневно распространяется как по радио, так и по телевидению, Федерации свободомыслящих разрешено использовать только четверть часа в месяц на радио и столько же, но уже раз в четырнадцать (!) месяцев на телевидении, причем лишь по третьей программе. Тем не менее всей своей деятельностью Национальная федерация свободомыслящих Франции стремится довести до широких масс идею о том, что церковь является серьезным препятствием на пути прогресса.

Р. ЛОПАТКИН,
кандидат философских наук

ПЕВЕЦ СВОБОДЫ

Пабло Неруда.
Фото с дарственной надписью автору этой статьи.

Пабло Неруда, имя которого вряд ли нуждается в представлении, не был поэтом - затворником, избегавшим политических схваток или стоявшим над ними, подобно его знаменитой землячке поэтессе и тоже, как и он, лауреату Нобелевской премии по литературе Габриэле Мистраль. Правда, тот факт, что он на протяжении многих лет, вплоть до 1943 года, был профессиональным дипломатом, не мог не сдерживать его общественную деятельность, но в своих стихах Неруда всегда был свободен от каких-либо пут или конъюнктурных соображений и с предельной ясностью выражал свои мысли и чаяния.

Поэт родился в верующей семье, притом в государстве, где католическая церковь всегда была господствующей. Вся история Чили, как и других стран Латинской Америки, начиная с конкисты связана с деятельностью этой церкви — союзницы колонизаторов в прошлом, олигархии и империализма в наше время.

Будучи художником эпического склада, воссоздавшим во многих своих поэтических циклах историю своей страны и всего Нового Света, Неруда не мог не дать соответствующей оценки роли, какую в ней сыграла католическая церковь. Как он, впрочем, не мог не затронуть этой темы и в своем стихотворном цикле о национально - революционной войне в Испании, где тогда поэт был чилийским консулом в Мадриде.

И вместе с тем Неруда всегда положительно отзывался о тех католических деятелях, кто выступал с осуждением колонизаторов и прочих эксплуататоров, как о том свидетельствует, например, его стихотворение, посвященное доминиканскому прелату Бартоломе де Лас Касасу *.

Пабло Неруда был атеистом. Об этом он откровенно заявлял в статье «Кормчие страха», написанной специально для журнала «Наука и религия» (1960, № 8). «Священники с давних времен с помощью разных обрядов и на различных языках, — говорилось в ней, — по кусочкам продают небо со всеми его благами. Еще совсем маленьким ребенком я восстал против этого никогда не виденного царства... Если логически следовать учениям религии, то надо признать божественное происхождение разума, однако нельзя заставить разум верить в то, чего он не понимает. По-моему, учение о неисповедимости божественной воли представляет собой обман человеческого разума и проникнуто презрением к нему».

Чилийские фашисты люто ненавидели Пабло Неруду. Совершив свой злодейский переворот в сентябре 1973 года, ландскнехты хунты разгромили дом поэта на Исла Негра, уничтожили его книги и рукописи, совершили налет на лечебницу, где он умирал. Даже в таком состоянии Неруда представлял для них опасность. Чилийцы продолжают любить своего поэта, бескомпромиссного борца за свободу и справедливость. Когда падет фашистская диктатура, его стихи вновь зазвучат на улицах и стадионах, в шахтерских и рабочих поселках, там, где их сейчас произносят шепотом, чтобы придать себе и товарищам силу и отвагу в борьбе за идеалы, во имя которых жил и творил Пабло Неруда.

И. ГРИГУЛЕВИЧ,
доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РСФСР

* Гуманист, историк и публицист (1474—1566 гг.). В первой половине XVI в. в качестве доминиканского монаха-миссионера принимал участие в конкисте, в 1545—1550 гг. был епископом в завоеванной Мексике. Активно выступал в защиту индейцев, обличал зверства завоевателей и режим геноцида и рабства, установленный в испанских владениях.

Из цикла «Всеобщая песнь»

СЛЕТ ВОРОНОВ

В Панаму слетелись бесы,
там хорьки заключили союз.
Им свеча светила тускло
в час, когда они сошлись.
Первым был Альмагро, старый
и кривой; за ним пришел
свинопас Писарро, третьим
был каноник Луке, сведущ
в мракобесии... И каждый
за спиной у компаньона
свой таил кинжал, и каждый
грязным взором на стене
этой темной видел ясно
кровь и золото далеких
царств, что их влекли к себе,
как луны проклятый камень.
А когда был скреплен союз,
Луке поднял чашу с причастьем,
и с кривой усмешкой трое
воров замесили облатку.
«Братья, бог теперь меж нами
поделен», — сказал каноник.
И убийцы с клыками цвета
сизой глины ответили: «Амен!»
Ударяли о стол, плевались,
сроду грамоты не зная,
исчертили мелкими крестами
стол, бумагу, скамьи и стены.
Темный Перу, затопляемый морем,
ты отмечен их знаком. И сотни
черных, черных мелких крестов
на судах отплывают к югу.
Здесь были кресты агоний,
кресты из лохм и волокон,
кресты с колючками гадов,
кресты, все в гное болячек,
кресты в виде лап паучьих,
зловещие охотничьи кресты.

Перевел с испанского
Ф. КЕЛЬИН

Монах Бартоломе де Лас Касас

Когда среди тумана майской ночи
в сезон дождей, что всюду с крыш стекают
глухим биеньем неизбывной боли,
усталый, возвратясь из профсоюза,
ты станешь думать о своей борьбе,
которая мельчится повседневно, —
пусть скорбь поднимется в тебе. С тобою
пускай войдет в твой дом она,
рождая
тот свет, который дремлет,
словно звезды,
похороненные под мрачной твердью.
Отец Бартоломе, тебе спасибо
за этот дар суровой полуночи.
Спасибо, потому что жизнь твоя
была в веках непобедимой.
Она могла быть сожрана собачьей
свирепой пастью и могла погибнуть
раздавленной, остаться горстью пепла
в сожженном доме; мог ее убить
холодный нож бесчисленных убийц,
могла зарезать купленная злоба,
что встречным исторгается с улыбкой;
тебя мог выдать и сосед под пыткой,
и ложь, влетевшая в окно из-за угла.
Да, нить хрустальная твоих идей,
с ее прозрачностью упрямой, могла погибнуть
или превратиться в солдата, в подвиг, в
водопад
низринутой на землю стали.
Немного было жизней, как твоя.
У дерева — теней немного было
таких, как ты! В себе объединил ты
все жгучие терзанья континента,
все раны изувеченных, всю скорбь
индейских сел, вторженцем истребленных.
Все возрождается в тени твоей,
на грани ты агонии воздвиг надежду новую.
Великим счастьем для человечества, отец
наш, было,
что к нам ты на плантации пришел,
отведал хлеба черных преступлений,
что ежедневно пил ты чашу гнева,
приумножая всенародный гнев...
Кто поместил тебя между зубами
звероподобной ярости? И как
глаза другие, из других металлов,
смотрели на рождение твое?
В таинственной муке вселенной
зерно твоей великой мысли
без изменения осталось в тесте
и в хлебе всей системы мировой...
Средь призраков ожесточенных
действительностью был ты; и средь шквала
ты нежностью целительною был.
От битвы к битве шла твоя надежда
и превращалась в меткое оружье;
и одинокая борьба росла, как ветвь, обильная
плодами;
и тщетный стон страданий одиноких
группировался в партию твою.
Смирение бессильным было: тщетно
ты воздвигал пред миром, словно храм,
свои колонны и святыню неба.
Напрасно ты протягивал врагам
благословляющую руку.
Они твои топтали слезы, обрывая у чистых
лилий белизну цветов.
Здесь набожность была высокой, голой,
как навсегда покинутый собор.
Здесь делу твоему служила только твоя
непобедимая решимость;
упорство сердца пламенного всюду оружье
поднимало на борьбу.
Твой разум был оружием твоим.
Твое строенье, как цветок, прекрасно было.
Завоеватели с высот презренья
пыталися рассматривать тебя,
как тени каменные, опираясь
в потемках на огромные мечи.
Они плевками загрязняли землю
твоих высоких, чистых начинаний.
Они твердили: «Вот он, подстрекатель!
Подкуплен иностранцами он, — лгали,
Нам изменил и потому — предатель,
отечества лишился навсегда!»
Но проповедь твоя была не хрупкой
минутою на уличных часах,
и сам ты не случайным был явленьем.
Ты был высоким деревом из леса,
охваченного битвой; был железом,
вдали сокрытым от дневного света
весеннею цветущею землей.
И более того — ты глубже был:
в единстве времени, в движенье жизни,
твои вперед протянутые руки
звездою были, знаком путеводным для людей.
Войди ж сегодня в дом ко мне, отец мой!
Я письма покажу тебе о муках,
и покажу страдания народа, и боль, и
притесненья человека,
и скорби древние тебе я покажу.
И чтобы утвердиться на земле мне
и чтоб достойно продолжать борьбу, —
дай сердцу моему вино исканий
и непреклонный хлеб твоей любви.

Перевел с испанского В. ЖУРАВЛЕВ

Из кн.: Пабло Неруда. Избранные произведеиня в двух томах. М., 1958.

ОЛИГАРХИИ

Еще не высохли знамена,
еще солдаты не уснули —
свобода вдруг переоделась
и собственностью обернулась:
на только что засеянной земле
возникла каста, шайка
из новых богачей с гробами,
с полнцией и тюрьмами.
И провели они проклятую черту:
«По эту сторону — мы, «порфиристы»
из Мексики, «дворяне» Чили,
бездельники из Жокей-клуба Аргентины
и франтоватые пираты Уругвая,
и недоноски Эквадора,
и золотая молодежь
из клерикалов разных стран.
А по другую сторону — вы, оборванцы,
вы, босяки из Мексики,
вы, гаучо бесправные, в лохмотьях,
и свинарники набитые без счету,
вы — сброд, вы — вшивые канальи,
вы — жалкая толпа,
ленивая и грязная, — народ».
Все строилось на той черте.
Архиепископ стену окропил,
и огненной анафеме он предал
бунтовщика, который отрицал
преграды касты.
Рукою палача сожгли
творения Бильбао.

Полицейский
ограду охранял, и, если приближался
изголодавшийся к дворцам священным,
удары сыпались на голову ему,
в капкан батрачества он попадал,
пинком его в солдаты загоняли.
Они в покое и уверенности жили.
Народ же был на улицах и в поле,
и в страшной тесноте он жил — без окон,
и без земли, и без рубашки,
без школ, без хлеба.
По всей Америке сегодня бродит призрак
неграмотный, отбросами питаясь;
под нашими широтами везде он одинаков:
выходит из сырых застенков,
живет бродягою в предместьях, —
туда загнал его согражданин,
владеющий костюмами и орденами.
И в Мексике сварили пульке,
а в Чили — грубое вино
густого фиолетового цвета,
чтоб отравлять его, чтоб разрушать
по маленьким кусочкам душу.
Ему отказывали в книге, в свете,
когда же падал он на землю,
истерзанный туберкулезом,
с обрядами его не хоронили,
бросали просто голым
на свалку вместе с падалью другой,
такой же безыменной.

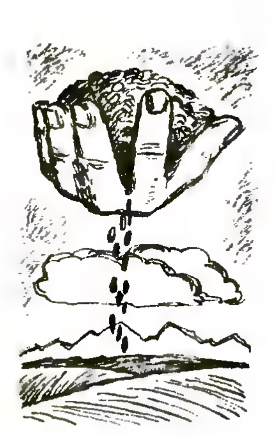
Перевел с испанского О. САВИЧ

ЖИЗНЬ

Пусть другие задумываются над тайной загробной, —
мир сверкает, как яблоко,
реки текут
по великим просторам земным,
и повсюду живут Розалия нежная
и Хуан — ее друг...
Из грубых камней
созидают дворцы,
из глины, мягкой, как гроздья,
и из соломы построен мой дом.
Далекие страны, поющие колокола,
бои на рассвете, и темное пламя Авроры,
и даль, и любовь ожидают меня...
Все живо во мне —
и сокровищница бирюзы,
и земные дороги, и волны прибоя,
обтачивающего утесы, как статую.
О, дыханье пекарен на утренних зорях,
о, движенье песков, и медленный шелест зерна,
и эти широкие темные руки,
что жизнь мою замесили...
Для жизни горят огни апельсинов
над темными толпами судеб.
Пусть могильщики роются
в мраке былого,
пусть они поднимают обломки
мира, лишенного света,
разговаривая на языке могильных червей, —
предо мною горят семена золотые
и ростки их сияют, и радость, и нежность.

Перевел с испанского В. ДЕРЖАВИН

Из цикла «Оды простым вещам»

Ода хлебам индейцев

(отрывок)

Индейцы,
немые свидетели бедности,
напоминали
мешки с землей
и призраки
древней Араукании.
Вверху
было небо твердое,
словно лазурный камень.
Внизу
были злаки тощие
разоренной моей земли.
Вспоминаю те земли... Их
разоряли судьи и воры.
С каждым годом —
все меньше земли,
с каждым годом —
все меньше хлеба.
В горах и в низинах
феодалы,
адвокаты,
полиция
убивали индейцев
бумагами —
целой кучей бумаг —
с приговорами,
с предписаньями
и с приказами.
А священники?
Предлагали они
горемыке-индейцу
небо, —
словно было
пустое небо
лучше тучной земли.

Перевел с испанского
А. ТВЕРСКОЙ

ПРАЗДНИКИ СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ

«НАШИ ПРАЗДНИКИ» (советские, общегосударственные, трудовые, воинские, молодежные и семейно-бытовые праздники, обряды, ритуалы). М., Политиздат, 1977, 168 стр. с илл., 200 000 экз., 1 руб. 20 коп.

Книга «Наши праздники» — фундаментальный труд, в котором обобщен опыт организации и проведения новых советских праздников и обрядов. Авторский коллектив, составитель и редакторы проделали большую работу. Им удалось отобрать наиболее существенное из того, что сделано для становления новой обрядности.

В книге собран богатый материал об истории и сегодняшнем дне основных советских праздников. Создатели ее предложили четко продуманную классификацию праздников и обрядов, которая и определила построение книги: праздники общегосударственные и революционные, трудовые, воинские, молодежные, семейно-бытовые, а также праздники, посвященные смене времен года и явлениям природы.

В статьях сборника говорится о той важной роли, которую играют советские праздники и обряды в системе коммунистического воспитания, в формировании нового человека, в нравственном, патриотическом, интернациональном, трудовом, атеистическом воспитании советских людей. Авторы показывают, что новая обрядность активно и действенно укрепляет связи между отдельным человеком и обществом, приобщает личность к коммунистическим духовным ценностям, к советскому образу жизни. Здесь аккумулируется социальный опыт людей, который передается затем новым поколениям.

Система советских праздников и обрядов имеет — и это подчеркнуто в книге — ярко выраженную атеистическую направленность. Известно, что до сих пор церковные праздники и обряды оказывают влияние на верующих. Успешно преодолевать их можно, лишь противопоставив им обряды, которые по своему духовному богатству, яркости и выразительности, силе эмоционального воздействия не только не уступают, но и превосходят обряды церковные. В книге справедливо отмечено: «Наша обрядность содействует углубленному пониманию действительности, формированию материалистических убеждений и воспитанию чувств, становлению человеческой личности». И в этой связи она является важным средством преодоления религиозных чувств.

Отмечая достоинства этого интересного издания, стоит, тем не менее, сделать и некоторые критические замечания. В сборнике речь идет о совершенно особой стороне человеческой жизни. Поэтому стиль деловой справки, в ряде случаев вполне уместный, иногда вызывает недоумение — человеческие переживания требуют от автора, который их описывает, более глубокого проникновения в духовный мир личности. Хотелось бы, чтобы для описания таких моментов в жизни человека, как рождение ребенка, серебряная или золотая свадьба, первая получка, авторы нашли бы более теплые, нестандартные слова.

И еще. Книга напечатана на прекрасной бумаге, снабжена красочными иллюстрациями — она приближается к типу издания, который принято называть подарочным альбомом. Это, конечно же, хорошо. Однако в данном случае особенности оформления производят некоторый незапланированный эффект. У читателя может сложиться впечатление, что система советской обрядности — нечто вполне сложившееся и законченное. Такое впечатление, вероятно, будет неточным. Система находится в процессе становления. В чем-то достигнут успех, но предстоит еще очень многое сделать (например, в совершенствовании семейно-бытовой обрядности). Вот эту сторону дела — необходимость продолжать работу по совершенствованию системы советской обрядности — следовало бы, как нам кажется, подчеркнуть более четко.

В. МУХИН

КАК И КОГДА ВОЗНИКЛА РЕЛИГИЯ

М. С. Бутинова. КАК ВОЗНИКЛА РЕЛИГИЯ. М., «Советская Россия», 1977, 144 стр., 30 000 экз., 20 коп.

Проблема возникновения религии многократно разрабатывалась советским религиоведением. В то же время это — одна из тех тем, которые вызывают постоянный живой интерес в самых широких читательских кругах и потому нуждаются в освещении и в популярных изданиях. Рецензируемая книга хорошо отвечает такой потребности. По сравнению с работой того же автора, вышедшей в 1957 году, настоящая книга дополнена новым материалом. В ней проанализированы достижения науки за истекшие 20 лет.

Автор приходит к выводу, что последние находки останков первобытного человека и его орудий (открытия Л. и Р. Лики в Восточной Африке и другие) с еще большей силой, чем прежние, свидетельствуют о том, что в истории человечества существовал длительный безрелигиозный период.

Наиболее важный и сложный вопрос первого раздела книги: почему в перид становления человека, его максимального бессилия и беспомощности религия не возникала и почему она возникла на следующем этапе? Воссоздавая процесс развития человеческого сознания, М. С. Бутинова обстоятельно отвечает на этот вопрос. Дело не только в самом бессилии, необходимо еще и осознать его. В связи с этим вспоминается высказывание известного советского исследователя первобытной культуры В. К. Никольского: представление о сверхъестественном могло возникнуть у первобытного человека лишь тогда, когда у него образовалось понятие о естественном порядке вещей в окружающем мире.

Очень существенно отмеченное автором книги положение: фантастическое становилось религией лишь в том случае, если человек верил в реальность своих фантазий и считал себя зависимым от них. Эта формулировка четко отграничивает религиозные верования от художественного вымысла — сказок, легенд и т. п. Существенна и мысль, что не все ранние мифы связаны с религией. «Многие из них просто удовлетворяют любознательность людей, находящихся на определенной ступени развития, давая ответы на вопросы — почему и откуда».

Разоблачая фальсификаторские попытки христианских миссионеров найти у современных народов, стоящих на стадии первобытно-общинного строя, веру в единого бога-творца, автор правильно отмечает, что сознанию этих народов чуждо не только понятие бога, у них отсутствует и идея сотворения мира из ничего.

Рассматривая веру в душу и духов, М. С. Бутинова подробно описывает материальное происхождение этих представлений. Убедительно показано, что возникновение идеи загробного существования обусловлено именно материальным характером представлений о душе «в виде тени, двойника человека, или в виде дыхания». Здесь проявился фетишистский аспект ранних религиозных верований.

Раскрывая содержание термина «фетишизм», определяемое словами К. Маркса о чувственно-сверхчувственных вещах, автор избегает его применения, как и термина «анимизм». Если это диктуется нежеланием утяжелять изложение специальной терминологией, то, поддерживая автора в его общих установках, надо все же сказать, что слова «фетиш», «фетишизм» применяются широко, причем часто в значении, далеком от прямого. И в популярном издании полезно было бы уточнить смысл этого термина.

Главное достоинство рецензируемой книги состоит в показе живой связи ранних форм религии с современными, в том числе и с так называемыми мировыми. Ярко показано, что корень и даже ядро ритуалов современных религий восходят к первобытным — «дикарским» верованиям.

Несомненное достоинство работы — убедительное раскрытие нерасторжимой связи религии с суевериями. Хорошо разъяснено, что «современные религии

не только не противостоят суевериям, но, наоборот, сохраняют в себе многие их черты». Разъяснение истинной сущности таких предрассудков, как вера в вещие сны и приметы, гадание и т. п., особенно важно потому, что и в настоящее время эти явления, вопреки истине, часто не считаются связанными с религией. Тут можно было бы еще ближе подойти к реальности быта. Например, о поминках мало сказать, что их особенно пышно справляли «раньше на Кавказе». Пышные поминки после похорон на третий, девятый и 40-й день справляют нередко и сейчас.

Автора рецензируемой книги можно было бы упрекнуть за неполное освещение проблемы человеческих жертвоприношений. О них идет речь в нескольких разделах, но сообщается о человеческих жертвоприношениях только у «диких» или «варварских» народов: у индейцев Северной и Южной Америки, в древней Индии, у полинезийцев Гавайских островов. Человеческие жертвоприношения — факт, иллюстрирующий, как в эпоху образования классов и государства захватившая власть верхушка общества превратила религиозный ритуал в орудие насилия.

Это явление имело место в истории всех народов. И справедливо констатировать его на примерах не только покоренных европейцами народов, но и самих европейцев. Известно принесение в жертву людей у греков античности (например, миф об Ифигении), галлов (жертвоприношение бунтовщиков), а также у древних славян (похороны русса по Ибн-Фадлану, изображенные на картине Семирадского). Привлечение этих фактов способствовало бы более полному освещению истории религии.

В тексте много иллюстраций, но техническое их выполнение оставляет желать лучшего, особенно по сравнению с изданием 1957 года.

В целом книга М. С. Бутиновой полезна и популярна в самом хорошем смысле этого слова. Ее охотно прочтут не только пропагандисты, но и представители более широких читательских кругов, все те, кто интересуется происхождением и развитием религиозных верований.

Б. ШАРЕВСКАЯ,
доктор исторических наук

ОСТРОВ ПАСХИ РАСКРЫВАЕТ ТАЙНЫ

МИФЫ, ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ ОСТРОВА ПАСХИ. Перевод с рапануйского и западноевропейских языков. М., «Наука», 1978, 10 000 экз., 382 стр., 2 руб. 30 коп.

Дымкой загадочности и таинственности окутана история острова Пасхи (Рапа-Нуи), затерянного в бесконечных просторах Океании, — от него тысячи километров до Южной Америки и до ближайшего соседа — полинезийских островов Мангаревы. Европейцы открыли его в 1722 году, и это дорого обошлось жителям острова: тысячи рапануйцев стали жертвами работорговли и эпидемий. Пришла в упадок и их самобытная культура.

О «прародине» рапануйцев и происхождении жизни на острове было высказано много различных гипотез. Одни считали его остатком легендарного материка Пацифиды, другие — таких, правда, очень немного — выдвигали космические теории происхождения гигантских каменных статуй моаи, разбросанных по всему острову, и говорящих дощечек кохау ронго-ронго. Интерес к острову особенно возрос после экспедиции к его берегам известного норвежского ученого Тура Хейердала в 1956 году. Он выдвинул предположение о заселении острова Рапа-Нуи, как и всей Полинезии, с востока, из Южной Америки, и о единстве культуры острова Пасхи и Перу.

Но все это лишь гипотезы. На реальную почву фактов, развеивая дымку загадочности, переносят нас «Мифы, предания и легенды острова Пасхи», впервые переведенные на русский язык. В основу этой книги положены четыре рукописные тетради фольклорного материала, обнаруженные на острове Туром Хейердалом и подаренные им Ленинградскому отделению Института этнографии АН СССР.

В сборнике собраны все известные версии фольклора, которые помогут изучить рапануйскую мифологию и легендарную историю острова. Рапануйские фольклорные тексты, записанные в конце XIX — первой половине XX века со слов разных информаторов, не только вводят нас в мир религиозно - мифологических представлений жителей острова, но и дают материал для знакомства с его реальной историей.

Наиболее значительный фольклорный срез — мифы о сотворении мира и человека. Естественно, что древние обитатели приписывали это воле божества. Космогонические представления древних аборигенов острова Пасхи имеют много общего с подобными воззрениями, распространенными на других островах Полинезии. В рапануйском мифе «Сотворение мира» повествуется о том, как различные божества, соединяясь друг с другом, порождают все живое на земле. Бог-творец Макемаке, имеющий антропоморфный облик, — это двойник общеполинезийского бога Тане, а Теко и Уоке — местные имена полинезийского бога-громовержца Танга Ронго (Роа), имя которого также вплетено во многие мифы острова Пасхи.

В фольклоре острова Рапа-Нуи существует и цикл мифов о культурном герое и шутнике Уре а Ваи а Нухе, более позднем варианте полинезийского получеловека - полубожества Мауи, который внес лепту в создание мира. Общим для жителей острова Пасхи и других островов Полинезии был бог Хиро — властелин тьмы и подземного мира. У рапануйцев он считался и богом дождя. Пантеон богов и культурных героев, населяющих рапануйские мифы, очень близок к общеполинезийскому, рапануйцы знали всех главных полинезийских богов—к такому выводу приводит знакомство с фольклорными текстами острова Пасхи.

Создания богов — птицы, рыбы и сами боги (в виде человеческих личин) — были запечатлены когда-то в наскальных рисунках. Они графически подтверждают то, что донесла до нас устная фольклорная эстафета. В графическом наследии древних преобладают изображения человека-птицы. На островах Полинезии, а также на Рапа-Нуи морские птицы считались воплощением божества. К прилету морской ласточки на Рапа-Нуи приурочивали ежегодный ритуал избрания тангата ману — человека - птицы. Позднее на острове появился культ птицы фрегата, которая считалась воплощением бога Оро (культ которого пришел на смену культу Макемаке), почитаемого также жителями островов Таити и Мангаревы. Таким образом, фольклорная традиция рапануйцев не подтверждает заманчивой и романтической версии Тура Хейердала о южноамериканских истоках рапануйской культуры. Знакомство с фольклорными данными свидетельствует о том, что система религиозно-мифологических воззрений рапануйцев имеет общеполинезийские корни и на раннем этапе развития отпочковалась от полинезийской.

Судя по историческим преданиям рапануйцев, заселение острова Пасхи и взаимоотношения отдельных групп населения — также своего рода фрагмент общеполинезийской истории. Исторические предания, считает составитель и переводчик рапануйских фольклорных текстов И. К. Федорова, могут служить историческим источником и пролить свет на многие «темные» периоды прошлого рапануйцев. Историческая канва, по которой плетут узоры преданий и легенд древние жители острова, как правило, отражает реальный ход событий.

Остров Пасхи был заселен с запада переселенцами с далеких островов Океании, возможно с Маркизских островов. В поисках новых земель жители Океании на своих быстроходных лодках преодолевали огромные расстояния — пройти на них три-четыре тысячи километров, видимо, для них было вполне реальным, что, кстати, и было доказано Туром Хейердалом. Рапануйские легенды сохранили и имя вождя первых переселен-

цев — Хоту Матуа. Впоследствии волны переселенцев не раз обрушивались на остров, внося свои самобытные элементы в его культуру. Эти миграционные потоки оказали влияние и на развитие рапануйского фольклора.

Ранние фольклорные памятники принадлежат первым переселенцам ханау момоко (тонким, худым, или, как их принято называть, короткоухим — земледельческой прослойке острова). Образцы фольклора ханау еепе (длинноухих, тучных), возможно, потомков ареоев, которые стремились занять на острове господствующее положение, почти не уцелели. Им приписывается строительство гигантских каменных статуй моаи и огромных платформ ахуаху, в которых хоронили умерших.

Целый цикл исторических легенд рассказывает о бесконечных кровопролитных войнах между ханау момоко и ханау еепе. Одна завершилась победой короткоухих и низвержением идолов. Другая ожесточенная война — между туу и хоту ити (жителями северо-западной и юго-западной частей острова) — привела к усилению власти тангату мана (людей-птиц), которые представляли интересы знатных людей и воинов. С этого времени (конец XVIII в.) церемония избрания человека-птицы приобрела социально-религиозный характер.

Если исторические предания рапануйцев проливают свет на этапы их исторической жизни в XVII—XVIII веках, то более древний период их истории не отражен в фольклорных материалах; он остается «белым пятном» и ждет своих исследователей.

Еще одна грань рапануйского фольклора — это различные легенды, притчи, а также тексты этнографического и дидактического характера. Они раскрывают многие стороны духовной и социально-экономической жизни рапануйцев. Фольклорные тексты, согласно которым судьба людей зависит от воли многочисленных добрых или злых духов акуаку, а верховные вожди — арика по воле богов наделены таинственной силой — маной, соседствуют с записями, в которых мифологическая окраска полностью исчезает и в центре внимания — обычные люди, хозяева своих поступков, живущие в реальном мире: они любят, страдают, иногда хитрят и способны на обман, но совершают и смелые, великодушные поступки. Веселые истории о шутнике и озорнике Уре Поои дают представление об отношении рапануйцев к юмору, к смешным ситуациям.

Рапануйцы живут по обычаям и установлениям, которые передаются из поколения в поколение: поклоняются каменным идолам, создают тайные союзы, члены которых имеют обыкновение окрашивать лица разными красками, любят праздники, мстят за убийство близких родственников. Все эти ритуалы и обычаи нашли отражение в рапануйских фольклорных памятниках.

Надежным ориентиром для читателей, которые захотят понять дух и смысл мифов и преданий рапануйцев, послужит обстоятельное предисловие и подробнейший комментарий — исторический, филологический, терминологический.

Издатель рапануйских текстов на русском языке верит только фактам, в данном случае фольклорным, и, действительно, свидетельства устного творчества рапануйцев поставили под сомнение немало гипотез, связанных с островом. И все же загадки остаются... Огромные статуи моаи, увенчанные каменными шапками, еще хранят тайну своего создания. Предположение о том, что их создавали местные жители и передвигали с помощью волокуш, пока не доказано. Фольклорные тексты низвержение каменных статуй приписывают только злой воле духов. Молчат также и уцелевшие иероглифические таблички ронго-ронго, хотя попыток их расшифровки было предпринято немало (среди энтузиастов, пытавшихся прочитать их, был и Борис Кудрявцев, который начал работу по расшифровке двух табличек ронго-ронго, подаренных в свое время Н. Н. Миклухо-Маклаем Музею антропологии и этнографии. Б. Кудрявцев погиб в начале Отечественной войны).

«Мифы, предания и легенды острова Пасхи» приближают к нам таинственный остров, который привлек сердца многих наших современников, помогают понять его прошлое и настоящее, его самобытную культуру.

Т. ШВЕЦОВА

«ПЯТАЯ КОЛОННА» МОНОПОЛИСТИЧЕСКОЙ БУРЖУАЗИИ

«МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИОНИЗМ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА». М., «Наука», 1977, 176 стр., 26 000 экз., 76 коп.

Рецензируемая книга имеет многоплановый характер, охватывает историю возникновения и развития сионизма, почти все стороны и регионы его деятельности, его современные особенности, его место и роль в системе империализма. Через весь сборник красной нитью проходит основная мысль: международный сионизм — неотъемлемая часть империалистической идеологии, «своеобразная политическая «надстройка» крупного финансового капитала в системе международного империализма», «идеология и практика крупной еврейской монополистической буржуазии». Кстати, последнее определение нуждается в уточнении, поскольку сионизм — идеология не всей еврейской монополистической буржуазии и не только ее одной, а также не единственное направление еврейского буржуазного национализма. В действительности, «сионистское движение было и осталось лишь одним из течений, причем недоминирующим, среди евреев в мире»[1]. В связи с этим можно сказать, что сионизм — это политико-идеологическое оформление шовинистического течения в национализме крупной еврейской буржуазии, которое захватывает и другие слои еврейства. Сионистов различных социально-политических уровней объединяет расистская теория «исключительности и превосходства еврейского народа», признание «центрального места» Израиля в жизни всех евреев и вытекающая отсюда поддержка его захватнического курса, воинствующий антиарабизм. В книге обоснованно указывается на крайнюю враждебность сионизма ко всему прогрессивному, передовому, прежде всего к Советскому Союзу, другим социалистическим странам, международному рабочему и национально-освободительному движениям. Сионизм в лице Всемирной сионистской организации (ВСО) и ее филиалов, а также сионистских израильских руководителей пытается самозванно представлять всех евреев мира, что, кроме всего прочего, идет вразрез с нормами международного права.

Деятельность ВСО отвечает интересам монополистов (и не только еврейских), поскольку обеспечивает им дополнительные возможности для приложения своих капиталов в различных районах мира. Но для крупной еврейской буржуазии сионизм и «еврейский вопрос» — не только доходный бизнес и прикрытие неоколониалистской политики, но и важное средство укрепления своих позиций в мире капитала, сплочения различных буржуазных семейных кланов. Прикрываясь видимостью заботы об «общееврейских интересах», космополитический еврейский капитал добивается установления своего контроля над трудящимися евреями в различных странах, воспитания их в духе буржуазного национализма и высокомерия, «классового мира» путем проповеди исключительности и обособленности «богоизбранного народа».

Выдвигая претензии на двойное гражданство или «двойную лояльность» евреев в различных странах, сионистская буржуазия пытается создать там своеобразные «пятые колонны», призванные стать инструментом осуществления бредовых планов расширения «жизненного пространства» за счет арабских государств. Важнейшим орудием этих планов выступает Израиль — верхушка международного сионистского айсберга, девять десятых которого скрыты от посторонних взглядов.

Однако не следует преувеличивать роль этого государства в сионистском движении. Израиль, его народ являются в данном случае не субъектом, а скорее объектом сионизма и, следовательно, империализма, что, к сожалению, пока еще не до конца сознают трудящиеся этой страны, отмечал Генеральный секретарь ЦК Компартии Израиля М. Вильнер[2].

---

[1] «XVII съезд Коммунистической партии Израиля». М., 1973, стр. 177.

[2] См.: «Проблемы мира и социализма», 1976, № 1.

Большое место в книге занимает анализ американского сионизма, его роли в двухпартийной системе США. И это вполне правомерно: здесь сосредоточена самая многочисленная в мире группировка еврейских капиталистов. К тому же она тесно связана со всей североамериканской монополистической буржуазией.

Наличие у американского сионизма больших финансовых средств, хорошо отлаженной и разветвленной структуры, мощного пропагандистского аппарата предопределяет его гегемонию во ВСО, позволяет ему действенно влиять на внешнюю политику Вашингтона, держать в подчинении американскую еврейскую общину, раскалывать демократическое, молодежное и рабочее движение страны. Лидеры сионизма всегда рассматривали перспективу улучшения американо-советских отношений как помеху для своей деятельности и особенно для достижения своих экспансионистских целей на Ближнем Востоке.

Как почти любой, а тем более многоплановый труд, рецензируемая книга не свободна от недостатков.

Наиболее существенный из них — отсутствие материалов о происках сионистов в СССР и других социалистических странах. Недостаточно полно освещен также вопрос о раскольнической деятельности сионистов в международном рабочем движении, особенно в партиях, примыкающих к Социнтерну, а также в реформистских профобъединениях.

Хотя иудейские религиозные организации в буржуазных странах чаще всего сотрудничают с сионизмом, все же нельзя считать, что «иудейские клерикалы целиком перешли на службу к сионизму». Тем более что и в самой рецензируемой книге указывается, что «в еврейской общине США (не говоря уже о других странах. — В. С.) имеются буржуазные религиозные круги, выступающие против «теории» и практики политического сионизма». В то же время в книге отмечается, что руководство системой международного сионизма все больше попадает в руки наиболее реакционной буржуазно - клерикальной еврейской верхушки.

Вызывает сожаление и то, что авторы практически не использовали источники на иврите, являющемся государственным языком в Израиле. Впрочем, этот недостаток присущ почти всем опубликованным у нас работам такого рода.

Отмеченные недостатки и спорные положения не умаляют большой идейно-политической и научной ценности книги, которая быстро разошлась и, надо надеяться, будет переиздана, притом с учетом высказанных замечаний.

В. СТЕФАНКИН,
кандидат юридических наук

Новинки литературы

Л. Х. Авшалумова. ИУДАИЗМ И ЖЕНЩИНА. Махачкала, 1977, 64 стр., 1000 экз., 10 коп.

М. В. Алпатов. ДРЕВНЕРУССКАЯ ИКОНОПИСЬ. Альбом. Изд. 2-е. М., «Искусство», 1978, 331 стр. с илл., 25 000 экз., 22 руб. 80 коп.

«АТЕИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ШКОЛЬНОЙ И СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ». Вологда, 1977, 140 стр., 1000 экз., 70 коп.

Болингброк. ПИСЬМА ОБ ИЗУЧЕНИИ И ПОЛЬЗЕ ИСТОРИИ. М., «Наука», 1978, 359 стр., 50 000 экз., 2 руб. 10 коп.

А. И. Бычков и Ю. М. Смоленцев. ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ КУРСА ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ. М., «Педагогика», 1978, 143 стр., 10 000 экз., 30 коп.

А. Варганов. СУЗДАЛЬ. М., «Советская Россия», 1978, 78 стр. с илл., 150 000 экз., 1 руб. 70 коп.

Н. Д. Горохова, Н. А. Костенко. НРАВСТВЕННОЕ СОДЕРЖАНИЕ НАУЧНОГО АТЕИЗМА. М., Общество «Знание» РСФСР, 1978, 40 стр., 10 000 экз., 7 коп.

В. И. Добреньков. МОДЕРНИЗАЦИЯ ИДЕИ БОГА В СОВРЕМЕННОЙ РЕЛИГИИ. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», № 5), 1978, 64 стр., 52 400 экз., 11 коп.

«КАЛЕВАЛА». Карело-финский народный эпос. Петрозаводск, «Карелия», 1978, 25 000 экз. Руны 1—25. 445 стр. с илл., 2 руб. 40 коп. Руны 26—50. 391 стр. с илл., 2 руб. 10 коп.

А. С. Колесников. СВОБОДОМЫСЛИЕ БЕРТРАНА РАССЕЛА. М., «Мысль», 1978, 133 стр., 34 000 экз., 30 коп.

Э. А. Лазаревич. ИСКУССТВО ПОПУЛЯРИЗАЦИИ НАУКИ. Изд., 2-е перераб. и доп. М., «Наука», 1978, 224 стр., 7000 экз., 40 коп.

В. М. Ничик. ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ конца XVII — начала XVIII В. Киев, «Наукова думка», 1978, 298 стр., 1600 экз., 2 руб. 20 коп.

«СОЦИАЛЬНО - ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КРИТИКИ РЕЛИГИОЗНОЙ МОРАЛИ». Вып. 4. Л., 1977, 99 стр., 1000 экз., 40 коп.

Ю. Спегальский. ПСКОВ. Изд. 2-е, доп. Л., «Искусство», 1978, 247 стр. с илл., 50 000 экз., 1 руб. 70 коп.

Л. В. Строева. ГОСУДАРСТВО ИСМАИЛИТОВ В ИРАНЕ В XI—XIII ВВ. М., «Наука», 1978, 274 стр., 2400 экз., 1 руб. 90 коп.

А. Б. Чертков. КРИТИКА ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВ ПРАВОСЛАВИЯ. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», № 6), 1978, 63 стр., 52 440 экз., 11 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

А. Акгаев. Атеистическое воспитание трудящихся. «Партийная жизнь», 1978, № 11, стр. 60—65.

Е. Александрова. «Святые собаки». «Наука и жизнь», 1978, № 3, стр. 102—104.

Ю. Г. Алексеев. Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. «История СССР», 1978, № 2, стр. 204—208.

А. Белов. Важная сторона мировоззренческого воспитания. «Коммунист», 1978, № 6, стр. 125—128.

А. Н. Голубев. Понятие личности в этике Владимира Соловьева. «Вопросы философии», 1978, № 3, стр. 125—136.

А. Ионова. «Мусульманский социализм»: проблемы типологии (на примере Индонезии, Малайзии и Филиппин). «Азия и Африка сегодня», 1978, № 5, стр. 40—43.

Н. Карашева. Необычные обычаи. «Азия и Африка сегодня», 1978, № 4, стр. 52—54.

Р. С. Карпинская. Мировоззренческое значение современной биологии. «Вопросы философии», 1978, № 4, стр. 95—106.

Р. Ланда. Стамбульские зарисовки. «Азия и Африка сегодня», 1978, № 4, стр. 40—41.

Н. А. Мальцева. Гусь в Древней Индии. «Природа», 1978, № 5, стр. 157—160.

М. Д. Мамедов. Научно-технический прогресс и религиозное сознание. В кн.: «Научно - техническая революция и развитое социалистическое общество». Тбилиси, 1977, стр. 189 — 197.

И. Минц. Революционер, ученый, пропагандист ленинизма (к 100-летию со дня рождения Е. М. Ярославского). «Коммунист», 1978, № 5, стр. 55—61.

Х. Н. Момджян. Поль Лафарг и философия марксизма. М., 1978. Из содержания: глава V. Атеистическое наследие, стр. 201—240.

С. М. Морозов. Утопия и утопическое у Э. Блоха. «Социологические исследования», 1978, № 1, стр. 155—161.

А. Мосейко. Традиции и их роль в современной Африке. «Азия и Африка сегодня», 1978, № 5, стр. 36—39.

В. Мурашова, А. Хмельницкая. Как лучше провести беседу. «Агитатор», 1978, № 7, стр. 53—55.

С. Ш. Муслимов. К вопросу о соотношении категорий «секуляризация» и «атеизация». «Известия Сев.-Кав. науч. центра высшей школы. Общественные науки». Ростов-на-Дону, 1977, № 2, стр. 86—90.

И. С. Нарский. Диалектическая проблематика в творчестве Спинозы. «Философские науки», 1978, № 3, стр. 60—69.

«Проблемы гуманизма в марксистско-ленинской философии». Ростов-на-Дону, 1977. Из содержания: **В. Е. Доля.** Псевдогуманизм русской религиозной философии конца XIX — начала XX в., стр. 101—105; **Г. М. Федорюк.** Антигуманистическая сущность философской антропологии Тейяра де Шардена, стр. 106—113.

А. Н. Сахаров. Рецензия на кн.: Н. А. Горская. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII веке. О сущности и формах феодально - крепостнических отношений. «История СССР», 1978, № 5, стр. 161—164.

В. Скосырев. На земле Ориссы. «Азия и Африка сегодня», 1978, № 4, стр. 42—43.

Ж. Смиренская. Традиционные отношения в деревне и крестьянское сознание (на примере ряда стран Азии). «Азия и Африка сегодня», 1978, № 4, стр. 32—35.

И. М. Стеблин-Каменский. Данные памирских языков о мифологии древних иранцев. В кн.: «Международный симпозиум по этническим проблемам древней истории Центральной Азии». М., 1977, стр. 32—34.

Л. Л. Тайван. К вопросу об истории мусульманско-христианских противоречий на Филиппинах. В кн.: «Социально - экономические проблемы стран Южной и Юго-Восточной Азии». М., 1977, стр. 207—217.

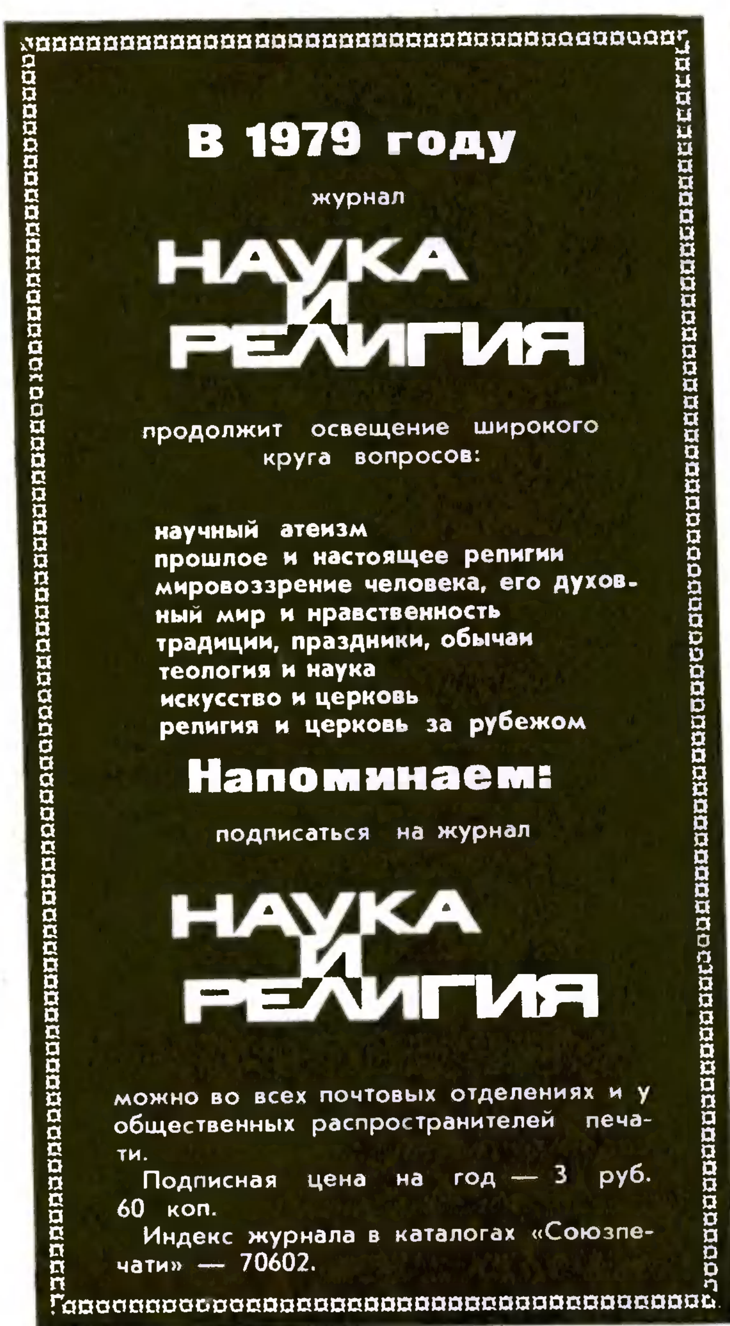
Н. Д. Фошко. О синтезе национальной традиции и иноэтнической религиозной литературы. «Народы Азии и Африки», 1977, № 4, стр. 142—148.

М. Д. Хлобыстина. «Маленькие богини» туркменского энеолита. «Каракумские древности». Ашхабад, 1977, вып. 6, стр. 102—109.

А. Шамаро. Ивановский монастырь. «Наука и жизнь», 1978, № 2, стр. 142—147.

Б. П. Шишло. К проблеме культа предков и тотемизма у народов Сибири. «Проблемы археологии и этнографии». Л., 1977, вып. 1, стр. 130—140.

«Этнография народов Восточной Европы». Л., 1977. Из содержания: **И. И. Шангина.** К вопросу о пережитках древних верований в быту русских крестьян XIX в., стр. 118—124; **Л. П. Азовская.** О верованиях вепсов, стр. 140—152.

Редакция журнала предполагает, в частности, опубликовать следующие публицистические и художественные произведения:

Рюрик Садоков
800 ЗАМУРОВАННЫХ ЛЕТ
Записки археолога

☆

Амброджо Донини
У ИСТОКОВ ХРИСТИАНСТВА

☆

БУДДИЗМ СЕГОДНЯ
Цикл статей и очерков

☆

И. Витковский и М. Витковская
ПОТЕРЯННАЯ МОЛОДОСТЬ
Повесть

☆

Александр Шамвро
ПУТЯМИ ГЕРОЕВ ПОВЕСТЕЙ ЛЬВА ТОЛСТОГО «КАЗАКИ» и «ХАДЖИ МУРАТ»
Из цикла «Атлас русской литературы»

☆

Виктор Комаров
ДВЕРЬ ОТКРЫВАЕТСЯ В ОДНУ СТОРОНУ
Приключенческая повесть

☆

Ольгерд Будревич
КСЕНДЗ СРЕДИ ИНДЕЙЦЕВ

☆

Марчел Гольденберг
ЗАЧЕМ ВАТИКАНУ «ИНСТИТУТ АТЕИЗМА»!

А также отрывки из новых произведений Даниила Гранина, Юстинаса Марцинкявичуса, Галины Серебряковой, Сергея Львова, Радия Фиша.

АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА

ВИНОГРАДОВ Игорь Иванович — член Союза писателей СССР, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института искусствоведения. Автор книг «Проблемы содержания и формы литературного пронзведения», «В ответе у времени», «Искусство. Истина. Реализм» и многих статей по эстетике и истории русской классической и современной литературы. В нашем журнале в 1971 году была опубликована его статья о творчестве Ф. М. Достоевского.

ГИН Моисей Михайловнч — литературовед, историк русской литературы XIX века, член Союза писателей СССР. доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Петрозаводсиого университета им. О. В. Куусинена. Автор нниг: «Н. А. Некрасов — литературный критик» (1957), «О своеобразии реалнзма Некрасова» (1966), «Лнтература и время» (1969), «От факта к образу и сюжету» (1971) и ряда статей. В нашем журнале печатается впервые.

КАЛИНИЧЕВА Зоя Васильевна — кандидат фнлософских наук, доцент кафедры научного атеизмв, этиии и эстетики Ленинградского педагогичесиого института имени А. И. Герцена. Автор нииг: «Антигуманизм баптистского учения о человеке» (1968), «Социальная сущность баптизма» (1972) и др. В нашем журнале печатается с 1968 года.

ПОВАРКОВ Яи Яковлевич — кандидат философских наук, доцент кафедры научного коммунизма Московского педагогического иистутута иностраииых языков имени М. Тореза. Опубликовал ряд работ по истории аитичной философии. Автор нашего журнала.

МАТВЕЕВ Констаитии Петрович — кандидат исторических наук, занимается проблемами нацнонально-освободительных движений в истории народов Востока. Автор монографии «Ассирийсний вопрос во время и после первой мировой войиы» (1968) и других ииг, а также многих статей в центральных научиых и общественно-политических журналах. В нашем журнале печатается с 1974 года.

Сдано в набор 14.06.78.
Подписано к печати 27. 07. 78. А05308.
Формат издания 60×90/8
Глубокая печать.
Условных печатных листов — 10.
Учетно-издательских листов — 14,12.
Тираж 440000 экз.
Зак. 03064.

Адрес редакции:
109004, Москва.
Ульяновская, 43, корп. 4.
Телефоны:
297-02-51, 297-10-89.

Ордена Ленина комбинат печати издательства «Радянська Україна», г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

Толстой неоднократно воспроизводил в своих произведениях чудесные картины яснополянской природы, которую он горячо любил и тонко чувствовал.

В этом уютном уголке залы яснополянского дома по вечерам собирались семья, гости, велись задушевные беседы.

Кожаный диван в кабинете писателя в Ясной поляне. По семейному преданию на этом диване родился Лев Николаевич.

Фото Ф. Гуртовника

Уголок дома Толстых в Хамовниках. В углу белый гипсовый бюст писателя. Это первый скульптурный портрет Толстого, и вылеплен он не скульптором, а художником Н. Н. Ге. Самому Толстому этот бюст очень нравился, он считал, что этот «лучше всех».

Столовая в хамовническом доме. За этим длинным обеденным столом семья Толстых собиралась к завтраку, обеду и к вечернему «малому чаю».

Беседка в саду хамовнического дома. Иногда здесь работал Л. Н. Толстой. В 1899 году в беседке он правил корректуры романа «Воскресение».

Цена 30 коп.
70602